ИСТОРИЧЕСКИЕ СИЛУЭТЫ

Братья Орловы

Разумовская Е.А.

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга для тех, кому и узнать хочется побольше, и скучно просиживать штаны в библиотеках, копаясь в пыльных архивах. Она вовсе не претендует на исключительную точность и полную объективность. Рассказывать о XVIII столетии совершенно объективно невозможно. Эта эпоха полна грандиозных свершений и великих людей, каждый из которых был отнюдь не ангелом в реальной жизни. Происходили один за другим дворцовые перевороты, сменялись на троне правители и правительницы, а возле них — их фавориты.

О людях, по-настоящему великих, еще при их жизни складывались весьма разнородные мнения. Противоборствующие партии стремились очернить противников; кто-то бросал дурное слово, а затем его подхватывали, и негативная репутация разрасталась, оставаясь в веках. Некоторое время назад даже слово «временщик», которое означает всего-навсего фаворита при том или ином правителе, звучало как ругательное. А что делать с теми временщиками, которым Россия обязана своим великим прошлым, победами в войнах, величественными постройками и работой многих ученых, художников, писателей? Братья Орловы относились именно к таким временщикам, и мы попытались без прикрас обрисовать каждого из них, не скрывая ни доброго, ни дурного в их поступках. Каждый из пятерых Орловых отличился в особом роде деятельности; каждый сталкивался в своей жизни с самыми разными людьми и обстоятельствами, безусловно, стоящими упоминания о них.

- Е.А. Разумовская
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - Глава 1.
    - Легенда о происхождении рода Орловых
    - Путь к вершине
    - Заговор и переворот
    - Графское достоинство и великие щедроты
  - Глава 2.
    -
    - Цорндорфское сражение
    - Встреча с Екатериной
    - Фаворит императрицы
    - Вольное экономическое общество
    - Греческий проект
    - Чума 1770-1771 гг. в Москве

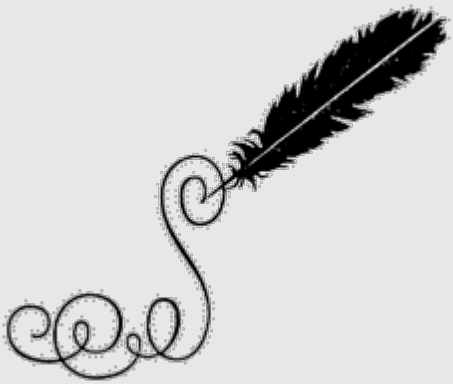
        - Фокшанский конгресс и отставка
    - Глава 3.
        - Мифы об Алексее Орлове
        - Алексей Орлов и смерть отрекшегося императора Петра III
        - Русско-турецкая война 1768-1774 гг. и чесменская победа графа Алексея Орлова
        - Княжна Елизавета Тараканова: «Гнусный, вероломный обман» Алексея Орлова
        - А.Г. Орлов в отставке: жизнь и смерть частного человека
    - Глава 4.
        -
        - Глава семьи: Иван Орлов
        - Любимец семьи: Федор Орлов
        - Владимир Орлов
        - СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ
- comments
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26

- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70

- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114

- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158

Е.А. Разумовская
БРАТЬЯ ОРЛОВЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Каждый раз, когда речь заходит об отечественной истории, каждый по-своему судит о давних событиях. Это касается даже ближайшего прошлого, а что уж говорить о веках, отстоящих от нашего на несколько сотен лет? О них складываются самые фантастические представления, основанные на информации, полученной из самых разных источников (теле- и кинофильмов, художественных и научно-популярных книг, статей в журналах, на сайтах и т. д.). Вряд ли тот, кто решил больше узнать о том времени, берется за серьезные научные труды. Ведь это скучно!

Эта книга для тех, кому и узнать хочется побольше, и скучно просиживать штаны в библиотеках, копаясь в пыльных архивах. Она вовсе не претендует на исключительную точность и полную объективность. Рассказывать о XVIII столетии совершенно объективно невозможно. Эта эпоха полна грандиозных свершений и великих людей, каждый из которых был отнюдь не ангелом в реальной жизни. Происходили один за другим дворцовые перевороты, сменялись на троне правители и правительницы, а возле них — их фавориты. Одни были людьми скучнейшими, вылезшими «в князи» исключительно волею случая; от них в истории не осталось ничего, кроме краткой биографической справки в энциклопедических словарях. Другие — это те, кто делал историю сам, и информации о таких персонах можно найти великое множество. Другое дело, что же это будет за информация. О людях, по-настоящему великих, еще при их жизни складывались весьма разнородные мнения. Противоборствующие партии стремились очернить противников; кто-то бросал дурное слово, а затем его подхватывали, и негативная репутация разрасталась, оставаясь в веках. Некоторое время назад даже слово «временщик», которое означает всего-навсего фаворита при том или ином правителе, звучало как ругательное. А что делать с теми временщиками, которым Россия обязана своим великим прошлым, победами в войнах, величественными постройками и работой многих ученых, художников, писателей? Братья Орловы относились именно к таким временщикам, и мы попытались без прикрас обрисовать каждого из них, не скрывая ни доброго, ни дурного в их поступках. Каждый из пятерых Орловых отличился в особом роде деятельности; каждый сталкивался в своей жизни с самыми разными людьми и обстоятельствами, безусловно, стоящими упоминания о них.

Информацию мы черпали отовсюду: из исторических исследований и монографий разного времени, из популярных

статей, даже из художественной литературы. В то жестокое время случалось множество вещей, все сведения о которых изымались сразу же по окончании, чтобы, не дай Бог, никто не смог обвинить в грязных поступках тех, о ком говорить требуется с почтительным придыханием. Документы уничтожались, люди, близкие к событиям, исчезали или просто молчали, опасаясь за свою жизнь. А среди остальных ползли слухи, ложившиеся в основу нового взгляда на историю. Когда под ногами нет твердой фактической почвы, расцветает художественный вымысел. И для нас, далеких потомков ушедшего времени, действительные документы эпохи ничем не отличаются от беллетристики; и то, и другое мы воспринимаем как свидетельства прошлого. Естественно, что Ваше, читатель, мнение, может не совпасть с высказанным в книге. Что ж, возможно, мы просто читали разные источники…

Глава 1.
ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГРАФСКОГО РОДА ОРЛОВЫХ

Легенда о происхождении рода Орловых

У любого дворянского рода России есть легенда о том, откуда этот самый род пошел. Есть такая легенда и у графского рода Орловых, самые знаменитые представители которого — братья Григорий и Алексей Орловы — возвели Екатерину на престол. Причем существует эта легенда в двух вариантах. Оба варианта единодушно признают, что дедом наших героев был бунтовщик, стрелецкий старшина Иван. Дальше начинаются несостыковки.

По одной версии, принадлежащей графу Салиасу-де-Турнемиру, дед Орловых в 1698 г. участвовал в бунте против Петра I. Орлову тогда было уже много лет, и почему он стал бунтовать против юного царя — неизвестно. Старшину Ивана, как и других стрельцов, царь приказал казнить: отрубить буйну голову. Предок героев этой книги шел гордо, независимо и степенно. Видимо, это и бросилось в глаза царю-реформатору. Дальше романист живописует встречу старика Орлова и царя Петра таким образом: «Царь остановил старика и, вызвав из рядов, спросил, как звать.

— Стрелецкий старшина Иван Иванов сын Орлов.

— Не срамное ли дело, старый дед, с экими белыми волосами крамольничать?! Да еще кичишься, страха не имеешь: выступаешь, глядишь соколом, будто на пир.

Старик упал в ноги царю:

— Срам велик, а грех еще того величе, — воскликнул он. — Не кичуся я, царское твое величество, и иду радостно на смерть лютую не ради озорства. Утешаюся, что смертью воровскою получу грехам прощение и душу спасу. Укажи, царь, всем нам, ворам государским, без милости головы посечь. Не будет спокоя в государстве, пока одна голова стрелецкая на плечах останется. Ни единой-то единешенькой не повели оставить… Попомни мое слово стариково»{1}.

Молодого царя удивили такие речи, и он разговорился со стариком. Пока секли товарищам Орлова буйны головы, царь дознавался у него о стрельцах, о прошлых их восстаниях, о том, как они заговоры эти все устраивали. В этих расспросах время пролетело, плаха была залита кровью и ждала последнюю жертву. Но царь оставил старика в живых. Правда это или вымысел — неизвестно, но с тех пор все Орловы верой и правдой служили государям, но интересно, что этих государей они выбирали сами. Сын легендарного старшины и отец графов Орловых — Григорий — верно служил Петру, его сыновья были преданы императрице Екатерине Великой, которую они, кстати, правительницей и

сделали. Подметил романист и еще одну характерную черту Орловых — храбрость и бесстрашие. Эта черта ярче раскрывается в другом варианте легенды, усиленно поддерживаемом самими Орловыми.

Итак, стрелецкая казнь 1698 г. Вместе со всеми на казнь шел стрелец Иван, которого сослуживцы за силу, бесстрашие прозвали Орлом. Семейное предание Орловых повествует, что у деда Ивана были несгибаемая воля и гордый нрав (этим отличались и его потомки). Он спокойно подошел к лобному месту и горделиво сказал царю-самодержцу: «Ты бы подвинулся, Петр, мне на плахе лечь надобно». Вопреки всем ожиданиям царь Петр не рассердился, а рассмеялся. За такую смелость и силу духа царь помиловал смутьяна. И непросто помиловал, а пожаловал ему дворянство и чин офицера. Прозвище Орел переделали в фамилию Орлов. С этого момента и начинается история графского рода Орловых.

Путь к вершине

До того как императрица Екатерина Великая пожаловала им графский титул с правом наследования, Орловы были средней дворянской фамилией. Пятеро братьев Орловых являлись уже четырнадцатым коленом этой фамилии, которая, как предполагают историки, пошла от некоего мужа по имени Лев. По национальности он был немцем и пришел на Русь в XIV в. при сыне знаменитого Дмитрия Донского, князе Василии Дмитриевиче. Пожалованный землями, он стал плодиться и размножаться. От своего немецкого основателя Орловы получили домовитость, деловую хватку и рачительность. Все эти черты впоследствии пригодились братьям, когда они добрались до вершин власти. Правда, многие современники упрекали Орловых, особенно Григория, в расточительности, однако никто не отказывался принять участие в их пирах. Другая характерная черта этого семейства, которую отмечают все мемуаристы, — это необыкновенное согласие и тесная дружба. В роду Орловых не было семейных скандалов и неприятных историй, связанных с разделом имущества, наследством и пр. Более того, вплоть до начала XIX в. Орловы владели неразделенным имуществом, то есть те земли, которые они получали от царствующих особ, были общими. Дружба и братские узы — вот что было основой силы Орловых, их стержнем и опорой. Даже недоброжелатели поражались той искренней атмосфере товарищества, любви и взаимовыручки, которая царила в семействе Орловых. Да и как могло быть иначе, если очень скоро братья остались без родителей, и всю ответственность за младших взял на себя старший брат Иван Орлов, названный в честь деда и прозванный братьями Старинушкой. Эта дружба была с братьями всю жизнь и не прервалась даже тогда, когда по воле судеб они были вознесены на самый верх социальной лестницы XVIII в.

Отец наших героев — Григорий Иванович Орлов — был сыном того самого стрелецкого старшины, которого помиловал молодой царь Петр. Неизвестно, какие чувства испытал тогда Иван Орлов, но его сын стал убежденным сторонником Петра I. Григорий Иванович Орлов был высокого роста, могуч, приятной внешности. Всю свою жизнь он провел в походах Петра I. Унаследовав от своего отца бесстрашие и несгибаемый дух, он принимал участие во многих сражениях: побывал Григорий Иванович Орлов и на Русско-турецкой войне, и на Северной. Отвага его была столь велика, а действия столь успешны, что его знал сам царь Петр. В знак признательности его заслуг Петр I

пожаловал отцу наших героев свой портрет на золотой цепи, чтобы тот мог его всегда носить при себе.

Ратные подвиги не давали времени подумать о семье, но, отпраздновав полувековой юбилей, Орлов-отец решил жениться. Его супругой стала девушка, годившаяся ему во внучки, — пятнадцатилетняя Лукерья Зиновьева. Несмотря на огромную разницу в возрасте, супруги жили душа в душу. Лукерья родила мужу девятерых сыновей, четверо из которых умерли в детском возрасте. Когда родился первенец — Иван, Григорий Орлов вышел в отставку в чине генерал-майора. Однако Орлов-отец не собирался сидеть на пенсии: он вел активную социально-политическую жизнь, занимал должности. В 1742 г. его назначили губернатором Новгорода и произвели в действительные статские советники. Столь высокое положение в обществе помогло его сыновьям сделать успешную карьеру в армии, а затем и при дворе.

Атмосфера в доме Орловых была теплой и любящей, отец был непререкаемым авторитетом. Мальчиков завораживали его увлекательные рассказы о сражениях, походах, ратных подвигах, и они хотели быть похожими на своего отца. Повзрослевшие братья Орловы отличались храбростью, богатырской удалью, душевным благородством и милосердием. Неслучайно на родовом гербе Орловых начертан девиз: «Твердостью и постоянством». Братья соответствовали этому девизу сполна. Они были богатырями земли русской: высокие, могучие, обладающие недюжинной физической силой (особенно Федор, которого любовно звали Дунайкой), красивые и благородные. Екатерина, будучи еще великой княгиней, знала на чьи плечи опираться: плечи братьев Орловых были крепче любой стены. Дух Орловых был не менее исполинским: они вершили великие дела. Удивительно, что, такие разные, они жили одними интересами, были озабочены одним делом — процветанием своей родины.

По современным меркам братья Орловы были людьми малообразованными — они вузов не заканчивали. Как и все молодые люди их круга, они получили домашнее образование. Читать и писать братья умели, но вот дальше… а дальше было самообразование. У Алексея Орлова была богатейшая библиотека, и он, и Григорий покровительствовали наукам и вложили немало денег в научные проекты. Интеллектуалом среди братьев был младший — Владимир. Благодаря опеке старших и их средствам болезненный и слабый юноша смог выучиться за границей и стать директором Петербургской Академии наук. Но Владимир — исключение среди братьев, и о нем речь еще впереди. Все остальные братья — удалые гвардейцы, отважные

солдаты, красавцы и силачи. Один из мемуаристов утверждал, что не было в ту пору в Российском государстве никого сильнее Орловых. Именно гвардия и дала братьям, как говорили в советские времена, путевку в жизнь, потому что со времен царя-реформатора гвардейцы были движущей силой истории, политики и даже экономики. Молодому повесе, обдумывавшему, как ему лучше сделать жизнь, отец всегда советовал: «Поступай, сынок, в гвардейцы». Так сделали и братья Орловы. Однако сначала они окончили Шляхетский кадетский корпус, кузницу кадров для гвардии. Естественно, что по окончании корпуса братья были определены в элитные полки: Иван Орлов — в Преображенский, Григорий и Алексей — в Семеновский, Федор — в Измайловский. Отсюда уже молодым и горячим дворянам была открыта дорога в высшие слои тогдашнего общества. Гвардейские офицеры были желанными гостями на светских приемах, балах, барышни из аристократических семей были рады отдать свои сердца и целомудренность храбрым защитникам Отечества… Братья почувствовали себя «в своей тарелке»: они отличались и на поле брани, и в лучших домах Петербурга и Москвы. Особенно широко развернулась натура Григория Орлова — красавца, силача, любителя и любимца женщин. Начались славные денечки юности. Но никто из братьев тогда даже не подозревал, что это всего лишь «начало высоких и тревожных дней»[{2}].

А теперь прервем наш рассказ и вернемся немного назад. У императрицы Елизаветы Петровны не было законных наследников, которые могли бы занять престол после ее смерти. Как женщина практическая и радеющая о благополучии своего народа, Елизавета стала подыскивать себе преемника и нашла его в Голштинии. Это был ее племянник, внук двух великих императоров и непримиримых врагов — Петра I и Карла XII — Карл Петер Ульрих. Елизавета привезла его в Россию, перекрестила в православие и нарекла Петром Федоровичем. Это и был будущий император Петр III, последний прямой потомок царя-реформатора. Петр Федорович изумлял даже свою царственную тетку: он был груб, невежествен, ограничен, много пил и совершенно не имел способности к управлению огромной страной. Все бы ничего, если бы великий князь, а впоследствии император всея Руси так открыто не демонстрировал презрение и нелюбовь к русскому народу. Он не просто не был русским (как мы помним, его супруга, будущая императрица Екатерина Великая, тоже не была русской), он даже не старался им стать. Меткую характеристику русскому императору дал его дядя, германский император Фридрих Великий: «Он больше немец, чем я. Я даже не немец, а европеец, а Петр III даже не немец, а

голштинец»[3]. И вот такому наследнику престола необходимо было найти спутницу жизни.

Всем известно, что выбор Елизаветы пал на представительницу древнего дворянского рода Софию Фредерику Августу Ангальт-Цербстскую. Этот род был столь же бедным, сколь и древним. Расчет Елизаветы Петровны был прост: бедную невесту легко заставить повиноваться. Как потом показала история, Екатерина стала прилежной ученицей Елизаветы Петровны. В отличие от своего мужа она обладала и умом, и тактом, а главное — желанием стать русской. Но это было потом, а пока пятнадцатилетняя принцесса ехала вместе с матерью в неизведанную, пугающую и манящую одновременно Россию. Здесь ее встретила императрица и ее будущий муж, троюродный брат Карл Петер Ульрих. А еще бедную немецкую принцессу встретила невероятная роскошь, которая могла ей только сниться в самых смелых снах, и тогда принцесса Фике (как звали ее домашние) поклялась себе, что она сделает все, чтобы никогда отсюда не уехать.

Бракосочетание Софии Фредерики, получившей при крещении имя Екатерина, и Петра состоялось 21 августа (1 сентября) 1745 г. Невесте было 16 лет, жениху — 17. Она хотела стать ему верной и нежной подругой (по своей природе Екатерина была страстной женщиной, что в истории России сыграет не последнюю роль), а он не нуждался в этом. Петр совершенно не интересовался ею, предпочитая будуары других женщин, он не то чтобы боялся ее, но избегал и сторонился. Уже стали хрестоматийными воспоминания самой Екатерины о том, как Петр III заставлял свою супругу играть с ним в солдатики и в карты. Они жили скорее как брат и сестра, но не как супруги. Постоянные измены мужа доводили юную жену до слез. Она занималась самообразованием: изучала русский язык, читала сочинения историков, философов, античных авторов, современных писателей. Екатерина брала уроки верховой езды, танцевала на балах, но императрица Елизавета увидела в ней государственный ум и властность и потихоньку обучала ее непростому ремеслу монарха. Екатерина же ждала своего часа.

Постепенно вырисовывалась щекотливая проблема: у четы не было детей. Императрица Елизавета Петровна была очень недовольна, но Петр продолжал игнорировать супругу. Екатерина тоже завела себе любовников. С одним из них — Салтыковым — связан слух о том, что это именно он был отцом Павла I. Как бы то ни было, но после двух выкидышей великая княгиня смогла выносить и родить в 1754 г. наследника престола — Павла. Счастье материнства познать Екатерине не удалось: Павла тут же

забрали от нее и воспитывали без ее участия. Неудивительно, что потом отношения матери и сына были натянутыми. Екатерина снова осталась одна, но теперь даже Елизавета Петровна редко удостаивала ее своим общением.

Такова была экспозиция предстоящей битвы. Битвы за императорский трон. Екатерина мечтала о нем, но прав на него, особенно после рождения наследника, не имела. Однако выкинуть мысли о власти она из головы не могла. Все начало оформляться во что-то определенное, когда великая княгиня повстречалась с Григорием Орловым. Ей было тридцать лет, она была привлекательна, страстна, опытна в любовных делах, а главное — несчастна. О, сила женской слабости! Орлов был рыцарем, и он, конечно же, был готов сделать для Прекрасной дамы всё. Ни одна историческая хроника не сообщает, когда они стали любовниками. Однако когда это случилось, братья Орловы стали самым действенным образом «пиарить», как бы мы это сейчас назвали, Екатерину. Великая княгиня нуждалась в них, потому что за Орловыми была гвардия, а Екатерина хорошо усвоила от Елизаветы, что путь к трону лежит именно через гвардейские казармы. Говорят, что нельзя войти в одну реку дважды. В случае с Екатериной это не так: она пошла по тому же пути, что и Елизавета, и не прогадала. Конечно, Екатерине было гораздо сложнее: она была чужой в этой стране, она родила законного наследника, но, тем не менее, гвардия внесла ее на вершину власти так же, как и Елизавету.

Спустя годы, после переворота 1762 г., императрица России открыто призналась французскому послу Бретелему: «Орловым я обязана тем, что я есмь». В своих записках она также недвусмысленно дает понять, что если бы не братья Орловы, то не стала бы она самодержицей всея Руси. Как же так получилось? Орловы имели большой авторитет в гвардейских полках, потому что были храбрыми солдатами, хорошими товарищами, порядочными людьми, и к их мнению прислушивались. Постепенно они создавали положительный образ страдающей великой княгини, которая, в отличие от своего ограниченного и упрямого супруга, питала глубокую любовь к новой родине и русскому народу. Григорий, Алексей и Федор не жалели красок, описывая ужасающее и униженное положение Екатерины в семье. Постепенно число ее сторонников росло. В немалой степени этому способствовало и поведение ее супруга, который не желал считаться с настроениями общества. Еще при жизни Елизаветы многие не хотели, чтоб престол занимал ее племянник. Создавались кружки и тайные общества, обсуждавшие возможность передачи власти в обход воли императрицы.

Проекты были самые разные. Екатерина очень активно участвовала во всех этих интригах, потому что в конце концов она была первой, по кому придется удар. Недовольство зрело, в покоях Великой княгини уже давно обсуждали различные проекты по захвату власти. Одними из главных заговорщиков (а в историческом сознании — главными) были братья Орловы.

К тому моменту они уже хорошо были известны в столице. Они выделялись своей удалью, умением веселиться, кутежами и амурными приключениями. В высшем обществе Орловых знал каждый, но в гвардии их любили. Не было ничего удивительного в том, что гвардейские офицеры часто собирались у Григория Орлова, который к тому времени был любовником Екатерины. За рассказами о похождениях и пирушках он не забыл вызывать сочувствие к жене великого князя. Впрочем, гвардия и так любила ее и готова была добыть ей престол шпагой.

Первый случай представился сразу после того, как преставилась государыня императрица Елизавета Петровна. Это случилось 25 декабря 1761 г. После 20 лет правления дщерь Петрова умерла, завещав российский престол своему племяннику, сыну сестры Анны. Новый государь не устраивал даже своего воспитателя — графа Никиту Ивановича Панина, а уж что говорить об остальных вельможах и дипломатах. В то морозное зимнее утро столица замерла. Это был удобный момент для действия — скажи Екатерина слово, и уже тогда был бы совершен дворцовый переворот в ее пользу. Гвардия была готова провозгласить ее императрицей, но Екатерина… Екатерина медлила, она растерялась: она и не думала, что момент придет тогда, когда она будет совершенно не готова. Интересные воспоминания оставила княгиня Е.Р. Дашкова, которая в ту пору была подругой великой княгини и являлась одной из тех, кто входил в партию заговорщиков. Такой человек, как Дашкова, был необходим Екатерине, потому что Дашкова привлекала на ее сторону знать и видных сановников, от которых зависело общественное мнение. Итак, когда стало известно, что Елизавета умирает, между княгиней Дашковой и великой княгиней Екатериной состоялся примечательный диалог:

«— Ваше высочество, я не могла долее противиться желанию узнать, что можно сделать, чтобы развеять тучи над вашей головой. Доверьтесь мне, ради бога, я заслуживаю вашего доверия и надеюсь и в дальнейшем его заслужить. Скажите, каковы ваши намерения? Что вы думаете предпринять ради своей безопасности? Императрице остается жить несколько дней, может быть, несколько часов <…>

Великая княгиня залилась слезами; взяв мою руку и прижав

ее к сердцу, она ответила:

— Я вам невыразимо признательна, дорогая княгиня, и поверьте, что со всей искренностью и полным доверием к вам я говорю, что у меня нет никакого плана, я не могу ничего предпринять, а должна и хочу мужественно встретить то, что должно случиться; единственная надежда моя на бога, и я предаю себя в его руки»[4].

В последующем историки точно установили причину замешательства Екатерины: она была на пятом месяце беременности и скрывать это даже под тогдашними платьями было уже невозможно. Кроме того, двор знал, что ребенок этот не от Петра. Это был плод любви Екатерины и Григория Орлова. Естественно, что Екатерину тогда заботили совсем другие вещи. Вот почему, когда гвардейцы в порыве патриотизма сказали ей: «Повели, и мы возведем тебя на престол», она ответила раздраженно: «Бога ради, не начинайте вздор; что Бог захочет, то и будет, а ваше предприятие есть рановременная и несозрелая вещь»[5].

Жалела ли потом Екатерина о своем замешательстве? Вряд ли, ведь все в конце концов устроилось как надо. Кстати, рождение незаконного сына от Орлова стало одним из факторов, поспособствовавших развязке драмы. Последние месяцы, беременности скрыть совсем не удавалось, и император был в гневе. В апреле 1762 г. Екатерина родила сына, которому дали фамилию Бобринский и графский титул. Впоследствии фамилия Бобринских была одна из знатнейших в России. Существуют даже свидетельства, что одно время Екатерина хотела передать трон ему в обход Павла. Но тогда рождение младенца грозило ей заточением в крепость.

Недовольство новым императором становилось всеобщим. Квартира Орлова продолжала оставаться центром заговорщиков. Григорию Орлову часто отказывают в уме, противопоставляя его брату Алексею. Однако Григорий был достаточно прозорлив и проницателен, что позволило ему давать точные и сбывающиеся прогнозы относительно будущего Российской империи. Правда, когда он высказывал их за столом, ему никто не верил: таким диким и невозможным казались картины будущего, нарисованные им. Но тем страшнее делалось, когда они сбывались. Разве не он предрек первый же шаг нового императора, возмутивший всех мыслящих людей России того времени? Орлов говорил, что Петр III заключит мир со всегдашним врагом России — Пруссией и сведет на нет все победы русского оружия. Его поднимали на смех, но, едва взойдя на престол, Петр III именно это и сделал: он приказал войскам прекратить военные действия и отправил

дипломатов с миссией к Фридриху II. В столице палили из пушек по случаю этого события, а многие гвардейцы желали развернуть эти пушки по дворцу. Орлов говорил, что император, увлеченной прусской армией, попытается перекроить русскую армию на немецкий лад, что он избавится от ее главной ударной силы — гвардии. Это казалось совершенным бредом, потому что российские императоры привыкли опираться на гвардию и только на нее. Однако Петр III именно так и сделал: он упразднил кавалергардов, а на их место поставил своих голштинцев. Кавалергардами всегда командовал сам самодержец, Петр III отдал командование всей армией своему дяде, Георгу Голштинскому. Надо ли говорить, какую волну возмущения это подняло в армии? Если еще кто-то из военных и не был сторонником Екатерины, то теперь стал им безоговорочно. Агитационная машина Орловых работала на полную мощь. Уже не скрываясь, Григорий и Алексей утверждали, что только Екатерина может спасти матушку Русь от позора и захвата немцами (а это еще со времен Анны Иоанновны было красной тряпкой для народа). Время и историческая обстановка внесли новые черты в имидж жены Петра III: она стала не просто страдалицей, а страдалицей за Россию, последней надеждой. А Орловы продолжали делать свое дело: к моменту, когда пришло время для решительных действий, у Екатерины было много сторонников. Это значило, что если император будет сопротивляться, его заставят замолчать.

Переворот назревал, нарыв скоро должен был прорваться. Вообще заговор против императора Петра III с целью возвести на российский престол Екатерину был плодом своей эпохи — авантюрой, галантной, легкомысленной. От начала и до конца он был не строго продуманным замыслом, а разудалой и залихватской «затейкой» нескольких молодых людей, искавших приключений и славы. Сейчас очень трудно найти концы и понять, кто же именно стоял во главе заговора и кто был его идейным вдохновителем. Среди главных действующих лиц этой трагикомедии нет единого мнения: княгиня Дашкова, писавшая свои мемуары спустя много лет, называла инициатором и руководителем «затейки» себя, Екатерина Великая — себя. Многие современники видели причину всех зол в братьях Орловых, кто-то даже называл инициатором наставника Павла — графа Н.И. Панина. Однако все это далеко от истины. Даже король Фридрих, умный и проницательный человек, ошибался в своей оценке переворота, говоря графу Сегюру: «Все было сделано Орловыми, а княгиня Дашкова только пахала сидя на рогах у вола»[6]. Здесь очевидно одно: юную княгиню не посвящали в

подробности дела, и она свято верила в то, что заговор — ее гражданский и политический подвиг. Удивительно, но все современники событий и последующие историки единодушно признают людей, входивших в «партию Екатерины», неспособными к серьезным делам. Однако дело получилось серьезным. Вот еще один яркий пример, что в жизни нужно уметь импровизировать: неорганизованный и плохо продуманный заговор превратился в одно из грандиознейших событий XVIII в., ставшее золотым веком русской истории.

Галантный век наложил свою печать и на этот переворот. Все было похоже на пьеску какого-нибудь придворного комедиографа: все главные персонажи находились в полном неведении и продолжали заниматься любовными аферами и развлекаться на балах. Никакого волевого усилия, никакого сценария, никаких спланированных действий — сплошная комедия положений. Возможно, императору, которому докладывали о заговорщиках и называли их имена, все так и представлялось: афера каких-то там поручиков. Разве эта кучка сможет что-то предпринять против него? Петр III считал, что он хорошо знает русский народ и умеет им повелевать, поэтому горсточка наглых безумцев ничего не сможет сделать. Вот и еще один персонаж комедии — глупый король-злодей. Петр III был действительно глуп и несчастен: он был убежден, что держит в руках все нити заговора, и стоит ему только потянуть за них, как все куклы окажутся в его сундуке… Петр III идеально подходил на роль злодея: он был груб, деспотичен, невоспитан, совершал ужасные поступки. Он ввязался в войну с Данией, которая настроила против него всю Россию и, когда императрица попыталась сказать ему о недальновидности поступка, публично унизил ее. Участь злодея была предрешена. Однако даже тогда заговорщики, по воспоминаниям княгини Дашковой, еще не знали, что уже скоро состоится последняя революция XVIII в.: «Дело уже сильно подвинулось вперед, а ни я, ни императрица, никто другой о том и не подозревали. За три часа до революции все считали, что находятся еще чуть ли не за три года до нее»[{7}].

Даже друзья Петра III, прусские послы барон Гольтц и граф Шверин, отговаривали его от преждевременной войны с Данией. Об этом же предупреждал и король Фридрих: разве можно в такой стране, как Россия, совершать такие необдуманные поступки, даже не возложив на свою голову корону? Русские, говорили послы, чрезвычайно трепетно относятся к ритуалам. Но несчастный король-злодей никого не слушал: он считал, что может решить все сам.

Парадокс заключался в том, что никто, даже сама Екатерина,

не знали, как именно она будет свергать своего мужа. Какие на то у нее основания и права? (Скажем в скобках — никаких.) Что надо предпринять, чтобы затея удалась? Да, Орловы успели склонить на свою сторону несколько сотен гвардейцев, княгиня Дашкова — несколько гвардейских офицеров, но этого было мало. Что делать с императором? Было несколько попыток взять его в заложники, но они все провалились.

Екатерине приходилось скрываться, чтобы подозрения не пали на нее. Одно дело, что кто-то прикрывается ее именем, чтобы свергнуть государя, а другое дело, что она сама злоумышляет против него. Екатерина была хорошей актрисой, поэтому ей долгое время удавалось быть вне подозрений. Интересен вот какой случай. Гренадер Стволов, поддавшийся агитации Алексея Орлова, чему в немалой степени способствовали деньги, заявил, что примкнет к партии, только если императрица подаст ему какой-нибудь знак. Орлов пообещал, что на следующей же прогулке по императорскому парку императрица, проходя мимо Стволова, разрешит ему поцеловать свою руку. Алексей Орлов рассчитал все правильно: Екатерина ничем не рисковала в такой ситуации, потому что руку императрицы лобызали все. Она прошла мимо гренадера и протянула ему руку. Он был потрясен и со слезами на глазах поцеловал руку императрицы, став ее убежденным последователем.

Когда Екатерина спрашивала своего возлюбленного Григория Орлова о том, как же все будет происходить, он отвечал, что проложит ей дорогу шпагой и пистолетом, что он сделает все, чтобы ее мечта сбылась. Настоящий роман плаща и шпаги — авантюризм и надежда на удачу. Удача, однако, сопутствовала нашим героям.

Заговор и переворот

Сначала все развивалось не так уж и радостно. В гулянках и кутежах Орловых принимал участие некий поручик Перфильев. Человек это был недалекий и завистливый. Вероятно, он затаил обиду на Григория Орлова за то, что тот имел успех у дам, вероятно, еще почему, но Перфильев донес на Орловых царю. Более того, поручик сказал, что сам может следить за братьями, потому что они считают его добрым приятелем и, мол, рассказывают о всяких планах. Петр III согласился, и преисполненный верноподданнических чувств, Перфильев стал соглядатаем. Однако ему было невдомек, что братья уже подозревали его и ведут сложную игру, чтобы обставить своего бывшего дружка.

Неизвестно, когда бы начался заговор и как проходил, если бы не случайность. Екатерине было не до государственных дел, потому что она отходила от тяжелых родов мальчика. Ей надо было набираться сил, но само провидение вмешалось в судьбы героев нашего повествования. Опираясь на донос Перфильева, Петр III приказал арестовать друга Орловых, принимавшего деятельное участие в заговоре, — капитана Пассека, который должен был по сигналу поднять гвардейцев. Промедление было смерти подобно. Произошло это событие в ночь с 8 июля (27 июня ст. стиля). Екатерина тогда была в Петергофе, готовясь отправиться в Ораниенбаум, любимую резиденцию своего супруга. Там находился весь двор по случаю празднования тезоименитства императора, которое приходилось на 28 июня. По столице сразу же поползли слухи, что императрица арестована, что ей угрожает смертельная опасность. Гвардейцы были полны решимости идти спасать Екатерину. Солдаты допытывались у офицеров, правда ли что императрица взята под стражу. Реакция офицеров была разной: кто-то решительно пресекал ропот недовольства, кто-то поддерживал слухи, но все говорили, что правду знают лишь Орловы. Орловых же, Алексея и Григория, тогда не было в Петербурге: они выполняли уговор. Алексей, Григорий и Екатерина договорились, что, когда ситуация накалится до предела, братья начнут действовать. Момент для действия был подходящим.

Что произошло в ту памятную и знаменательную для российской истории ночь, знали только участники заговора, но и те на склоне лет предлагали разные версии случившегося. Сейчас, спустя почти 250 лет после тех событий, трудно докопаться до истинной сути вещей. Ни один из братьев Орловых не оставил

никаких записок о том деле, а кому, как не им, знать, что же случилось. Екатерина Дашкова и Екатерина Великая излагают полярные мнения, а последующие мемуаристы опираются на рассказ кого-либо из них.

Княгиня Дашкова, которой в ту пору было всего лишь 19 лет, приписывает все заслуги в оперативном, а главное — успешном — управлении заговором себе. Интересно, что и причину ареста Пассека она объясняет тем, что накануне капитан разговаривал с ней. Тучи сгущались. Когда же Григорий Орлов сообщил ей нерадостную весть, юная княгиня не потеряла присутствия духа и взяла нити управления в свои руки. Вот как она сама пишет об этом: «Отчетливо осознав, что настал решительный миг, что надо действовать и нельзя терять время на уговоры Панина, я согласилась, что Орлову следует отправиться в полк и узнать причину, по которой Пассек взят под стражу…»{8} Теперь жизни всех заговорщиков находились под угрозой, но Дашкова знала, что делать: встретив на дороге Алексея Орлова, она приказала ему мчаться во весь опор в Петергоф к Екатерине и везти ее в Петербург для провозглашения самодержицей. Другие братья должны были бить тревогу во всех полках, начиная с Измайловского, потому что он считался самым преданным из всех. Однако братья не сразу кинулись выполнять поручение: через несколько часов Федор Орлов постучался в двери дворца Дашковой и нерешительно спросил, а действительно ли надо ехать за Екатериной — возможно, все это переполох в курятнике, и они только напрасно потревожат занемогшую императрицу. Княгиня Дашкова была разгневана и в нелицеприятных выражениях сказала Федору, что она думает о нем и его братьях. Затем она передала свой наказ Алексею Орлову: «Скажите вашему брату, чтобы он не медля скакал в Петергоф и привез императрицу прежде, чем Петр III последует чьему-нибудь разумному совету и пришлет ее сюда либо приедет в Петербург сам и разрушит то. что было угодно совершить Провидению (а вовсе не нам) для спасения России и императрицы»{9}. Федор повиновался, и Алексей Орлов поскакал в Петергоф за императрицей. Так благодаря мужеству и решительности юной княгини Дашковой Россия и Екатерина были спасены. На этом настаивает сама Дашкова, но все другие источники, и прежде всего сама Екатерина Великая, отрицают роль княгини в перевороте. Отношения подруг испортились сразу после переворота, да это и понятно: великая княгиня стала единовластной царицей; какие у нее могли быть подруги — только подданные. Дашковой она не была столь обязана, сколь Орловым. Позднейшие историки считают, что Екатерина

завидовала молодости и красоте Дашковой (та была очень красива), поэтому и удалила ее от себя. Как бы то ни было, но и в своих письмах, и в мемуарах Екатерина Великая не придавала большого значения действиям Дашковой. С негодованием она отвергала любые попытки сделать из Дашковой руководителя переворота. Она утверждала, что братья Орловы, особенно Алексей, были не настолько глупы, чтобы довериться девятнадцатилетней женщине. По заверениям императрицы, Дашкова до последней минуты не была в курсе происходящего и тешилась мыслью, что именно она стоит в центре заговора. На самом же деле всем руководила лично Екатерина, причем подготовку она начала за полгода до описываемых событий. Но как же это вяжется со словами самой же императрицы о том, что настоящую угрозу она почувствовала всего лишь за три недели до переворота? Возможно, она и забыла о них, но, скорее всего, в своих мемуарах она уже излагала стройную концепцию своего прихода к власти, которая возникла уже гораздо позже. Разбираться во всех хитросплетениях того времени — дело неблагодарное, потому что и исторические документы, и мемуары современников грешат неточностями и фальсификациями.

Попробуем хотя бы восстановить канву событий. Итак, Алексей Орлов, по своему ли почину или по приказу княгини Дашковой, поскакал в Петергоф за Екатериной, пока другие братья поднимали солдат для встречи императрицы и присяги ей. Расстояние от Санкт-Петербурга до Петергофа — 29 км. Современный электропоезд проходит его за 30-40 минут. Орлов скакал на лошади. Даже если принять во внимание, что он гнал во весь опор, ему понадобилось бы на это 2,5-3 часа, но Орлов гнал карету для императрицы, поэтому весь путь должен был занять у него 4-5 часов. В пять или в шесть (здесь данные опять же расходятся) часов утра 9 июля (28 июня по ст. стилю) Алексей Орлов прибыл в Петергоф и сразу же прошел в покои Екатерины — она спала. Это посещение застало императрицу врасплох.

В ответ на изумленный взор Екатерины Алексей ответил с прямотой и непосредственностью, свойственной всем Орловым: «Вставайте! Все готово, чтобы провозгласить вас». Екатерина требовала объяснений и рассказов, но Орлов только произнес: «Пассек арестован. Надо ехать». Не тратя времени на дальнейшие расспросы, Екатерина наспех оделась, без прически и макияжа она прошла по саду и села в карету. Вместе с госпожой ехала верная горничная Шаргородская. На козлах сидел Алексей Орлов, на запятки забрался Шкурин. Карета рванула в столицу. Навстречу им ехал парикмахер императрицы, француз Мишель,

которого они взяли с собой. Прическу пришлось делать на ходу. Однако почти сразу же выявилась неосмотрительность заговорщиков: никто даже не подумал о том, что будут нужны запасные лошади. Скакуны, на которых приехал Орлов, были изможденны и не могли везти карету с людьми. Эта оплошность едва не погубила Екатерину, но, как сообщает одно свидетельство, по дороге проезжал крестьянин в телеге. Алексей Орлов именем императрицы отобрал у него двух лошадей, и эти-то беспородные крестьянские трудяги повезли Екатерину навстречу престолу и величию.

В нескольких километрах от столицы экипаж был встречен Григорием Орловым и князем Федором Барятинским, также деятельным участником переворота. Екатерина опаздывала, и славные гвардейцы волновались. У них были свежие сильные лошади, и императрица пересела в их карету. В окружении столь малого количества человек (их было не больше 12. Число, между прочим, магическое) будущая самодержица прибыла в казармы Измайловского полка. Остроумно и по-французски язвительно эту ситуацию описал французский историк и поэт, член французской Академии наук Рюльер, с которым переписывалась сама Екатерина: «Таким образом, чтобы сделаться самодержавной властительницей самого обширного государства в мире, прибыла Екатерина между семью и восемью часами: она отправилась в дорогу, поверив на слово солдату, везли ее крестьяне, сопровождал любовник, и сзади следовали горничная и парикмахер»{10}. То, что происходило дальше, еще раз подтверждает мысль о том, что ничего не было готово, и все полагались на русское «авось». Измайловцы и не знали, что приедет государыня, которой надо присягать. Григорий Орлов приказал бить в барабаны. Барабанный бой разбудил солдат, и они полусонные, полуодетые стали выбегать из казарм. Подкупленные Орловыми, которые обещали им много водки и немного денег, они стали кричать: «Да здравствует императрица!», «Да здравствует матушка государыня!» На крики сбежались офицеры, которые тоже стали славить новую самодержицу. Нескольких солдат отрядили искать священника. Вскоре его привели тоже сонного. Священник взял в руки крест, быстро произнес подобающие по случаю слава присяги. Тут же стали присягать государыне всея Руси. День был самый ясный. Екатерина стала государыней императрицей.

Затем все, даже солдаты Измайловского полка, пошли в Семеновский полк. Весть о том, что в России теперь новая государыня, неслась впереди них. Семеновцы побежали прямо навстречу Екатерине, поэтому решено было идти

непосредственно в Зимний дворец. В девять часов торжественная процессия достигла Казанского собора. Екатерину сопровождали братья Орловы, граф Разумовский, граф Брюс, князь Волконский, граф Строганов, а также очень много верных гвардейцев. Все они вошли в церковь. Там, вопреки ожиданиям, было много народу. Священнослужители провели обряд коронации. Затем была молитва. С амвона провозгласили многия лета императрице Екатерине, наследнику престола Павлу Петровичу. Зазвонили в колокола, и под этот перезвон все собравшиеся пошли к резиденции русских царей. В Зимнем дворце проходила присяга официальных лиц: членов Святейшего Синода, Сената, сотрудников коллегий, вельмож, духовных лиц, военных чинов и т. д. Каждый, кто входил во дворец (а в тот день это беспрепятственно мог сделать любой человек), присягал на верность новой самодержице. Так совершился этот бескровный переворот, в чем немалая заслуга братьев Орловых. Неаполитанский дипломат и ученый Д. Караччиоли заметил по этому поводу: «Престол в России не наследуется, не занимается по праву выбора, — им овладевают»{11}.

Графское достоинство и великие щедроты

Екатерина умела благодарить тех, кто ей верно служил. Тех же, кому она была обязана всем, императрица осыпала милостями. Таких людей было немного, и в их числе оказались братья Орловы. После государственного переворота в день коронации всех братьев она возвела в графское достоинство с правом передачи этого титула законным детям. Старший брат Иван Григорьевич получил графский титул, чин капитана лейб-гвардии Преображенского полка и пожизненную пенсию; Алексей Григорьевич Орлов получил графский титул и чин секунд-майора; Федор Григорьевич Орлов был возведен в графское достоинство, получил должность камергера двора и чин капитана Семеновского полка. Даже самому младшему брату — Владимиру — достался свой кусок от пирога: он стал графом и камер-юнкером. Больше всех щедрот пролилось, конечно же, на Григория Григорьевича: ему были пожалованы чины генерал-майора, генерал-адъютанта и действительного камергера.

«Графы Орловы произошли от древней благородной Германской фамилии из Польской Пруссии. В Графское Всероссийской Империи достоинство пожалованы 1762 года сентября в 22 день. Всё сиё подтверждается выданными им Графам Орловым на сиё достоинство Дипломами, с коих копии хранятся в Геральдии», — так о возникновении нового графского рода написано в Общем гербовнике дворянских родов Всероссийской империи{12}. Для вновь возникшего графского рода на основе уже имеющегося был разработан герб.

Герб графов Орловых относился к разряду военных, поэтому он представляет собой прямостоящий щит, поделенный на четыре равные части. На пересечении всех четырех линий находится малый щит. Этот малый щиток являлся родовым гербом Орловых до того, как им был присвоен графский титул. Малый щит покрыт поперечными полосами золотого и голубого цвета. В нем изображен красный орел с распростертыми крыльями, клюв и крылья птицы золотые, голова повернута вправо. В каждом из четырех квадратов большого щита нарисовано геральдическое животное. Первый и четвертый квадраты, если считать слева направо, золотые, а второй и третий — красные. В золотых полях большого щита изображены двуглавые орлы, каждую голову которых венчает маленькая золотая корона, крылья птиц также распростерты. Клюв и лапы двуглавых орлов золотые, а языки красные. Каждое поле еще как бы дополнительно увенчано большой золотой императорской короной Российской империи. В

двух других полях изображены львы. Они грозны и воинственны, словно готовятся к битве. Эти геральдические львы имеют вид горностаев с загнутыми хвостами, выставленными золотыми языками и когтями. На груди львов висит щиток голубого цвета, на котором изображен золотой крест. Большой щит накрыт огромной короной, которая свойственна всем графским родам Российской империи, а уже поверх этой графской короны наложены три рыцарских шлема. Если, опять же, считать слева направо, то первый и второй шлемы имеют золотые венцы, а последний имеет украшение в виде косых голубых и серебряных полос. На среднем венце восседает двуглавый орел, аналогичный орлам на щите, первый шлем украшен орлиными крыльями красного цвета, которые прижаты друг к другу, наконец, третий венец держит на себе геральдического льва. Шлемовый намёт (украшение сбоку шлема) с правой стороны голубого цвета, с левой — красного цвета и подложен золотом. Щитодержатели выполнены в виде двух молодых воинов, одетых в латы и вооруженных мечами. В руках у воинов есть еще знаки: правый знак содержит родовой герб Орловых, левый — уже описанного льва горностаевого вида. Наконец, девиз герба выполнен золотом: «FORTITUDINE ET CONSTANTIA». Это переводится как «Храбростью и постоянством». Герб графского рода Орловых отражает именно эти качества своих родоначальников, которые многократно оценены современниками, в том и числе и врагами Орловых.

Екатерина Великая дала Орловым баснословные богатства и возвела их на вершину могущества. Тогда она была готова сделать для этих людей все, потому что они добыли ей главное — императорскую корону. Орловы были верными союзниками новой императрицы, исполняли ее самые щекотливые поручения (Алексею Орлову она поручила стеречь своего низложенного мужа в Ропше), пресекали недовольства. Екатерина Великая писала о них: «Орловы блистали искусством возбуждать умы, разумной твердостью, крупными и мелкими подробностями своего поведения, присутствием духа — и авторитетом, благодаря всему этому завоеванным. У них много здравого смысла, щедрой отваги, их патриотизм доходит до энтузиазма, они вполне порядочные, страстно мне преданные, и они дружат между собою, чего у братьев обычно никогда не бывает; всего их пятеро. Они никого не обманывают и никогда не берут денег за то, что доверие, каким они пользуются, дает им право совершать. Если, обладая этими качествами, они не имеют счастья понравиться тем, кто предпочел бы видеть их коррумпированными, — черт возьми, они и я, мы обойдемся и без этого стороннего

одобрения»[13].

Первые годы царствования Екатерины Орловы были подле нее и проводили в жизнь самые лучшие начинания. Отношение к этому при дворе да и в обществе было разное: одни любили Орловых за их честность и доброту, другие ненавидели за прямоту, грубость и столь блестящую карьеру. Больше всех, конечно же, доставалось фавориту Екатерины — Григорию Орлову. Кстати, недоброжелателем Орловых была бывшая подруга Екатерины — княгиня Дашкова. Откуда пошли корни этой вражды — неизвестно. Есть предположение, что княгиня была задета растущим влиянием Орлова на императрицу и посчитала себя оскорбленной.

Как и у всякого явления, у фаворитизма были две стороны. Орловы, в отличие от пришедшего к власти впоследствии Потемкина, были благородны и в какой-то мере романтичны. Все лучшие проекты начала екатерининского правления были связаны с именами Григория или Алексея Орловых: это и созыв представителей от всех сословий для обсуждения проекта нового государственного уложения, это и Первая турецкая война, в которой русские одержали столь убедительную победу, и греческий проект. Братья Орловы вносили во все благородный авантюризм, сострадательность и душевную щедрость, чего так не хватало потом. Удивительно, но, будучи самыми могущественными людьми государства, братья не мстили своим недругам. Еще с молодости тянулась у них вражда с неким поручиком Шванвичем, который был так силен, что побивал в кулачном бою даже Федора Орлова, не говоря уже об остальных. Это он оставил на лице Алехана шрам от ножа, обезобразивший его, за проигрыш в карты. Однако Алексей не стал расправляться с ним, хотя и мог. Более того, братья выхлопотали ему место коменданта Кронштадта и спасли его сына от казни, на которую тот был осужден за поддержку Пугачева.

Но была и обратная сторона. Екатерина тратила огромные деньги на своего любимого Григория Орлова и его братьев, она не стеснялась раздавать им щедрые пожертвования. Еще в конце XVIII в., после смерти Екатерины Великой, французский литератор Кастера посчитал, сколько денег потратила императрица на своих фаворитов, которых он насчитал десять. Впрочем, нас интересуют только братья Орловы. По подсчетам Кастеры, за все время правления Екатерины (а получали они от нее дары вплоть до ее смерти) Орловы получили 17 000 000 рублей. Английский посол в России Гаррис приводит ту же цифру, в которую включены не только деньги, но и посуда, недвижимость и ювелирные изделия. Кроме того, в собственность

Орловых были переданы от 40 до 50 тысяч душ крестьян. Таким образом, графский род Орловых стал одним из самых богатых дворянских родов Российской империи.

Впрочем, графский род Орловых просуществовал недолго. Григорий Орлов не имел законнорожденных детей, у Ивана не было наследников вообще, Федор тоже воспитывал только байстрюков, которым Екатерина разрешила оставить графское звание, у Алексея была единственная дочь Анна, которая ушла в монастырь, у младшего брата Владимира был сын Григорий, не оставивший детей. Так зачахла графская ветвь Орловых, идущая от пяти братьев. Впоследствии мужу одной из дочерей Владимира Орлова — Наталье — тайному советнику Петру Давыдову было разрешено именоваться графом Орловым-Давыдовым, чтобы продолжать линию славного графского рода.

Глава 2. «ОРЛОВЫМ ОТ БЕДЫ ИЗБАВЛЕНА МОСКВА»: ФАВОРИТ И СПОДВИЖНИК ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ ГРИГОРИЙ ОРЛОВ

Григорий Орлов, второй из пяти знаменитых братьев Орловых, Грица, родился 6 октября 1734 г. в Москве. В семье Орловых царил патриархальный уклад, поэтому в воспитании мальчиков особое внимание уделялось физической подготовке, военному ремеслу. Как известно, именно невероятной силой славились братья Орловы. Григорий был самым красивым и, говорят, не уступал братьям в силе. Екатерина считала его самым красивым мужчиной того времени. Неудивительно же, что она сохранила к нему теплые чувства до конца жизни. Годы его детства и отрочества в истории не сохранились: где он был, чем дышал, чем занимался — об этом можно только догадываться. Но доподлинно известно, что в 1749 г. его привезли в Петербург вместе с Иваном, с которым они были погодками. Братьев привезли отдавать в гвардейцы. Иван был зачислен в Преображенский полк, а Григорий — в Семеновский. Но сначала юноша должен был пройти обучение в Шляхетском корпусе.

Уже тогда, в столь юном возрасте, проявилась основная склонность натуры Григория — любовь к плотским утехам. Он был повесой и волокитой. Своей страсти к женскому полу он был обязан возвышением, и она же привела его к отставке.

Григорий не был человеком выдающегося ума, как его брат Алексей, но в то же время он и не был так глуп, как представлялось это многим современникам. Он не имел склонности ни к политике, ни к управлению государством, его не обуревала жажда власти. У него было плохое образование, он не знал французского языка и не мог читать французскую литературу в оригинале. Это был простой, добрый человек с широким сердцем, благородный и простодушный. Первый фаворит (именно фаворит, а не просто любовник) Екатерины Великой был «доверчивым до неосторожности, щедрым до расточительности, не способным затаивать злобу, мстить; нередко он разбалтывал то, чего не следует, и поэтому казался менее умным, чем был»[14].

Говоря о своем любимце, императрица Екатерина так

характеризовала Григория Орлова: «Это было, — по выражению императрицы, — изумительное существо, у которого все хорошо: наружность, ум, сердце и душа…»{15}

Естественно, что за ним тянулся шлейф любовных побед. Примечательно одно событие, произошедшее, когда отрок Григорий Орлов пребывал в Сухопутном корпусе. Пути господни неисповедимы, и судьбе было угодно забросить этого пятнадцатилетнего шалопая туда, где проходил службу великий русский полководец, один из пяти генералиссимусов за всю историю человечества, а тогда еще только подпрапорщик А.В. Суворов.

Суворов был дежурным и совершал ночной обход. Внезапно по двору метнулась чья-то тень, и Суворов бросился наперерез. Он поймал за руку солдатика, который был еще очень юн и так же красив. Он тайком возвращался с гулянки на место постоя. Суворов стал отчитывать его, что не должно так вести себя русскому солдату, что он позорит честь мундира и т. д. За это ему грозит наказание. Потом подпрапорщик спросил фамилию нарушителя. Тот, покраснев, отвечал: «Орлов Григорий». Суворов спросил, сколько лет сорванцу. «Пятнадцать», — ответил Орлов. Тогда подпрапорщик Суворов удивленно поинтересовался, почему он не видел юношу в расположении раньше. Солдат отвечал, что он числится при Сухопутном корпусе. Гнев Суворова уже давно прошел, и он отпустил Орлова с миром, посоветовав быть осторожным и не попадаться на глаза старшим офицерам. После этого случая они встретились только через двенадцать лет, когда Орлов был уже фаворитом Екатерины.

Эта склонность к рискованным авантюрам и любовным приключениям останется у Григория Орлова на всю жизнь. Он был бесшабашным и бесстрашным человеком, и это проявлялось и на поле сражения. Кутила и бретер, на войне он был храбрым воином. Дослужившись уже до звания поручика, Григорий Орлов принимал участие в Семилетней войне. За смелость и отвагу в 1758 г. он был возведен в чин капитана. Особенно прославился Орлов в битве при Цорндорфе, когда даже с тремя ранениями он остался на поле боя, проявив завидное хладнокровие и героизм.

Цорндорфское сражение

События, приведшие к самому кровопролитному сражению в истории европейских войн, произошли еще задолго до того, как отчаянный кавалергард Орлов рубил пруссаков направо и налево. Пути истории и человеческие судьбы сплетаются в затейливый узор, производя иногда удивительные метаморфозы. Личность может порождать исторические события, тем более если это такая личность, как Фридрих II Великий. Прусский король по своему складу был таким же гением войны, как Наполеон. Фридриха также обуревала жажда завоевать весь мир. Фридриха II смело можно назвать одним из величайших европейских полководцев XVIII в. Он создал армию, боевая и строевая выучка которой превосходила любую из существующих тогда армий. Эту армию победить было очень сложно, практически невозможно. Сам король Фридрих считал свою армию образцовой: навыки ведения боя были доведены здесь до автоматизма, прусские батальоны были «машинами для стрельбы». Победоносные походы прусского короля сделали его кумиром всей Европы: в XVIII в. все армии строились по образу и подобию прусской. Не обошло это поветрие и Россию.

Супруг великой княгини Екатерины Алексеевны Романовой, как известно, был страстным поклонником Фридриха II Великого, и армия должна была быть у него прусской. Однако его «пруссомания» не была чем-то новым для России: еще со времен Анны Иоанновны в военном, инженерном, экономическом ведомствах господствовали немцы и все немецкое. Елизавета, хоть и провозгласила новую государственную идеологию, но в армии особо ничего не меняла, да и как ей было менять что-то, если сам ее отец весьма уважал «неметчину». Несмотря на это, отношения России и Пруссии были натянутыми: Фридрих не любил и презирал русских, считая их варварами и неотесанными болванами, Елизавета платила ему тем же. Вооруженный конфликт между странами был делом времени.

Нельзя сказать, что российская армия проводила масштабные учения или перевооружалась, — нет. Вся подготовка сводилась к муштре и строевой выучке, боеспособность армии середины XVIII в. была низкой. Самые существенные изменения проводились в артиллерии, начальником которой был генерал-фельдцейхмейстер, кузен фаворита Елизаветы Петровны граф П.И. Шувалов. Это был человек кипучей энергии, деятельного характера, грандиозных проектов. Во вверенном ему ведомстве он начал проводить реформы. По его указу был создан

«Обсервационный корпус», в котором «обсервацию», то есть испытание, проходили опытные машины, сконструированные самим фельдцейхмейстером. Это были знаменитые гаубицы «единороги». В корпус вошло 11 000 человек, разделенных на 5 номерных полков особого назначения. Особенность их заключалась в том, что они представляли собой сочетание пехоты и артиллерии. Как не трудно догадаться, вооружены эти славные полки были шуваловскими «единорогами», получившими свое название из-за того, что на гербе графов Шуваловых был изображен единорог. Гаубицы считались секретными, их окружала завеса таинственности: чтобы никто не мог разведать конструкцию единорогов, их возили только закрытыми; те же, кто обслуживали орудия, давали присягу о неразглашении тайны. Однако ничего сверхнеобычного в гаубице не было: в теле орудия делалось два канала вместо одного — один предназначался для стрельбы ядрами, а другой был рассчитан на стрельбу картечью. Замысел Шувалова был хорошим: создать универсальную пушку, способную стрелять любыми боеприпасами. Но на деле оказалось, что она плохо стреляла и картечью, и ядрами. Кроме того, «единороги» были тяжелыми и неудобными в транспортировке. Когда граф Шувалов подал в отставку, его детище также было списано из армии, хотя в удаленных гарнизонах оно продержалось вплоть до середины XIX в. Едва возникнув, «Обсервационный корпус» стал привилегированным воинским соединением: в него записывали только самых лучших людей. Однако на деле он оказался небоеспособным: пушки не могли совершать переходы и маневры, они были неповоротливы, соединение не могло мобильно реагировать на ситуации в поле. Организация корпуса оставляла желать лучшего, поэтому в первом же серьезном испытании — битве под Цорндорфом — корпус был разбит на голову прусскими войсками. Оставшиеся в живых солдаты были приписаны к другим частям, а «секретные» гаубицы попали в руки неприятеля, и уже не было смысла делать из них тайну. Удивительно, но именно после этого сражения участвовавший в нем в качества кавалергарда Григорий Орлов был переведен в артиллерию под начало графа Шувалова.

Российская пехота того времени строилась по принципу каре, в четыре шеренги. Первые две шеренги стреляли с колена, а остальные две — стоя. Построение русской пехоты в бою было очень неудобным и во многом лишало войска маневренности. С каждого угла это каре прикрывалось пушками: по два орудия на передних углах и по одному на задних. Если бы мы сейчас увидели построение армий того времени, то оно поразило бы нас своей грандиозностью и своеобразной театральностью. Устав того

времени, написанный по прусскому образцу, предписывал во что бы то ни стало держать четкий строй, который должен был напоминать газоны французского регулярного парка. Малейшее отклонение от строгой симметрии жестоко наказывалось: провинившихся пропускали через строй и били палками или плоской стороной клинка шпаг и сабель. Львиную долю времени солдаты и офицеры проводили в строевой подготовке или, как тогда выражались, плац-параде. Очень важно было учить прусский журавлиный шаг и стрельбу на тридцать темпов. Все это оказалось непригодным для условий войны — неприятель не собирался ждать 30 команд, он нападал сразу. Семилетняя война, в которую Россия вступила в 1757 г., показала нежизнеспособность этой военной модели.

Семилетняя война была развязана Пруссией, против которой объединились три мощные державы — Россия, Франция и Австрия. Поначалу русская армия не принимала активного участия в военных действиях, да это было и хорошо: армия была плохо вооружена и оснащена, в ней не хватало офицеров (в ту пору в российской армии служила только половина от необходимого количества офицеров), а хозяйственной части не было вовсе. Естественно, что моральный дух солдат был низким. Очень хорошо об этом написал военный историк А.А. Керсновский в «Истории русской армии»: «В поход шли отнюдь не с легким сердцем. Пруссаков у нас побаивались. Со времен Петра I и особенно Анны немец являлся для нас существом заповедным — иного, высшего порядка, учителем и начальником. Пруссак же был прямо всем немцам немец. “Фредерик, сказывают, самого француза бивал, а цесарцев и паче — где уж нам многогрешным супротив него устоять!”»{16} Первые же сражения показали, что русские войска не готовы к битве — они были наголову разбиты прусской армией. Командование находилось в панике, солдаты хоронили друзей, раненые отправлялись домой, а политики плели свои интриги. Не вдаваясь в подробности всех дипломатических хитросплетений, скажем, что главнокомандующий русской армией генерал Апраксин не мог предпринимать никаких действий без указания сверху, а там соблюдали интересы союзников, а не свои собственные. К концу кампании 1757 г. в нашей армии насчитывалось 89 тысяч человек, из которых более или менее знакомы с военным делом были всего 50 тысяч. Остальные же никогда не воевали. И вот с этим ополчением, в которое входили также калмыки, вооруженные только луками и стрелами, надо было бить обученную прусскую армию в угоду Австрии. Положение армии было катастрофическим, применять какие-либо маневры было

нельзя без согласования высших сановников, людские потери были бы неисчислимыми. Апраксин отказался наступать, его отстранили от должности и решили судить как изменника, но он не дожил до суда: генерала разбил апоплексический удар. Главнокомандующим назначили генерала Фермора. Он не был выдающимся полководцем, зато у него были административные и хозяйственные задатки, поэтому новый главнокомандующий с жаром принялся обустраивать хозяйственную часть. Как военный Фермор был слишком нерешительным и медлительным, а как начальник он был солдатам, по выражению А.В. Суворова, вторым отцом.

А что же наш герой? Он был молод, всего 24 года, горяч и жаждал проявить себя на поле брани. В действующую армию он попал уже в 1758 г., когда Россия оказалась втянутый в реальные страшные битвы. Русским воинам всегда были свойственны беспримерная храбрость и личный героизм. Все это сполна пришлось проявить и Григорию Орлову, и всем, кто участвовал в Цорндорфском сражении, являвшемся самым страшным и кровавым вплоть до Первой мировой войны. Сначала ничто не предвещало такого страшного побоища: 3 августа (ст. стиля) 1758 г. русские подошли к прусскому городу Кюстрину и начали обстреливать его из пушек. Немногочисленной армии пруссаков приходилось несладко, но к ним на выручку поспешил сам Фридрих II и его железные батальоны. Узнав об этом, Фермор отступил от города, прекратив осаду, и пошел в низ по Одеру. На пути русской армии лежало местечко Цорндорф, которое сейчас называется Сарбиново и принадлежит Польше. Осмотрев окрестности, было решено занять здесь оборонительную позицию: недалеко протекала река, которая могла стать естественным препятствием для пруссаков, и находились два глубоких оврага. Фермор расположил два фланга армии как раз между этими оврагами. Как потом оказалось, это было стратегической ошибкой: преимущество превратилось в роковое препятствие. К 14 августа Фридрих подошел к лагерю русских. У него было 33 тысячи человек и 116 орудий, у русских — 42 тысячи человек и 240 орудий. Накануне сражения Фридрих самоуверенно говорил Кейту, что обратит в бегство русскую сволочь в первой же атаке. В этой битве сошлись тактический гений Фридриха и самоотверженность русских солдат. Русский главнокомандующий оказался неспособен управлять ходом сражения, поэтому командирам полков и солдатам пришлось действовать, исходя из ситуации боя. Генерал Фермор придерживался старой проверенной схемы ведения боя, которой следовали все иностранные полководцы на службе русского двора, —

оборонительная тактика и надежда на способность русских солдат стоять до последнего. Ситуация же складывалась не в пользу русских. Фридрих II своими действиями запутал русских военачальников и заставил их отказаться от той диспозиции, которая была изначально выбрана: прусская армия перекрыла русским все пути к отступлению, себе же она оставила возможность отхода к Кюстрину. Фридриху удалось внушить Фермору мысль о том, что пруссаки будут переправляться через реку непосредственно около русского лагеря. Сам же король отдал приказ своим инженерам строить понтонный мост на полпути между Шведтом, куда отправился отряд графа Румянцева с лучшими кавалергардами, и Кюстрином. Этим маневром Фридрих вывел из игры большой отряд русский войск, которые так и не смогли прийти на помощь своим. В ночь с 13 на 14 августа (ст. стиля) прусские войска обошли расположение русских частей и зашли к ним сзади. Русские вынуждены были развернуть свой фронт на 180°, но делать все это пришлось под артиллерийским огнем противника. Канонада началась в 8 утра, и тут русские обнаружили, что они оказались в ловушке, которую сделали себе сами: река Митцель оказалась в тылу, потому отступать или маневрировать через нее было невозможно. Другая естественная преграда — большой овраг — разделила два фланга русской армии, которые оказались предоставленными сами себе, без связи с товарищами и возможности к отходу для выбора лучшей позиции. Обоз, остатки кавалергардов, среди которых, кстати, был и Григорий Орлов, и артиллерия оказались в центре построения, и весь удар пришелся на пехотинцев. Прусская артиллерия наносила опустошительный урон сгрудившимся в кучу войскам — в одном полку одно ядро поразило сразу 42 человека. Лошади начали метаться в панике и давить людей, стоящих рядом.

Современники, да и сам король Фридрих, отдавали должное мужеству и храбрости русских солдат, не только устоявших под мощным натиском прусской армии, но и заставивших ее отступить. В этой ужасающей по своим жертвам битве прусская коса нашла на русский камень: «Честь этого кровавого дня принадлежит латникам Зейдлица и тем старым полкам железной русской пехоты, о которых разбился порыв их лавин…»{17} Пруссаки яростно атаковали, стремясь уничтожить всех русских до единого, русские не менее ожесточенно сопротивлялись, держа строй и рубя неприятеля направо и налево. Каждое крыло русской армии сражалось само по себе, поскольку главнокомандующий даже не пытался скоординировать их усилия. Командовали своими солдатами генерал Демику, генерал Броун и другие

офицеры, мужество которых было воспето в стихах. Так, генерал Броун покинул поле боя только после того, как получил семнадцатую (!) рубленую рану на голове.

Атаки Фридриха начались на левом фланге, где как раз находился Обсервационный корпус. Он понес самые страшные потери. Русские войска были сметены и не могли оказывать достойного сопротивления. Тогда граф П.И. Панин вынул шпагу и крикнул: «Ребята, в штыки!» Услышав команду, солдаты сомкнули строй и стали теснить неприятеля. Здесь на помощь им подоспела конница, а Григорий Орлов получил свою первую рану. Он не обратил внимания на нее: в пылу сражения боли не чувствовалось. Ненависть и ярость врагов была столь сильна, что даже тяжелораненые продолжали колоть и рубить стоявших рядом противников. Вот как пишет об этом современник тех событий, прусский историк И.А. фон Архенгольц: «Тяжело раненные пруссаки, забыв о себе, все еще старались убивать врагов. Русские не уступали им; одного смертельно раненного русского нашли в поле лежащим на умирающем пруссаке, которого тот грыз зубами; пруссак не в состоянии был двинуться и должен был переносить это мучение, пока не подоспели его товарищи, заколовшие каннибала»{18}. На левый фланг, на который уже успели подойти ветераны, обрушились атаки прусской конницы под командованием блестящего командира Фридриха Вильгельма Зейдлица. Он смял ряды русских и вынудил конницу отступить. Здесь случился неприятный казус: отступая, кавалерия подняла клубы пыли и дыма. Русская артиллерия и пехота решили, что к ним движется неприятель, и открыли огонь. Часть кавалеристов погибла под обстрелом своих. Почему так произошло, можно понять из воспоминаний М.А. Муравьева: «Разбились как наши, так и прусские по кучкам, где два, и три или и десять человек и палили ис пушек всякой, кому куда вздумалось. Тут всякой был кананер, а особливо абсервационные салдаты, надев на себя белые полатенцы чрез плечо и перевязав так, как шарфы, бегали повсюду мертвецки пьяны, так что и сами не знали, что делали, да и команды не было никакой и слушать неково. Наехал я тогда на одну их артель, стояла у них бочка вина. Оне мне налили стакан и дали, бранив: «Пей, такая твоя мать». Я ж им сказал: «Что вы, ребята, делаете? Видети ли вы, от неприятеля вся наша армия уже разсеяна?» То они сказали мне: «Будь ты нам командир, поведи нас». И я, вынев свою шпагу, повел их в то место, где стоял при пушках неприятель, говоря: «Пойдем и отоймем у них пушки». Оне, послушав меня, пошли, а и я, яко предводитель, поехал вперед против своего фронта. Вдруг же оглянулся назад, уже и

никого нет. Благодарил тогда я Бога, что избавился от таких пьяных»[19].

Кстати, факт пьянства русских солдат во время сражения подтверждается многими мемуаристами. После сражения была даже составлена особая комиссия, расследовавшая причины такого поведения солдат и некоторых офицеров.

Атаки пруссаков не стихали, они нападали ото всюду — с флангов, с тыла, с фронта, но русские солдаты держались очень стойко и сохраняли строй. Известно, что в армии Фридриха была лучшая на тот момент конница — именно она решила исход сражения. Везде, где прусским войскам не удавалось прорвать строй, в дело вступали кавалеристы Зейдлица, и чаша весов склонялась на их сторону. На правом фланге они даже захватили несколько «единорогов».

Фридрих II недаром считался военным гением — он развернул вектор своей атаки и ударил по противоположному флангу русской армии. Это нападение русские выдержали и даже заставили противника отступить, здесь-то и появилась прусская конница. Русская пехота стала отступать под ее натиском. Тогда командир отряда тяжелой конницы генерал Демику провел контратаку, откинувшую неприятельскую кавалерию назад. Русская конница смогла прорвать строй пруссаков и захватить артиллерийские орудия. Кроме того, один пехотный батальон армии Фридриха капитулировал. Именно тогда случилось событие, впоследствии изменившее жизнь Григория Орлова, получившего три раны, но не покинувшего поле боя. Он отчаянно рубил неприятеля, когда его товарищи чуть было не убили самого прусского короля. Фридрих не отсиживался в шатре главнокомандующего, он сам вел своих солдат в бой и появлялся там, где было трудно. Он так ненавидел русских, «эту сволочь», что не верил, что они могут убить его. Фридрих как раз восстанавливал порядок в своих отступавших войсках, когда налетела русская кавалерия. Адъютанты стали защищать короля, и он смог уйти. Несколько его адъютантов были убиты, а граф Шверин был захвачен в плен. Но пехота не поддержала порыв конницы Демику, и ему пришлось уводить оставшихся с поля боя к деревне Цихер. Но вылазка сделала свое дело: часть прусских войск была деморализована и бросилась отступать.

Из таких взаимных ожесточенных атак и состояло все сражение: враги не щадили друг друга. Бой шел до глубокой ночи. Прусским войскам удалось все-таки смять левый фланг русской армии и вынудить его отступать. Прусские войска почти окружили центр русской армии, и она с боями отходила к Квартшену, некоторым соединениям удалось перейти через овраг.

Интересный факт, характеризующий накал битвы, приводит фон Архенгольц. Ночью, когда основные части уже не сражались, «только одни казаки рыскали еще по полю битвы в тылу пруссаков; они грабили убитых и убивали беззащитных раненых. Но, заметив проделки этих извергов, на них устремились разъяренные гусары: казаки в отчаянии соскочили с лошадей и бросились в Квартшен, в большое каменное здание овчарни. Их было более 1000 человек; они стреляли изо всех отверстий и не хотели сдаться, но крыша, под которой было сложено много сена и соломы, вдруг воспламенилась, и все они задохлись, сгорели или были истреблены пруссаками»[{20}].

В этой битве не было победителя: отступали и русские, и пруссаки. Полки под командованием Форкада захватили много трофеев и военную кассу русской армии, в которой находилось 30 тысяч рублей. Жертвы с обеих сторон были огромны: по разным данным, потери убитыми и ранеными у пруссаков составляют от 10 до 12 тысяч человек, у русских — от 16 до 21 тысяч человек, многие видные офицеры были взяты в плен. Сам главнокомандующий также был ранен в ногу. Русские потеряли от 87 до 103 орудий, пруссаки — 26.

Столь жестокое побоище, как ни странно это звучит, больше дало русской армии. Для прусской армии оно не имело никаких ни тактических, ни стратегических последствий, война переместилась в другие места. Русские же солдаты поняли, что могут устоять и перед Фридрихом и даже разбить его. Для остатков русской армии это была моральная победа — ведь в этой страшнейшей сшибке они выдержали и не дали себя погубить. Опыт таких сражений не проходит даром. Для прусского короля Фридриха II Великого это была оплеуха, заставившая его уважать своего врага. Позже он сказал, что этот народ можно скорее перебить, чем победить. Его ярость усилилась еще и от того, что в этой битве его хваленая пехота преподнесла ему неприятный сюрприз — она побежала под ударами русских воинов и спасовала, не решившись повторить атаку. Фридриху было над чем подумать.

Выжившие русские праздновали победу. В их числе был и раненый Григорий Орлов. Некоторые мемуаристы, а за ними и историки, утверждали, что одно из ранений Орлова было в голову. Именно оно впоследствии стало причиной его припадков и безумия. Как бы то ни было, но он возвращался живой и овеянный славой. Его имя было у всех на устах, и если бы тогда за каждого убитого пруссака гравировали бы звезды на шпаге, то на оружии поручика Орлова не осталось бы свободного места. Однако война для него на этом закончилась.

Встреча с Екатериной

Цорндорфское сражение стало для Григория Орлова поворотной точкой всей жизни. Как уже говорилось, русские взяли в плен флигель-адъютанта прусского короля графа Шверина. Его было необходимо доставить в Петербург ко двору. Путь лежал через Кенигсберг, административный центр Российской империи на захваченной прусской территории. Эту ответственную миссию поручили капитану Григорию Орлову и его кузену Зиновьеву. Это и была та самая путевка в высший свет, способствовавшая карьере Григория Орлова и его братьев.

В Кенигсберге граф Шверин вел вполне свободную и разгульную жизнь, и его приставы всюду следовали за ним. Это была, несомненно, приятная миссия: молодой Орлов очень любил балы, танцы и хорошеньких девушек, коих там было очень много. Почти сразу же вся троица попала на бал-маскарад, которым, несмотря на все свои раны, распоряжался именно Григорий Орлов. Орлов оделся в тогу римского сенатора, которая хорошо смотрелась на его могучем торсе. Лавируя между танцующими дамами и кавалерами, он нечаянно задел худого юношу в костюме испанского принца. Орлов обернулся, чтобы принести свои извинения, и расплылся в улыбке. Он схватил испанца и воскликнул: «Болотов! Мой друг! Здравствуй!» Это был Андрей Болотов, подпоручик, любитель наук, переводчик при генерал-губернаторской канцелярии, давний приятель Орлова. Болотов тут же оставил свою даму, которая сильно на него обиделась, и они с Орловым обнялись. Григория в армии любили за удаль молодецкую, щегольство, щедрость и приятное обхождение с друзьями. Тога очерчивала мускулистое тело Орлова и оттеняла его грубую мужественную красоту. Тогда Болотов в порыве дружеских чувств пророчески сказал: «Идет тебе, Григорий, сие платье вельможи. Стало бы быть тебе, братец, большим господином!» Орлову нравились похвалы, и он был в хорошем расположении духа. Тем не менее он мудро ответил приятелю: «Ах, Болотенок… Колесо фортуны гладкое — попробуй-ка ухватись… Да что же, господа, мы и его от дела оторвали, и сами без толку стоим. Пора и нам попрыгать»[{21}]. Но Григорию Орлову удалось ухватиться за колесо — уже через год он танцевал на балах в лучших домах Санкт-Петербурга, а спустя несколько лет он был самым влиятельным господином в империи. Из Кенигсберга в столицу флигель-адъютант прусского короля Фридриха, которого так обожал великий князь, отбыл в столицу со своими сопровождающими весной 1759 г.

Здесь, в Петербурге, Григорий первым делом повстречался со своими братьями Алексеем и Федором. Первый был поручиком Преображенского полка, второй — Семеновского. Втроем им было веселее, и молодые люди увлеченно «крутили любовь» с молодыми и не очень дамами. Игра в карты, кулачные бои, попойки — такова была программа пребывания Орловых в Петербурге. Тем временем Григорий Орлов был переведен на службу в артиллерию, а в 1760 г. его назначили адъютантом генерал-фельдцейхмейстера П.И. Шувалова. И здесь Орлова ждала интрига, которая чуть не стоила ему разжалования. Этот образ кутилы и бретера в исторической науке долго воспринимался отрицательно. Вот что говорит о нем французский историк начала XX в. польского происхождения К. Валишевский: «Всегда готовый на ссору и на то, чтобы снести голову своему обидчику, — он не боялся пожертвовать жизнью, когда у него не было для расплаты другой монеты; смело ставил на карту все свое состояние, тем более что терять ему было нечего; всегда казался подвыпившим, даже в минуты, когда случайно был трезв; горел неутолимой жаждой ко всевозможным наслаждениям: приключений искал со страстью и жил в каком-то непрерывном безумии: таков был человек, входивший в жизнь будущей императрицы»[22]. Вошел же он в нее благодаря скандалу. Его начальником по артиллерийскому ведомству был тот самый Шувалов, о котором мы писали выше, человек влиятельный и со связями. Орлов оказался в самом центре придворной жизни. Шувалов был уже немолодым человеком, но у него была молодая любовница, первая красавица столицы, княгиня Елена Куракина. Орлов увлекся ею и дерзнул соперничать с начальником. Молодость и удаль адъютанта победила — княгиня ответила ему взаимностью. Вот как красочно описано это в романе В. Пикуля «Фаворит»: «Но в один из дней, обедая при дворе, Шувалов притащил в Артиллерийскую контору громадный ананас со стола царицы, еще не ведая, что этот заморский фрукт, вроде бомбы, сейчас же взорвет его счастье и благополучие.

— Гришка, — сказал он адъютанту, — сам не съем и жене не дам попробовать. Хватай ананасину за этот хвостик и мигом отнеси его… Сам знаешь — кому!

— Знаю, — отвечал Орлов, очень догадливый.

Этот ананас привел его в объятия княгини Елены Куракиной, связь которой с Петром Шуваловым была известна всему Петербургу»[23].

Однако для Орлова это был приговор: Шувалов не прощал таких обид. Не сносить бы нашему герою головы, если б за него не вступилась великая княгиня, а потом и само Провидение: граф

П.И. Шувалов умер, не успев подписать разжалование своего адъютанта. Великая княгиня заинтересовалась молодым красавцем, который готов был лишиться жизни из-за женщины. Екатерине нужен был именно такой человек, а еще ведь он был прекрасен лицом… Многие современники недоумевали, что же Екатерина нашла в таком распущенном и наглом человек, как Орлов. О! Она нашла в нем многое: молодость, авантюризм, храбрость, безудержную смелость.

Их шапочное знакомство произошло раньше, когда, опять же по долгу службы, Орлов появился при малом дворе. Великий князь Петр Федорович очень любил Пруссию и ее короля, поэтому он оказывал всяческие почести его адъютанту. После же интриги с Курагиной, о которой судачил весь Петербург, Екатерина стала предпринимать шаги по сближению с Орловым. Она была еще молода, страстна, одинока, ее сердце и постель были пусты — красавец Григорий Орлов пришелся ко двору во всех смыслах. К тому же как-то так получилось, что Орлов жил напротив Зимнего дворца — все содействовало их более близкому знакомству.. Но пуще всего содействовали камердинер Шкурин и наперсница графиня Прасковья Брюс. Григорию Орлову было 25 лет, и он пылко влюбился в Екатерину. Он готов был сделать для нее даже невозможное, а ей именно это надо было. Она тоже увлеклась молодым гвардейцем, но как ни сильна была ее страсть к нему, страсть к короне была сильнее. Очень точно написал об этом К. Валишевский: «Она полюбила однажды красавца Орлова за его красоту, но и за то, что он был готов сложить свою голову, чтобы достать ей царский венец, и был способен сдержать это слово»[{24}].

Долгое время Екатерине и Орлову удавалось скрывать свой роман. Григорий Орлов продолжал вести свой разгульный образ жизни, Екатерина — страдать от грубости мужа и унижений. Братья, конечно же, были посвящены в эту связь. Есть версия, что стать любовником Екатерины Григория надоумил Алексей, узнав об интересе, который проявляет великая княгиня к брату. Алексей увидел перспективу, открывающуюся перед братом и, как показало время, оказался прав.

Еще при жизни императрицы Екатерины Великой, а уж после ее смерти особенно, смаковались подробности ее амурных дел. Многие считали ее ненасытной нимфоманкой, распутницей на троне. Часто ей приписывали те связи, которых у нее и не было. Возможно, что уже в зрелом возрасте она была одержима идеей своей сексуальной привлекательности для молодых мальчиков, но во время описываемых нами событий это было далеко не так. Интересно свидетельство французского дипломата, выполнявшего роль шпиона при русском дворе, Сабатье де Карба. По роду своей

деятельности он был осведомлен о сердечных делах великой княгини, а потом императрицы русской и со всей ответственностью писал в Париж: «Не будучи безупречной, она (Екатерина) далека в то же время от излишеств, в которых ее обвиняют. Никто не мог доказать, чтобы у нее была с кем-нибудь связь, кроме трех всем известных случаев: с Салтыковым, с польским королем и с графом Орловым»[25]. В пору своей молодости Екатерина, несмотря на весь свой темперамент, была преданной женщиной. Как ни банально это звучит, но любовников она завела себе потому, что ее муж не обращал на нее никакого внимания, и этим любовникам она была верна. Кстати, считается, что одной из причин разрыва с Орловым и удаления его от двора было его неуемное сладострастие и постоянные измены Екатерине, а ведь она собиралась за него замуж…

Фаворит императрицы

После отречения Петра III Г.Г. Орлов выдвигается в первые лица государства. Примечательны воспоминания княгини Дашковой, которая пишет, что на следующий день после переворота она пришла к императрице в покои, куда входить имели право только особо приближенные, и к своему изумлению увидела на постели Екатерины Орлова. Он развалился во всем своем обмундировании, вокруг него лежали бумаги, и он нехотя просматривал их. Княгиня была шокирована, увидев, что эти бумаги секретные. Она сказала Орлову, что их может читать только сама императрица, на что Орлов ответил, что она и попросила его посмотреть.

Этот эпизод показывает, каким особым расположением Екатерины пользовался Орлов и какую важную роль в ее системе управления страной играли ее любимчики. Удивляться тут нечему: на дворе стоял XVIII в. — век абсолютных монархий, век временщиков и прихотей монархов, не считавшихся ни с кем. Императрица России была дочерью своего века, и она придала фаворитизму небывалый размах. Недаром же она была и немкой, и датчанкой по крови — она возвела фаворитизм в ранг государственного устройства.

После переворота Екатерина, как известно, щедро наградила всех братьев. Григорию была пожалована должность камергера, повышенное жалование, а затем звание генерала-поручика и должность генерала-адъютанта. Троим братьям было дано по 800 душ крестьян и 50 тысяч рублей на расходы. Меньше чем через год, в апреле 1767 г., Орлов был награжден орденом Святого Андрея Первозванного. После успешного окончания предприятия Екатерина поселилась в Зимнем дворце, где раньше жила императрица Елизавета Петровна, и отвела покои для своего возлюбленного. Орлов жил во дворце, несмотря на то что у него был дом в столице, подаренный опять же Екатериной, и два великолепных имения — Гатчина и Ропша. Это было время особых милостей и возможностей для Григория Орлова: к государыне он мог входить в любое время, читал ей книги, она посвящала его во все политические дела, наконец, сама Екатерина, у которой государственного ума было поболе, сочиняла за него письма, которые должен был писать он. Орлов не любил политику, не вмешивался в управление, зато в развлечениях он был первым. Фаворит постоянно играл в «ломбер», не пропускал ни одного веселья, устраивал балы и вечеринки, разъезжал ряженым на святках и т. п. Он был душой

любой компании, но Екатерина хотела видеть в нем государственного мужа. Орлов не выдвигал никаких своих идей, за исключением одной, о чем речь еще впереди, — он просто всецело и всемерно поддерживал все начинания государыни, иногда внося в них какие-то свои пункты. Орлов был добрым человеком с горячим сердцем, поэтому он с готовностью проводил в жизнь идеи государыни, возможно, не до конца понимая их суть. Орлов был ее главным и преданным помощником, готовым свернуть горы. Потом она писала о нем: «Способности Орлова были велики, но ему недоставало последовательности к предметам, которые в его глазах не стоили заботы, и лишь немногие удостаивал он труда своего, и от этого он казался более небрежным, чем был на самом деле. Природа избаловала его, и он был ленив ко всему, что внезапно не приходило ему в голову»{26}. При дворе отношение к фавориту молодой императрицы было неоднозначным: с одной стороны, Орлов был обаятельным человеком, не «выказывает ни гордости, ни заносчивости, остается на той же дружеской ноге со своими прежними знакомыми, узнает их даже в толпе, не вмешивается вовсе в государственные дела, а если и делает это иногда, то только для того, чтобы замолвить слово за кого-нибудь из своих приятелей»{27}, с другой стороны, вельможам не нравилось его быстрое возвышение и та роль, которую он стал играть при дворе. Прусский посол граф Сольмс сообщал королю, что Екатерина ввела Орлова во все комиссии, занимающиеся государственными делам, снабдила его огромными полномочиями, и это не понравилось министрам и политикам. Они должны были почтительно стоять в приемной фаворита и ждать, пока тот проснется, чтобы непременно видеть его утренний туалет. Существует мнение, что Орлов не был таким уж безобидным: он кичился своим положением, был груб, задирал вельмож и искал случая насолить им. Так, он одевался нарочито просто, в отличие от остальных вельмож. Его костюмы всегда отличались изысканной простотой, что воспринималось как подчеркивание того, что он может себе позволить наплевать на придворный этикет и продемонстрировать свою близость к императрице: «При этом его крайне простой костюм был украшен бриллиантовыми пуговицами такой чрезвычайной красоты и ценности, что даже и самый богатый из сановников империи не мог бы подражать подобной простоте»{28}. Сиятельные сановники, например граф Бутурлин и гетман К. Разумовский, считали оскорбительным для своего достоинства, что они стоят на одной ступени с неродовитым выскочкой Орловым, бывшим еще недавно неизмеримо ниже них. Граф Шереметев, бывший самым богатым

и очень знатным русским вельможей и занимавший должность обер-камергера, по своему чину состоял в эскорте императрицы при ее поездках. Он был разгневан, когда увидел, что Г. Орлов сидел в карете рядом с Екатериной, а он ехал верхом по грязи и бездорожью. Однако старики, которые еще служили при Анне Иоанновне, не удивлялись и даже говорили, что нынешний режим гораздо лучше бироновщины, и жить вполне можно. Однако иностранных дипломатов в России такой порядок управления страной раздражал. Гораздо позже, в 1772 г., французский министр при дворе Екатерины Дюран писал в своем донесении: «…императрица так исключительно поглощена делом г. Орлова, что в продолжение двух месяцев не занимается ничем другим, ничего не читает и почти не подписывает бумаг <…> Эта женщина ничего не делает, — писал Дюран. — Пока будут поддерживать партию Орловых и заниматься ими, нам остается сидеть сложа руки»{29}.

Страсти накалились вот по какому поводу. В мае 1763 г. Екатерина поехала на богомолье в Ростов и Воскресенский монастырь, взяв с собой и Орлова. Сразу же распространилась молва о том, что Екатерина вознамерилась выйти замуж за Гришку Орлова. Некоторые считают, что так хотелось братьям Орловым, поскольку прецедент уже был — Елизавета Петровна была тайно обвенчана с Алексеем Разумовским. Был ли брак Екатерины с Григорием Орловым реальностью или уткой — неизвестно, поскольку никаких доказательств тому нет. Сторонники есть и у той и у другой версии. Тогда же общественное мнение было взволновано. Екатерина — это не Елизавета, и она не собиралась ни с кем делить власть. Она понимала, чем может обернуться ее замужество, поэтому решила отказать фавориту, сославшись на мнение народа. Кстати, граф Н.И. Панин пришел к императрице и стал увещевать ее не делать опрометчивого шага. Тогда он произнес свои знаменитые слова: «Россией может править императрица-немка, но никак не госпожа Орлова». Екатерина сама это хорошо понимала, поэтому вопрос о браке больше не поднимался. Много лет спустя она все-таки вышла замуж за другого своего фаворита — Григория Потемкина. Тогда уже не было в живых ее первого возлюбленного, и она ничего и никого не боялась. Думала ли она тогда о Григории Орлове, своей первой сильной любви? Бог ведает.

Ловко выкрутившись из истории с браком и осыпав Орлова подарками в качестве материальной компенсации морального вреда, она не перестала выказывать своей симпатии к нему прилюдно. В 1764 г. Екатерина поехала в Лифляндию. Орлов сопровождал императрицу на всем пути, и все могли убедиться,

что Екатерина страстно влюблена. Естественно, это было любимой темой для пересудов при дворе. В этом же году Орлову был пожалован чин подполковника лейб-гвардии Конного полка, а 1 января 1765 г. его назначили шефом Кавалергардского корпуса. В новой форме Орлов красовался уже на параде в праздник Крещения. Он «ехал подле саней государыни верхом, в римско-российском уборе кавалергардов, в шишаке с белым пером, что весьма казистый и прекрасный вид делало»{30}. Орлов не только принимал подарки, но и сам делал их. Самый известный из них, до сих пор хранящийся в Алмазном фонде России, — это покрытый тайнами и легендами алмаз «Орлов». Масса этого драгоценного камня равна 199,6 карата, то есть приблизительно 40 г. «Орлов» входит в пятерку самых крупных алмазов мира. Легенда гласит, что этот камень был добыт в Индии в XVII в. Сначала алмаз был глазом Будды в статуе храма Серингапатама, а потом его украл один французский солдат. В другой истории говорится, что алмаз «Орлов» был вставлен в трон персидского шаха Надира, а потом исчез в 1747 г. после смерти владельца. Затем драгоценный камень загадочным образом всплыл в Амстердаме. Здесь-то его и купил граф Г.Г. Орлов. Это удивительный камень со слегка голубоватым отливом, прозрачный, как слеза, и по форме напоминающий разрезанное поперек яйцо. Обработан он в староиндийской манере: его грани напоминают лепестки роз. Екатерина была так восхищена подарком, что велела вставить алмаз в свой царский скипетр. Это был, действительно, царский подарок.

Григорий Орлов вообще любил прекрасное. Как всякий дилетант, он увлекался искусством, поэзией, науками. Имея немалые средства, Григорий Орлов немало поспособствовал развитию культуры и науки в России. Не получив никакого образования, Орлов страстно любил естественные науки. Ему нравились химические и физические опыты, он любил наблюдать за звездами. Так, он ставил опыты с электричеством: роскошные шелковые обои дворца он натирал тряпочкой и с детской радостью смотрел, как из них летят искры и «электризация производится». Зимой он исследовал свойства льда: по его приказу строили ворота на льду, а потом он гордо показывал императрице, как бомбы, наполненные водой, разрывает от мороза. Орлов привечал ученых и поэтов. В своих покоях во дворце он приказал устроить обсерваторию и поставить туда телескоп. Весь двор ходил сюда смотреть на звезды и любоваться открывающейся панорамой. Увлеченный всевозможными философскими и научными идеями, Орлов приглашал к себе в гости выдающихся людей своего времени. Так, в Гатчине у него

были Д. Дидро, Ж-Ж. Руссо и др. Мало кто знает, но именно Орлов сохранил для потоков наследие великого русского гения М.В. Ломоносова и открыл для русской литературы талант Д.И. Фонвизина. Ломоносову князь Г.Г. Орлов оказывал всемерную поддержку вплоть до его смерти. Когда же великий ученый и поэт умер, князь скупил все его бумаги и только благодаря этому факту они не были утеряны. Что касается Фонвизина, то именно Г. Орлов в одном из салонов услышал комедию «Бригадир». Она так понравилась адъютанту императрицы, что он сразу же представил автора государыне — так началась слава одного из лучших комедиографов России.

Вольное экономическое общество

Эпоха Орлова была ознаменована несколькими благородными, но, увы, безрезультатными начинаниями. Во-первых, это Комиссия об уложениях, во-вторых, создание Императорского Вольного экономического общества. Последнее начинание было Григорию по душе, и он принимал активное участие в его работе. Общество в 1765 г. создала Екатерина, чтобы изучить положение дел в аграрном секторе и содействовать его развитию. Григорий Орлов был выбран его президентом, и довольно продолжительное время Общество существовало на его деньги.

Со всех губерний были собраны сведения о положении крестьянства. Оказалось, что большую часть времени крестьяне работают на помещика, и у них не остается времени на то, чтобы обрабатывать свой крохотный надел. Многие передовые люди того времени признавали, что труд русских крестьян гораздо тяжелее труда их европейских собратьев. В XVIII в. русский крестьянин был так же бесправен, как негр в Америке. Вывод был неутешительным: «Из дворянского землевладения оно превратилось в душевладение; сам [помещик] — из агронома в полицейского управителя крестьян»{31}. Крепостничество тормозило развитие страны, сами помещики не хотели переходить к новым формам хозяйствования — недоимки были огромными. Доклады Общества были ужасающими: крепостное право тормозит развитие не только деревни, но и города. Помещики не хотели отпускать своих крепостных и стремились в своем имении обзавестись своими личными мастеровыми, актерами, парикмахерами и пр. Города оставались и без рабочей силы, и без рынка сбыта.

На первых порах Вольное экономическое общество пыталось переломить ситуацию: предоставляло кредиты, помогало в открытии своего дела. Сам Орлов (да и, кстати сказать, все его братья) был убежденным сторонником освобождения крестьян. Он даже назначил вознаграждение автору лучшего ответа на вопрос: «Нужна ли крестьянам частная собственность?» К сожалению, эти задачи так и остались нерешенными. До отмены крепостного права пришлось ждать еще почти 100 лет. В своих же владениях братья Орловы установили либеральные порядки, многие их люди получали вольную за какие-нибудь выдающиеся умения.

Греческий проект

В год 1453-й от Рождества Христова полчища турецких янычар подошли к столице Восточной римской империи, главному оплоту православной веры. Они превосходили защитников города и числом, и уменьем. Стоял погожий майский день, небо было безоблачным, а под стенами Царьграда шла жестокая битва. То наши братья по вере обороняли Константинополь от мусульман. Силы были слишком неравны: погиб на поле брани последний византийский император Константин XI Палеолог, один за другими гибли защитники города — исход битвы был предрешен. В тот теплый и ясный денек турки-мусульмане навсегда захватили священный град Константинополь в свое владение…

Российские монархи всегда считали себя преемниками византийских царей — ив культурном, и в духовном, и в политическом смысле. В конце концов, не случайно женой московского князя Ивана III была Софья Палеолог, племянница последнего византийского императора, принесшая на Русь светоч истинной веры и ее святыни. С тех пор русские монархи своим священным долгом считали освобождение Константинополя от власти турок — ведь это еще было и семейное дело. Эта идея окрыляла и оплодотворяла не один геополитический замысел российской внешней политики.

Триста пятнадцать лет спустя ум российской самодержицы был смущен и взволнован этим событием. Как можно оставлять братьев по вере, наследников великой империи под властью жестоких варваров? Как когда-то последний византийский император пал от меча мусульманского, так пусть теперь падет турецкий султан от меча православного, а из руин Стамбула поднимется во всей красе и ослепительном величии Царьград-Константинополь. «И на обломках самовластья напишут наши имена»… Да-да, имена российских царей, спасших православие и восстановивших Восточную империю. Россия же, как младшая сестра, возвращала Византии ее дом, но при этом становилась главной вершительницей судеб. В общих чертах таким был знаменитый греческий проект Екатерины Великой, который с некоторых пор занимал ее ум. Эта идея казалась императрице такой важной, что она не расставалась с ней до самой смерти и возвращалась к реализации этой геополитической стратегии, несмотря на неудачи и провалы. Более того, она завещала ее своим потомкам.

Идея изгнания турок из Константинополя волновала умы

русских царей давно. Навели же на эту мысль братья-славяне, страдающие от турецкого ига, но не имеющие средств к восстанию: в XVII в. хорватский писатель, ученый и общественный деятель Юрий Крижанич недвусмысленно высказывался о том, что только Россия может избавить христианские народы от владычества богопротивных турок. В начале XVIII в. эта мысль пришлась по душе Петру Великому, и он со свойственный ему энергией принялся воплощать ее в жизнь. Так начались войны России с Турцией за Константинополь и освобождение греков, которые шли с переменным успехом и продолжались вплоть до Октябрьской революции 1917 г. И Анна Иоанновна, и Елизавета Петровна отдали дань идее вторжения России в Средиземноморье и Черное море, но все неудачно. В 1736 г. русский посол в турецком Константинополе Вешняков доносил в Москву, что надобно попытаться поднять местное население против турок, если будет столкновение с Портой. Дело в том, что турки не давали русским судам проходить через Босфор и Дарданеллы, блокируя для российского флота Черное море. Герой турецкой кампании во времена Петра I и Анны Иоанновны фельдмаршал Миних, освобожденный еще Петром III из ссылки и обласканный Екатериной, завлекал императрицу Константинополем и борьбой с варварами: «Я могу доказать твердо обоснованными доводами, что с 1695 года, когда Петр Великий впервые осадил Азов, и до часа его смерти в 1725 году, в течение тридцати лет, его главным намерением и желанием было завоевать Константинополь, изгнать неверных, турок и татар, из Европы и восстановить таким образом греческую монархию»[32]. Он был не одинок в своем желании продолжить начинания Петра: многие видные сановники того времени хотели развязать войну на южном направлении.

В том, чтобы выгнать мусульман-турок с исконно православных земель, была и политическая, и идеологическая подоплека. Россия во времена царствования Екатерины перестала довольствоваться ролью второй скрипки — она хотела дирижировать оркестром. Екатерина считала, что Россия уже достаточно долго училась у западных держав и теперь сама может их поучить. Геополитический вектор разворачивался на юг и восток: Екатерина хотела владеть половиной мира. Вряд ли императрица смогла осуществить эти планы, если бы русские не воспринимали Константинополь как духовную родину. Как европейские рыцари шли спасать Иерусалим от неверных, так русские витязи должны были спасти Константинополь. Освобождение прежней столицы православной империи было делом чести русского народа, частью русского национального самосознания: «В случае с турками это сознание, начиная с мая

1453-го года, неизбежно упиралось в утраченный Константинополь. Да, конечно, приобретение этого города, расположенного на берегу узкого пролива, по которому ни один корабль не пройдет без ведома здешних пушек, — очень выгодно: сама природа устроила здесь для обладателей Константинополя место таможенного досмотра. Так же удобно стояла когда-то на берегу другого пролива Троя. И так же, как взятие Трои в памяти греков осталось делом чести и славы, а не торговой выгоды, — так возвращение Константинополя в новую эру было одушевляющим подтекстом сухого практического действия»[33]. К тому же существовал поучительный пример из недавнего прошлого: в 1760 г. лихие русские казаки вошли в столицу Пруссии — Берлин — и удерживали ее три дня. Проку от этого рейда не было никакого, но это событие взволновало и Европу, и Россию: оказалось, что русская армия способна побеждать неприятеля на его территории. Для боевого духа и морального настроя это трехдневное взятие Берлина сделало гораздо больше, чем все пропагандистские лозунги.

Неизвестно, какова была бы судьба всех этих идей, если бы в дело не вступили причины личного характера. Принято считать, что главным вдохновителем и разработчиком греческого проекта был Григорий Потемкин. Да, осуществление этих честолюбивых имперских замыслов Екатерины произошло уже во времена влияния Потемкина, однако первым в окружении императрицы об этом заговорил Григорий Орлов. Он был знаком с положением дел в захваченной Греции от слуги — грека Папазули, который вдохновенно рассказывал о своей отчизне, сокрушался о ее незавидном положении и предлагал различные пути исправления ситуации. Братья Орловы вдохновились этой благородной идеей спасения единоверного народа от мусульманского ига. Это было так похоже на них: авантюра с благородными целями помощи несчастным. Какое-то время Григорий обдумывал эту идею. Все братья были на его стороне — так чего же ему было бояться? Можно было смело кидаться в бой. Таково было кредо братьев Орловых — спасение единоверцев. Ни о каких политических и экономических выгодах они не думали — об этом потом будет думать Екатерина.

Идея изгнания турок из Константинополя настолько прочно засела в голове Григория, обычно не интересовавшегося государственными делами и откровенно их сторонившегося, что однажды, в январе 1769 г., случился прецедент. Как обычно, фаворит императрицы участвовал в заседании совета, посвященного русско-турецкой войне. Но в тот раз совет был необычным, потому что обычно молчавший или что-то

говоривший невпопад Орлов попросил слова. Когда императрица разрешила ему говорить, он с жаром принялся рассказывать ей о Константинополе и об экспедиции русского флота в Архипелаг, о возможном восстании греков против турецкого владычества. Все присутствовавшие, а более всех сама Екатерина, были поражены: невежественный и легкомысленный Григорий Орлов предстал осведомленным и знающим человеком. Екатерина пришла в неописуемый восторг: она расстраивалась, когда ее любимец выказывал свое невежество, но упорно заставляла его принимать участие в политике. Теперь же она укрепилась в своем убеждении, что у Грицы есть способности и таланты, и никто не мог теперь переубедить ее. А Григорий Орлов даже представил кое-какие документы, полученные им от французского офицера Сен-Марка. Он находился на службе императрицы, но до этого служил в Венецианской республике. Дело было решенным — Екатерина Великая отдала приказ готовить эскадру. План вылазки разработал украинец Тамара. Решающую роль должны были играть три брата Орловых — Григорий, Алексей и Федор. Государыня согласилась со всем, кроме одного, — Григория она оставляла около себя. Россия начала готовиться к морейской экспедиции. Была поведена большая пропагандистская работа: 19 января 1769 г. по указу самодержицы напечатали воззвание к христианам, живущим на Балканах, по-гречески и по-старославянски. Текст содержал призыв к восстанию и обещание помощи в случае оного. Агитатором подвизался болгарин, состоящий на русской службе, подполковник Даразин. Переодевшись в одежду пилигрима и спрятав воззвание в посохе, он принялся распространять крамолу. Благодаря его действиям восстание поднялось в Черногории, затем в Албании, Македонии, Боснии и Герцеговине. Однако пока русские собрали эскадру, пока доплыли, пока добрались до повстанцев, бунт был подавлен.

Екатерина и ее советники замахнулись на великие цели, которых не удавалось достигнуть даже самому Петру Великому. В программе-максимум значилось: выход к Черному морю, свободное судоходство в этом ареале, укрепление в Крыму и постепенное заселение прибрежных территорий подданными российской короны. С этой целью началось строительство русских военных крепостей в Азове и Таганроге. Одновременно начались маневры русских войск: одну армию послали в Молдавию за реку Днестр, чтобы турки не смогли выйти к границе Польши, другая пошла к рубежам России. Григорий Орлов посоветовал императрице снарядить одну эскадру в Кронштадт, которая должна была инспирировать восстание православных греков и славян против турецкой Порты. Другая же эскадра должна была

устроить диверсию в турецком тылу. Узнав об этом от брата Федора, Алексей Орлов, бывший тогда в Италии по государственным делам, написал Григорию: «Я здесь нашел много людей единоверных, которые желают быть под командою нашею и служить в теперешнем случае против турок. <…> Они храбры, любят меня и товарищей моих много за единоверие; все повеленное мною хотят делать. Выступайте с одного конца, а я бы с другого зачал»[34]. Предложение Алексея было принято: Екатерине были присущи азарт и страсть, поэтому она дала отмашку. И в июле 1769 г. первая эскадра вышла из Кронштадта, потом были сформированы еще две. Алексей Орлов принял командование эскадрой уже за границей.

Однако все было не так просто, как представлялось удалым братьям Орловым. В наследство Екатерине достались разброд и шатание во флоте, разруха и устаревшие, прогнившие корабли. Бороться с лучшим флотом в Европе с такими кораблями было невозможно, но для Орловых такого слова не существовало. Каждый из них мог в одиночку справиться с медведем, они презирали опасности, поэтому только Орловы могли осуществить эту дерзкую авантюру: «…сделавшись после революции первостепенными государственными вельможами, они, конечно, остепенились, но своих размашистых привычек не утратили. Укрупнился масштаб: шесть лет назад они волновали петербургскую гвардию против голштинского ига, теперь готовы были поднять Грецию и Балканы против Порты»[35]. В августе того же года русская армия взяла ключевую крепость Хотин, расположенную за Днестром. Ключевой она была потому, что со штурма этой крепости начиналась любая война с турками. Осенью армия продолжила свое победное шествие — были завоеваны Яссы и Бухарест, Молдавия вошла в состав Российской империи. Но это все были малые, хотя и очень важные победы, главной цели добиться не удавалось. Очень скоро стало очевидным, что в этот раз взять Константинополь не удастся.

Русско-турецкая война принимала затяжной характер. Разработку стратегической идеи пришлось прекратить. К тому времени уже Григорий Орлов сдавал свои позиции рядом с императрицей молодому и честолюбивому Григорию Потемкину. Проект был забыт на некоторое время, а возрождать его пришлось уже новому фавориту. В 1777 г. Екатерина Великая вернулась к этой давней идее, правда, уже никто не вспоминал, что она принадлежала Григорию Орлову.

Новый заход на создание в Греции русской монархии Екатерина предприняла уже через 10 лет. Любимого ею Григория Орлова уже давно не было в живых, она была бабушкой и не

могла не думать о будущем своих внуков. Одному из них, второму сыну Павла, она дала имя последнего византийского императора — Константин. Ему она предназначала греческий трон при условии, если он откажется от всяких притязаний на престол русский. Правда, греческий трон еще надо было отвоевать. Екатерина заключила союз ас австрийским императором Иосифом II против Турции. Все это долгое время Россия постоянно издевалась над Турцией, насмехалась, угрожала ее существованию. Австрийский император усердно лил воду на турецкие жернова, поддерживая воинственный пыл русской государыни. Когда французский посол в России граф Сегюр указал ему на то, что он поступает опрометчиво, Иосиф II ответил: «Чего же вы хотите? Эта женщина в исступлении, вы это видите сами; надо, чтобы турки уступили ей во всем. У России множество войска, воздержанного и неутомимого. С ним можно сделать все, что угодно, а вы знаете, как низко здесь ценят человеческую жизнь. Солдаты прокладывают дороги, устраивают порты в семистах милях от столицы без жалования, не имея даже пристанища, и не ропщут. Императрица единственный монарх в Европе, действительно богатый. Она тратит много и везде и ничего не должна; ее бумажные деньги стоят, сколько она хочет»{36}.

Турки были уже на грани безумия, а Россия готовилась ко второй русско-турецкой войне. Уже завоевал Потемкин Крым, и Екатерина принялась активно обустраивать этот полуостров. В июне 1787 г. она со своим союзником, австрийским императором, совершала большую поездку по Крыму, где уже формировалась русская эскадра. В Севастопольской бухте уже стояли корабли, готовые плыть в Турцию, — отсюда до заветной мечты было так близко. Екатерина ночевала в Бахчисарае и как будто бы случайно обмолвилась, что отсюда до Константинополя всего каких-то 48 часов.

Вторая попытка освободить Грецию от турок формально началась с ноты турецкого султана, врученной Екатерине в июле того же года. Императрица восприняла это как вызов, а еще через месяц, 17 августа, был заточен в Семибашенный замок русский посланник Булгаков. Началась новая война с турками. Но теперь было еще хуже: армия и флот были бутафорией, они не умели воевать. Герой Чесмы и брат покойного фаворита отказался командовать им, и русский флот терпел одно поражение за другим. Светлейший князь Потемкин-Таврический оказался неважным флотоводцем. Он завел разговор о том, чтобы провести эвакуацию населения Крыма. Но Екатерина не собиралась так быстро сдаваться, она советовала взять Очаков и биться до

последнего. Возможно, тогда она не раз вспомнила удаль и бесстрашие своего бывшего возлюбленного Григория Орлова и его братьев, но подобных им людей тогда в армии не было. Тем не менее, она продолжала войну: стремилась повторить успех прошлой кампании. Императрица готовила все новые и новые экспедиции, но и в этот раз русские не дошли до Константинополя — на Севере началась война с давним неприятелем, Швецией. До конца своей жизни Екатерина так и не осуществила заветный греческий проект, Стамбул так никогда и не был повержен.

Чума 1770-1771 гг. в Москве

Одна из выдающихся заслуг Григория Орлова перед Отечеством и русской историей — избавление Москвы от чумы. Именно благодаря его мерам чума была остановлена и не допущена в столицу. Но сначала опишем события в Москве, приведшие к вмешательству князя Г.Г. Орлова.

Шел 1770 г., Россия вела войну с Турцией, поэтому основные военные силы были направлены на фронт. В городах оставался только небольшой гарнизон, отвечавший за порядок. Именно это обстоятельство и привело к тому, что в Москве под влиянием страшной болезни вспыхнул бунт. Чуму на своих штыках принесли в Россию как раз солдаты, участвовавшие в войне: она повстречалась им в Молдавии. В России тогда не знали, что это за болезнь и как от нее уберечься, поэтому чума очень быстро распространилась по Украине, Брянской, Тверской областям и перешла на Москву. Поначалу градоначальники не придавали особого значения болезни: были приняты обычные в таких случаях меры, да и то только наполовину Москва была окружена заставами, на которых осматривали всех въезжающих, но болезнь все равно проникла в город — через раненых солдат. Первые признаки чумы появились в первопрестольной 17 декабря 1770 г. в малом госпитале на Введенских горах. Главный врач этого госпиталя А.Ф. Шафонский сообщил обер-полицмейстеру Москвы Н.И. Бахметеву и главнокомандующему графу П.С. Салтыкову, что в этот день в госпитале от чумы умерло 14 человек и еще двое имеют все признаки болезни. В донесениях императрице того времени видно, что московские чиновники не придавали значения распространявшейся заразе и не принимали должных мер еще тогда, когда продвижение чумы можно было остановить.

Действия градоначальники начали предпринимать в тот день, когда о болезни было доложено в Петербург, то есть 22 декабря. Консилиум, собранный по этому случаю и состоявший из лучших врачей того времени в Москве Эразмуса, Шкиадана, Кульмана, Мертенса, фон Аша, Венемианова, Зыбелина и Ягольского, решил, что напасть, обрушившаяся на Москву, это моровая язва (так в то время называли чуму). Об этом было доложено главнокомандующему. В качестве превентивных мер решили оцепить госпиталь, чтобы изолировать больных от здоровых. Однако сделать это было не так просто, о чем Салтыков и писал государыне: «Не надеясь на себя, призывал я доктора Мертенса и требовал его совету, который мне и дал на все то, что уже сделано; кроме того, он требует, чтоб въезд в Москву всем

запретить, что никоим образом сделать неможно: в таком великом городе столько людей, кои питаются привозным харчем, кроме помещиков, и те получают из своих деревень; товары к портам везут чрез Москву; все — мясо, рыба и прочее — все через здешний город идет; низовые города — Украина — со всех сторон едут; воспретить невозможно. Из Украины же проезд, кажется, необходим: кроме курьеров, армия требует многого, необходимо посылать должно кого для подрядов и приему вещей в полки»{37}. Как известно, никаких мер принято не было. Наступил январь, трескучие морозы остановили чуму. Обстановка в Москве стабилизировалась: новых случаев болезни зарегистрировано не было, всех приезжавших в Москву тщательно досматривали, дороги были заметены снегом, поэтому количество людей, едущих в Москву, сильно уменьшилось. Однако Салтыков продолжал жаловаться, что людей для оцепления Москвы не хватает. Зима заморозила чуму, но зима прошла, снег начал таять… Перезимовав, чума вновь вышла на охоту: в марте начались новые случаи болезни. Только теперь впереди было лето, и на природу надеяться не приходилось. Моровая язва стала косить людей десятками. Только теперь в столице опомнились: было рекомендовано принять соответствующие меры, чтобы не дать чуме распространиться. За дело взялись решительно:

1) Москва была объявлена зоной карантина; всех, кто въезжал и выезжал из нее, досматривали на предмет болезни;

2) посещение города без разрешения главнокомандующего запрещалось, город хотели закрыть, но на практике осуществить это оказалось невозможно;

3) продукты, которые доставлялись в Москву из других мест и областей, свозились в определенные места в 50 км от Москвы, а жители города должны были приходить в установленные дни и часы и покупать необходимое под надзором полиции;

4) в этих импровизированных торговых местах разводили костры и ставили бочки с уксусом, в который надо было обмакивать деньги. Полиция же наблюдала, чтобы люди не дотрагивались друг до друга;

5) московские, владимирские, переяславские, тверские и крутицкие священники с амвона обязывались читать проповеди о чуме и о том, как ее избежать;

6) для столицы на расстоянии 750 км от зачумленной Москвы на Тихвинской, Старорусской, Новгородской и Смоленской дорогах выставлялись карантины. Всех едущих осматривали, окуривали, а вещи, письма, деньги протирались уксусом;

7) все полки были приведены в состояние боевой готовности, чтобы в случае бунта подавить его.

В Москву же для решения проблемы сначала были отправлены два представителя от императрицы — генерал-поручик граф Брюс и генерал-поручик, сенатор П.Д. Еропкин. Последний обладал большими полномочиями. Он был готов искоренить мор, но здесь сенатор столкнулся с трудностями, преодолеть которые ему было не под силу. Трудности эти были морального плана или, лучше сказать, национального. Приехав в Москву Еропкин очень энергично приступил к делу — он делал все от него зависящее, чтобы исключить общение больных и здоровых, чтобы каждый заболевший попал в больницу, чтобы вещи чумных отбирались и сжигались немедленно, но генерал-поручик столкнулся с невежеством и тупым упорством русского человека, не привыкшего выполнять всякие постановления и распоряжения начальства. Титаническим усилиям городского правительства и врачей по искоренению язвы никто не собирался помогать, даже наоборот, а те, кто вызывался помогать, больше вредили и разворовывали. Здесь во все красе показалась отсталость русского народа, только начинавшего приобщаться к достижениям цивилизации: москвичи не страшились чумы, считая ее наказанием божьим, посланным за грехи, они боялись врачей, лазаретов и карантинов, которые, по мнению народа, были детищем дьявола. Жители не говорили о больных родственниках или знакомых специальным людям, назначенным Еропкиным, не отдавали их вещей для уничтожения. Многие в ужасе убегали из домов с заразой, тем самым только ухудшая ситуацию — поймать таких беглецов было очень трудно: они разбегались не только по окраинам Москвы, но и по деревням. Другие тайком выбрасывали из домов трупы прямо на улицу, чтобы их самих не досматривали. В Москве пышным цветом расцвели мародерство, грабежи, разбой.

Все попытки справиться с ситуацией были безрезультатны: добровольцы, помогающие властям, сами заболевали и умирали, поэтому москвичи наотрез отказывались соблюдать карантинные меры.

Чума свирепствовала в Москве все лето: умирало до 1000 человек в день. Словно издеваясь и показывая свою непобедимость, она пришла и в дом к генералу Еропкину — заразился один из его слуг. Еропкин отказался выполнять свои должностные обязанности, потому что с таким малым количеством людей, предоставленных в его распоряжении, сделать ничего невозможно, да и те норовят улизнуть. В городе началась паника, все начальники и местная знать поспешила прочь из зачумленного города. Вот свидетельство княгини Е.Р. Дашковой: «Затем я без остановок доехала до Риги и тут прочла

ошеломившие меня письма от брата Александра. Он писал, что покинул Москву из-за объявившейся там чумы и уехал в Андреевское (прекрасное имение моей матери в 140 верстах от Москвы). Опасность, которой он избежал, была велика: мой управляющий сообщал, что в моем доме умерло 45 слуг и он не сможет ничего выслать в Петербург к моему приезду, потому что слуг и багаж задержат в карантине на шесть недель»[38].

В этот критический момент главнокомандующий Салтыков написал прошение императрице, в котором жаловался на судьбу и просил разрешения уехать в деревню. Это донесение показывает, какой хаос творился в то время в городе: «Болезнь уже так умножилась и день ото дня усиливается, что никакого способу не остается оную прекратить, кроме чтобы всяк старался себя охранить. Мрет в Москве в сутки до 835 человек, выключая тех, коих тайно хоронят, и все от страху карантинов, да и по улицам находят мертвых тел по 60 и более. Из Москвы множество народу подлого побежало, особливо хлебники, калачники, маркитанты, квасники, и все, кои съестными припасами торгуют, и прочие мастеровые; с нуждою можно что купить съестное, работ нет, хлебных магазинов нет; дворянство все выехало по деревням. Генерал-поручик Петр Дмитр. Еропкин старается и трудится неусыпно оное зло прекратить, но все его труды тщетны, у него в доме человек его заразился, о чем он меня просил, чтоб донесть в. и. в-ству и испросить милостивого увольнения от сей комиссии. У меня в канцелярии также заразились, кроме что кругом меня во всех домах мрут, и я запер свои ворота, сижу один, опасаясь и себе несчастия. *Я* всячески генерал-поручику Еропкину помогал, да уже и помочь нечем: команда вся раскомандирована, в присутственных местах все дела остановились и везде приказные служители заражаются»[39].

Екатерина отпустила престарелого генерала, но не простила ему этого бегства, тем более что в его отсутствие в Москве произошел чумной бунт, после которого на спасение города был отправлен Григорий Орлов. В Москве уже не было никакой власти, только нижние чины полиции и военного гарнизона старались сохранить порядок. Люди были доведены до отчаяния, назревало нечто ужасное. Кровавая страница этого бунта связана с убийством архиерея московского Амвросия Зертис-Каменского.

Он занял эту должность в 1767 г. после смерти митрополита Тимофея, почитаемого москвичами. Нового архиерея невзлюбили сразу, потому что он принялся менять порядки и, как бы мы сейчас это назвали, бороться с коррупцией и взяточничеством. Амвросий был человеком энергичным, жестким, любившим соблюдать букву закона. Он решил, что в московской епархии все

должно быть так, как предписано установлениями. В то время белое духовенство, то есть самые низшие церковные чины, были бедны и жили тяжело, поэтому они искали средства к существованию в обход церковных уставов, часто торгуя реликвиями и вымогая деньги у прихожан под видом богоугодных дел. Новый архиерей очень круто взялся за дело: священникам запрещалось жениться, если был не закончен богословский курс и не сдан экзамен, запрещалось меняться домами и переходить из одной церкви в другую; более того, он попросил Синод вернуть к жизни указ Петра Великого, в котором говорилось, что духовенство должно жить в церковных домах и не иметь никакой личной собственности. Тех, кто осмелились нарушить указ, заковывали в кандалы и лишали жалованья. Естественно, что такие меры не способствовали личной популярности архиерея. События, приведшие к его убийству, начались еще с самого начала эпидемии чумы.

У Варварских ворот Китай-города на стене давно висел образ Боголюбской богородицы, которой возносили молитвы простые горожане. Когда-то давно здесь служили молебны, но их давно отменили, поскольку это было вопиющее с точки зрения регламента явление. И вот с сентября 1771 г. молебны возобновились — их служил сам народ и некоторые попы-отступники. Началось же все с того, что один рабочий прилюдно рассказал, что ему во сне явилась Богородица и сказала, что уже очень долго около ее образа ни разу ни свечи не поставили, ни молебна не отслужили, поэтому Христос решил покарать безбожников и наслать на них каменный дождь. Но Богородица попросила, чтобы наказание было смягчено — Христос наслал моровую язву. Отчаявшиеся люди поверили в этот сон и решили вымолить прощение. С точки зрения Амвросия это сборище у Варварских ворот было «позорищем». Он сначала хотел унести оттуда икону и поставить ее в церковь Кира и Иоанна, находившуюся неподалеку. Около иконы стояли ящики, в которые народ жертвовал деньги на новую икону Богоматери. Архиерей решил эти деньги забрать и отдать в Воспитательный дом для сирот. Эти меры были восприняты агрессивно: священники, служившие молебны, побили камнями полицейских. Народ все прибывал к этой иконе, а это грозило еще большим распространением эпидемии. Еропкин, которому Амвросий рассказал о сборище, решил икону не трогать, а ящики с деньгами изъять и пустить на борьбу с чумой. Более того, к ящикам был приставлен военный караул, но именно желание забрать ящики с деньгами и подтолкнуло народ к действию. 15 сентября 1771 г. по всей Москве раздался тревожный

колокольный звон. Он шел от Варварских ворот, и туда начал стекаться простой люд. Обер-полицмейстеру доложили, что около этих ворот завязалась драка. Тогда Бахметев вместе с несколькими военными поехал на место происшествия: на протяжении нескольких десятков метров по обе стороны ворот стоял народ, вооруженный копьями, дубинами, камнями. Оказалось, что каша заварилась из-за того, что шестеро солдат и посланник от архиерея пришли изъять ящики с деньгами. Однако их охраняли солдаты московского гарнизона, сказавшие, что вверенные им объекты они отдадут только своему командиру. Тут завязалась драка, на которую подоспели и зеваки: посланник и солдаты были избиты, а народ приготовился «стоять за мать пресвятую богородицу до последнего издыхания»{40}. Из толпы слышались крики, что надо идти к архиерею, потому что он этих людей послал. Пятеро человек ничего не могли сделать с таким количеством людей, поэтому Бахметев поскакал к Еропкину на Остоженку, но по пути он увидел, что из Охотного ряда также собирается толпа с дубинками. Ситуация становилась угрожающей. Впереди всех бежал заводила, который кричал, что нельзя отдавать Божью матерь на поругание. Обер-полицмейстер смог успокоить толпу и поймать зачинщика. Поскольку везти его в участок не было времени, мужика посадили в полицейскую будку. Однако Еропкин не дал Бахметеву ни совета, ни людей, и тому пришлось действовать по собственному усмотрению. Еще до визита к генералу-поручику Бахметев поручил полицейскому майору вступить с народом в переговоры по поводу того, чтобы они отдали тех, кто пришел за казной. Майор выполнил указание и прибыл с заявлением, что народ и сам хотел это сделать, но военные у Варварских ворот никого не отдают, говоря, что подчиняются только своему командиру. Пока искали кого-нибудь из начальства и утрясали формальности, простолюдины, которым хотелось крови, уже дошла до Кремля и Чудова монастыря и грабят архиерейский дом. Прошел слух, что Амвросия хотят убить, потому что он во всем виноват. В Чудовом монастыре толпа Амвросия не нашла, так как его предупредили об угрозах, и он уехал в Донской монастырь. Но толпу уже было не остановить: к ней присоединялся всякий, кто хотел выместить злобу и отчаяние.

Чудов монастырь был разграблен, утварь и мебель сломана и разбита. В погребе стояли бочки с вином купца Птицына — началось пьянство, продолжавшееся до следующего дня. 16 сентября бунтовщики узнали, что архиерей в Донском монастыре, и 300 человек двинулись туда. Конец этой истории печален: Амвросий пытался бежать, Еропкин даже карету ему прислал, но

было поздно — народ уже сломал ворота и пробрался в покои. Архиерей укрылся в большой церкви и хотел спрятаться за иконостасом, но был обречен: толпа нашла его там. Архиерея вытащили из церкви и забили до смерти кольями, при этом сильно изуродовав и лицо, и тело.

Тем временем генерал-поручик Еропкин собирал по крупицам полицейских и солдат и послал гонца к фельдмаршалу Салтыкову с известием о бунте. В Москве находилось только 30 человек военных, а остальные были переведены в деревни подальше от чумы. Немного раньше в Москву из Петербурга пришли гвардейские части. Итого у Еропкина оказалось в распоряжении 130 человек против нескольких тысяч обезумевших горожан. Правда, у военных были пушки. Армия направилась в Кремль, где ее забросали камнями. Сначала пытались решить дело мирным путем, но все парламентеры были избиты. Тогда генерал-поручик велел открыть стрельбу: несколько сот человек погибли, 250 арестованы, другие спаслись бегством. Сам же Еропкин был дважды ранен, да и силы его закончились — он свалился с лихорадкой.

Развязка наступила на следующий день, 17 сентября. Утром толпа стала ломать Спасские ворота Кремля, где находился губернатор Юшков с войсками и куда привели захваченных мятежников. Бунтовщики стали требовать выдачи их товарищей, но главное, чтобы открыли все бани и карантины сняты. Юшков продержался до 9 утра, а там уже подошло подкрепление — главнокомандующий Салтыков с 300 солдатами Великолуцкого полка. На Красную площадь полк повел обер-полицмейстер Бахметев, несомненный герой этих дней. Он поступил мудро: построив солдат на площади, он обратился к многотысячной толпе: «Мой вам совет — идите домой. Иначе все вы будете побиты». Через минуту на площади никого не было.

После треволнений этих дней фельдмаршал граф Салтыков написал императрице Екатерине Великой письмо, решившее его дальнейшую судьбу: «Бунтовщики грозятся на многих, а паче на лекарей, и хотя на многих злятся и грозят убить, в том числе и меня, и первого Петра Дмитр. Еропкина, но главный пункт — карантины; сего имени народ терпеть не может. В Сенат никто не ездит, только были мы двое. <…> Господа президенты (коллегий), не спросясь никого, так как их члены и прокуроры разъехались по деревням; приказать некому, по кого ни пошлю, отвечают: в деревне. Мне одному, не имея ни одного помощника, делать нечего: военная команда мала, город велик, подлости еще для зла довольно. <…> Я один в городе и Сенате, помощников нет, команды военной недостает, окружен заразительною

болезнию, подвержен ей более других; все ко мне приезжают, принужден пустить, всякому нужда, помочь мне некому. Один обер-полицеймейстер везде бегает, всего смотрит, спать время не имеет. Я не в состоянии в. в-ству подробно донесть, слышу и вижу все разное; народ такой, с коим, кроме всякой строгости, в порядок привесть невозможно»[41].

Но в тот же день Екатерина выпустила указ, который командировал в Москву Григория Орлова с широчайшими полномочиями. Для Орлова это был шанс проявить себя: он не был на русско-турецкой войне, потому что Екатерина, опасаясь за его жизнь, не пустила любимца. Когда его братья Алексей и Федор доблестно сражались в Чесменской бухте, он сидел около императрицы, и его самолюбие страдало чрезвычайно. И вот теперь ему предоставлялся шанс. Это, конечно, была не война, но и здесь можно было показать Екатерине, чего он стоит. Он не боялся чумы и был убежден, что эпидемии можно было не допустить, если бы во время обо всем распорядиться. Сейчас же главная проблема заключалась в панике и беспорядке. Английский посол лорд Каткарт предупреждал графа, что в Москве свирепствует чума, а это не турки, но Орлов раздраженно отмахнулся, мол, чума или не чума, а он поедет и все наладит. «Попробуй, распорядись и наладь», — в спину Орлову говорили неприятели и завистники, мечтая, чтобы он оплошал. Орлов не оплошал, хотя, по иронии судьбы, это дело стало его последним большим делом в качестве первого доверенного лица Екатерины. Сама же императрица считала, что избавление Москвы от чумы является главной заслугой Григория Орлова: «Князь Орлов был талантлив, силен, храбр, решим <…>; два дела его славные, восшествие и прекращение чумы…»[42]

Появление Орлова в Москве не могло не привести к кадровым перестановкам: фельдмаршала Салтыкова уволили ото всех должностей, припомнив отъезд из карантинной Москвы, и князь Орлов сделался единственным полновластным хозяином первопрестольной. Представившимися ему полномочиями Орлов воспользовался с умом. Когда князь приехал в Москву, то у него, по собственному его выражению, волосы встали дыбом. В то время в Москве было 12 538 домов, в половине домов болели моровой язвой, а в 3000 домов умерли все жильцы.

30 сентября Орлов собрал заседание Сената и огласил программу действий:

1) всех мастеровых и ремесленников, еще оставшихся в Москве, обеспечить продовольствием и жильем, чтобы они могли выполнять свою работу, а не шататься без толку по улицам;

2) обеспечить поставки уксуса в количестве, необходимом

для горожан и больниц;

3) похоронным командам и могильщикам вместо прежних 6 копеек в день платить за службу 8 копеек.

Эти меры показали горожанам, что Орлов всерьез взялся за дело. Его расторопность, хладнокровие и уверенность в положительном исходе операции постепенно передалась и остальным чиновникам. Несмотря на опасность, Григорий Григорьевич Орлов целыми днями разъезжал по Москве, вникал во все тонкости дела, навещал госпитали… Первой необходимостью была борьба с мародерами, которые заходили в дома, где люди умерли от чумы и, несмотря на строжайший запрет, воровали вещи. Здесь князь церемониться не стал. 12 октября он издал распоряжение, в котором предупредил, что те, кто будут замечены в этом богопротивном деле, будут немедленно казнены на том месте, где их найдут. Спустя несколько дней после этого распоряжения произошел вот какой случай: пришел рапорт из полицмейстерской канцелярии, в котором сообщалось, что шайка из 9 человек, в основном беглые солдаты, ограбили три дома. Канцелярия настаивала на повешении мародеров, но московский Сенат все же решил помиловать их, потому что их преступление было совершено до того, как был издан указ. В качестве наказания их отправили в похоронную команду для чумных. После этого указа мародерства в Москве стало меньше, а потом оно и вовсе сошло на нет. Также фаворит императрицы заметил, что погребение трупов проходит с нарушением карантина: их родственники и друзья сидят в одной повозке с ними, что тоже способствует заражению. Тогда было объявлено, что таких людей ждут принудительные работы: мужчины будут копать могилы, а женщины — ухаживать за больными в госпиталях.

Полномочный представитель императрицы не скупился на расходы: всем врачам, принимавшим участие в ликвидации эпидемии, он положил двойное желание и плюс к этому ежемесячное содержание и обещание, что если доктор заразится чумой и умрет, то его семье будет выплачиваться пенсия; крепостным, состоявшим при больницах, он обещал вольность. Орлов прекрасно знал психологию русского человека, который боится ходить в больницы, поэтому было разрешено лечение на дому, а тем, кто выписывался из больниц, давал компенсацию от 5 до 10 рублей.

Следующим шагом Орлова стало попечение о детях, ставших сиротами после чумы. Орлов учредил особый приют, главой которого поставил вице-президента Мануфактур-коллегии Сукина. Приют располагался в здании этого ведомства, но

выяснилось, что число детей, оставшихся без родителей, гораздо больше, чем то, которое мог вместить этот дом. Тогда под приют был отведен строящийся для развлечений дом француза Лиона. На попытки протеста аристократов было заявлено, что пока обстановка критическая, дети тут поживут, а потом здание вернется в полное распоряжение общества, строящего его. Этот указ ставленника Екатерины вызвал противодействие, но в конце концов Опекунский совет Москвы пошел на то, чтобы принимать этих детей-сирот в Воспитательный дом, где чумы не было, благодаря тому что с самого начала это учреждение было оцеплено и никто туда не мог проникнуть.

Орлова очень беспокоило, что много людей без дела слоняются по городу, являясь потенциальными разносчиками заразы. Орлов рассудил здраво: надо дать людям возможность заработать и сделать полезное дело одновременно. 25 октября он издает новый указ, призванный бороться с безработицей. В нем говорилось, чтобы «доставить и этим людям благозаслуженное пропитание и истребить праздность, всяких зол виновницу, для этого надобно:

1) окружающий Москву Камер-коллежский вал увеличить, углубляя его ров, и к этой работе призываются все охочие люди из московских жителей;

2) платеж за работу будет производиться поденный — мущине по 15, а женщине по 10 копеек на день;

3) кто придет со своим инструментом, тому прибавляется по 3 копейки на день;

4) главный надзор за этою работою будет иметь генерал-поручик сенатор Алекс. Петр. Мельгунов»[{43}].

С этого момента эпидемия начала идти на спад. Последнее, что сделал Орлов, — внес предложение о том, чтобы дать жителям Москвы и окрестностей больше воды и пищи.

Для этого надо было вырыть каналы от реки Неглинной до болот и других речек, чтобы наполнить ее водой и рыбой. Также было решено ремонтировать Тульскую, Калужскую, Коломенскую и другие большие дороги. Князь стремился очистить первопрестольную от мусора, гнили, грязи, помогавших распространению заразы, и бродячих собак — переносчиков болезни.

Все вышеописанные меры привели к тому, что чума отступила. За месяц с небольшим Орлову удалось сделать то, что до него не удавалось сделать целый год. 14 ноября был издан императорский указ о том, что с 1 декабря можно открыть все публичные места, а 17 ноября Орлова уже вновь отозвали в Петербург. Главнокомандующим Москвы стал князь М.Н.

Волконский, вернувшийся из Польши. Генерал-поручику П.Д. Еропкину был пожалован орден Андрея Первозванного и выписана премия в размере 20 тысяч рублей. После этого он сразу же подал в отставку. 25 ноября в столице и в Москве уже служили молебны о прекращении чумы. К сожалению, награда не нашла еще одного героя тех событий — обер-полицмейстера Н.И. Бахметева. Новый главнокомандующий решил избавиться от всех людей Салтыкова, невзирая на их заслуги. Он несправедливо обвинил Бахметева в бездействии и некомпетентности, из-за чего того и уволили.

Чума была остановлена, но последствия ее еще долго давали о себе знать. С апреля 1771 до конца февраля 1772 г. в лазаретах лечилось 12 565 человек. Жертвы же исчисляются тысячами. Именно вспышке чумы в Москве мы обязаны правилом, которое мы воспринимаем как само собой разумеющееся, — расположение кладбища за чертой города. С того времени стали отводить огромные пустыри за городом для захоронения людей.

Орлов вернулся в Санкт-Петербург как триумфатор. Много людей вышли встречать его. В честь этого славного деяния Екатерина приказала воздвигнуть триумфальную арку и выбить памятную медаль. На ней был отчеканен портрет Орлова и сделана надпись: «И Россия таковых сынов имеет». Это был безоговорочный успех фаворита, который только усиливал зависть к нему и пополнял ряды его недоброжелателей. Многие, очень многие хотели свалить этого могущественного временщика. Ждать им оставалось недолго.

Фокшанский конгресс и отставка

Русско-турецкая война несла России победы и признание в мире, но страна и народ нуждались в мире. И, вроде бы, терпя поражение за поражением, Блистательная Порта уже готова была принять условия Российской империи и заключить хотя бы перемирие, но каждый раз что-то в последний момент не клеилось. Но вот к концу 1772 г. Австрия, которая поддерживала Оттоманскую империю в этой войне и претендовала, сама не воюя, на многие блага, а также на расширение государственных границ, наконец приняла решение: пора было убедить султана Мустафу заключить с Россией мир, иначе Австрии ни кусочка чужой земли не достанется. Тем более что император Иосиф II узнал о решении Пруссии вступить в войну с Австрией немедленно, если та с оружием поднимется против ее союзницы-России, а это было чревато многими неприятными последствиями.

В марте 1772 г. было окончательно решено начать перемирие и устроить переговоры между представителями Порты и России, чтобы обсудить условия будущего мира. Долго решалось место и время будущего мирного конгресса: на предложенный турками Бухарест, столицу Валахии, не согласилась Россия; Измаил не устроил турков из-за комаров и вечной сырости. Сошлись на Фокшанах и июне месяце.

Екатерину и ее ближайших помощников не пугали неудачи на грядущих переговорах, хотя она и желала мира. В Совете при императрице даже обсуждались действия на случай, если мир так и не будет заключен. Государыня, горячо поддержанная Григорием Орловым, предлагала построить на Дунае транспортные корабли и с ними выслать армию на Константинополь; уж тогда-то турки точно согласятся на скорый мир! Но мир был нужен; и граф Румянцев, главнокомандующий войсками на Дунае, писал Н.И. Панину, что войско, понесшее большие потери в боях, только лишь ждет новобранцев, которым добираться к месту службы очень долго, а приходят они «в крайнейшем истощении своих сил». Закупки лошадей также неудачны, и кавалерия практически обескровлена. Иными словами, войска к продолжению военных действий никак не готовы…

Решено было тем временем, что на фокшанском конгрессе Россию будет представлять князь Григорий Орлов, доверенное лицо Екатерины, а в качестве специалиста, знающего турков, — Обрезков, тот, что, будучи посланником в Константинополе,

оказался в начале войны заключенным по велению султана в темницу, но ныне был освобожден. Орлову и Обрезкову было велено отдать Порте Молдавию и Валахию, не претендуя более на возвращение им независимости, но в остальном — стоять твердо на выгодных условиях, которые были подробнейшим образом обрисованы в инструкции от 21 апреля.

Екатерина настаивала, что ежели уж Россия отказывается от своих притязаний на Молдавию и Валахию и не собирается далее поддерживать их борьбу за независимость, то с турков нужно требовать в первую очередь безопасности российских границ и «справедливого удовлетворения за убытки, понесенные в войне, объявленной со стороны Турции без всякой законной причины». Впрочем, здесь Орлову и Обрезкову дозволялось идти на некоторые уступки. Например, наставляла Екатерина своих послов, чтобы турки не имели возможности беспрепятственно нападать на Россию, требуйте у них кабардинские княжества — «обе Кабарды, Большую и Малую» — и город Азов, исконные грузинские места, занятые русскими войсками, пусть вновь отойдут к грузинам; все татары, проживающие на Крымском полуострове, должны стать независимыми от Оттоманской империи. Но если Порта на эти условия не пойдет, нужно потихоньку-полегоньку уступать по любому из перечисленных пунктов, кроме четвертого: «Самое большое затруднение со стороны турок должно быть встречено относительно четвертого требования, и потому для склонения их к уступке кроме отказа от Молдавии и Валахии вы можете еще уступить статью, касающуюся грузинских владельцев, согласиться на восстановление с ними границ, как они до войны были, только бы избавлены они были навсегда от бесчеловечной подати христианскими девицами, взимаемой с них турецкими пашами; потом еще вы можете согласиться на оставление Большой и Малой Кабарды в том состоянии, в каком они должны были находиться по договору 1739 года, выговорив только для России свободу строить и заводить в соседстве их всякие города и селения на собственных наших землях». С уплатой положенных России контрибуций тоже можно было не настаивать особо, поскольку куда важнее было получить свободу торговли и мореплавания в Черном море. Императрица писала: «…от этого требования мы отступить не можем»[{44}].

Уже через 4 дня после получения инструкций «ангел мира» Г. Орлов со свитой выехал из Царского Села в Фокшаны. Императрица весьма полагалась на своего фаворита, который и красив, и от природы умен, давая ему самую высокую характеристику: «Это удивительный человек; природа была к

нему необыкновенно щедра относительно наружности, ума, сердца, души. Во всем этом у него нет ничего приобретенного, все природное и, что очень важно, все хорошо…»{45}

Русские уже прибыли к месту переговоров, медлили турки — Осман-эфенди и Яссин-заде-эфенди. Когда ж они добрались таки из Константинополя, был уже конец июля. Кроме представителей России и Османской империи, в конференции участвовали также страны-союзницы — Пруссия, выступавшая на стороне России, и Австрия, поддерживавшая турков. Министры этих стран активно демонстрировали свое отношение к тем или иным моментам обсуждавшихся условий. Как и предполагалось, вопрос с независимостью татар вызвал горячее обсуждение и неприятие турецких послов, твердивших: татары — мусульмане, как и турки. Ладно, с грузинами мы вам уступим, это ваши христианские разборки, но в дела мусульман не лезьте! Через несколько дней после начала заседаний Обрезков писал графу Панину: «Дело это до сих пор нисколько не подвигается вперед; мы не можем его отменить и даже смягчить, а турки по обыкновению связывают его с магометанским законом, утверждая, что один султан не может его решать»{46}. Переговоры, едва начавшись, зашли в тупик: русские «держались предписанного», а турки не уступали в вопросе с татарами, требуя, чтобы крымский хан проходил обязательное утверждение на должность у султана Порты. К концу августа турки решили покинуть Фокшаны, разорвав перемирие. Петербург пытался руководить переговорами, но тщетно: почта запаздывала, и отчет «ангелов мира» о желании турков уехать в Константинополь запоздало, как и письмо Панина от 27 августа, требовавшего, чтобы в вопросе с турками более русские послы не упорствовали. Тут еще собрался вдруг и уехал князь Григорий Орлов, и 28 августа мирная конференция в Фокшанах прервалась. Вскоре под влиянием Н.И. Панина, известного противника Орловых, сложилась в России устойчивое мнение: князь Г.Г. Орлов виноват в таком положении дел; если б не его отъезд в Россию, турки не прервали бы переговоров по собственной инициативе, убоявшись гнева султана и великого визиря, желавшего продолжения конференции. Доказательством тому служило прямое обращение великого визиря к фельдмаршалу Румянцеву в начале сентября, который просил продлить перемирие в войне и вновь собраться на переговоры, уже в Бухаресте. О виновности «необузданного», бешеного Орлова, бросившего ради колобродства столь важное для России дело, Панин писал к Обрезкову: «Сердечно сожалею, мой любезный друг, о настоящем вашем положении, видя из последних депешей ваших, что новозародившееся бешенство и

колобродство первого товарища вашего испортили все дело…»[47]

Возможно, Григорий совершил самую большую ошибку в своей жизни: ему полагалось как главе российской делегации задержаться в Яссах и вновь подключиться к делу мира, едва турки заговорят о возобновлении перемирия, а пока суд да дело, помогать Румянцеву в устрашении Порты, то есть опустошая с его войсками Молдавию и Валахию. Того требовала императрица и здравый смысл. Но Г. Орлов не задержался в ставке Румянцева; прослышав, что в Санкт-Петербурге появился претендент на его место в сердце Екатерины — А.С. Васильчиков, он ринулся туда, забыв о возложенной на него миссии. Возобновившиеся в Бухаресте переговоры вел теперь один Обрезков, которому «препоручалось извлечь отечество из… жестокого кризиса». Ему отныне предписывалась новая линия поведения: начинать переговоры не с татар, а с других частных моментов, уступая то тут, то там, и в конце концов выбить таки решение татарского вопроса. Но и осенние переговоры в Бухаресте провалились. Интересно, что Панин и тут умудрился списать все на уехавшего Орлова, но тому имеются оправдания. Одно — Екатеринино, которая никогда не винила Григория в разрыве перемирия с Портой; второе — возможно, даже более авторитетное, так как человек, высказавший его, является, во-первых, одним из выдающихся отечественных историков, во-вторых, имеет возможность судить со стороны, принимая во внимание не только сиюминутные поступки, но и последующие события.

Итак, С.М. Соловьев пишет, безоговорочно оправдывая Григория Орлова: «Разумеется, только страшная вражда к Орлову заставила Панина обвинять последнего в разрыве Фокшанского конгресса, и было слишком наивно думать, что, переставивши порядок статей, можно было достигнуть успеха в переговорах… Лучшим оправданием Орлову служил неуспех и Бухарестского конгресса, где вел переговоры один Обрезков, и непрочность Кучук-Кайнарджийского мира — все благодаря статье о независимости татар, которую в Константинополе никак не могли переварить»[48].

Что же до татар, о вольности которых заботилась Россия, то они вовсе не считали себя чем-либо обязанными Екатерине Великой и ее армии: никакого притеснения от Порты они не видели; да, султан назначал ханов, но он же платил им деньги. Каждая орда представляла собой вольницу, в которой предводитель требовался лишь на время войн, тогда как Россия требовала от татар преданности, помощи в войнах и прекращения набегов на русские селения, которые были основным источником дохода крымцев. Иными словами, татары не горели желанием

сменить подчинение туркам, с которыми их связывала вера и обычаи, на извечных противников своих, русских. Хотя Шагин-Гирей, брат крымского хана, «чрезвычайно умный и желающий образовать себя» молодой человек, гостил в Петербурге да в Москве, тратя массу денег, выделенных на его содержание императрицей (он получил в дар по приезде 5000 рублей, дорогую шубу и европейского покроя одежду, а при отъезде — дорогую саблю с драгоценными камнями и еще денег в подарок и на уплату наделанных долгов; каждый день ему выделялось по 100 рублей), хан Сагиб-Гирей вел тайком переговоры с Константинополем, прося прислать флот на помощь против России, отклонил подарки, присланные ему с генералом князем Щербининым, которые воспринял как знак повиновения.

Тем временем, пока «воз» русско-турецких переговоров стоял на месте, завершился первый раздел Польши, на котором Австрия и Пруссия приобрели едва ль не больше, чем Россия, выстрадавшая этот договор кровью суворовских солдат. Раздел усилил Пруссию, которая участвовала в нем на правах союзницы России, а Австрия получила свою долю в обмен на свое пособничество в деле так и не завершившихся русско-турецких переговоров. Екатерине было нанесено жестокое оскорбление: Фридрих Прусский использовал ее и не оказал никакой реальной помощи в русско-турецкой войне, лишь пугая Россию Австрией, с которой без его помощи русской армии никак не справиться. В результате тяжкой войны между Россией и Оттоманской империей выиграла Пруссия, и это повлекло за собой охлаждение российско-прусских дипломатических отношений, которые при Екатерине переживали пору расцвета. Григорий Орлов открыто выступал против тех, кто составлял договор о разделе Польши, требуя для них смертной казни. Но императрица его мнения уже не слушала: он оказался в немилости.

Вернемся немного назад, к моменту прекращения Фокшанских переговоров, в котором якобы был виновен Г. Орлов. Вряд ли это так, как старался представить граф Никита Панин, однако интересны причины, побудившие Григория Орлова покинуть поручение, данное ему императрицей. Достоверно они неизвестны, однако биографы князя Орлова и Екатерины Великой называют в качестве таковой нового фаворита императрицы, Александра Семеновича Васильчикова, который во время отсутствия Орлова «занял так неосторожно оставленный им пост»[{49}].

Весной 1772 г. в караулах, расставляемых в Царском Селе, появился молодой человек приятной наружности, который вскоре привлек к себе интерес императрицы, обиженной к тому же на

неверность своего возлюбленного, Григория Орлова. Она дарила его вниманием, подарками и чинами, и уже в августе Васильчиков стал камер-юнкером, а в сентябре — камергером. Многого новый фаворит не требовал, на особую власть и влияние при дворе не претендовал, но все же доброе отношение к нему как-то не складывалось; все сравнивали Васильчикова с Орловым, и далеко не в его пользу: «Лакеи и горничные императрицы, — как писал прусский посол в России Фридриху II, — были озабочены и недовольны, ибо любили Орлова, и он им покровительствовал»{50}. Теплые отношения с низшими по положению всегда были отличительной чертой Григория Орлова, щедрого на помощь просящему. Возможно, кто-то из этих безымянных «лакеев и горничных» и сообщил уже бывшему фавориту, что комнаты его при императрице заняты Васильчиковым, а у дверей их, на случай внезапного возвращения нашего страстного героя-любовника, постоянно дежурит караул… Новый любимец побаивался Орлова, и не без основания. В романе В. Пикуля «Фаворит» описан случай еще тех пор, когда Орловы были в фаворе; выдуман он или нет, сегодня не докажешь, но он объясняет, почему боялся новый фаворит возвращения Григория. Мы целиком приводим здесь выдержку из романа-хроники: «На выходе из дворца Потемкина перехватили братья Орловы, затолкали парня в пустую комнату и двери притворили… Жестокая метель ударов закружила камер-юнкера по комнате. Потемкин слышал резкие сигналы, которыми обменивались братья:

— Приладь к месту! — И перехватило дыхание.

— Под микитки его! — Кулаки обрушились в сердце.

— По часам, чтобы тикали! — Два удара в виски.

Он вставал — кулаки опрокидывали его. Потемкин падал — Орловы взбрасывали его кверху. Спасенья не было. В кровавом тумане, как эхо в лесу, слышались далекие голоса:

— Забор поправь! — Во рту затрещали зубы.

— Рождество укрась! — Лицо залилось кровью.

— Петушка покажь! — Из глаз посыпались искры. Казалось, бьют не только Орловы, но сами стенки, — даже потолок и печка — все сейчас было против Потемкина, и тело парня уже не успевало воспринимать частоты ударов, звучащих гулко, будто кузнечные молоты… Вечность кончилась. Потемкин не помнил, когда его оставили. Кровью забрызганы стены, кровь полосами измазала пол… Кое-как вышел на площадь, вдохнул легонький морозец и безжизненно рухнул на мягкий снежок…»{51}

Конечно, ничего подобного сейчас Екатерина не допустила бы, да и не было кому заступиться за честь отвергнутого Грица,

ведь братцы были кто где… Но боялся Васильчиков, оттого и обезопасил себя гвардейцами.

А Екатерина решила окончательно расстаться с Григорием, который открыто ей изменял, о чем вести просачивались даже в дипломатическую почту:«…У него есть любовницы в городе, которые не только не навлекают на себя гнев государыни за свою податливость Орлову, но, напротив, пользуются ее покровительством. Сенатор Муравьев, заставший с ним свою жену, чуть было не произвел скандала, требуя развода; но царица умиротворила его»{52}. Она долго терпела выходки Г. Орлова, а, «…возможно, фаворит и так успел уже ей надоесть»{53}, и она воспользовалась его отсутствием, чтобы прервать затянувшийся роман.

Впрочем, она ничуть не забыла, какое влияние фаворит на нее некогда имел, поэтому не могла допустить его появления в Петербурге, пред ее светлыми очами, ибо в таком случае она, скорее всего, простила б его, как делала это не раз прежде. Князь Орлов торопился к Екатерине, меняя выдохшихся лошадей, скакал днем и ночью, но, когда цель — Петербург — была уже близка, его остановили посланцы императрицы и вручили ее распоряжение ехать в Москву, ибо в Петербурге его не ждут, и глаз не казать ко двору. Григорий был настойчив; он искал встречи с государыней, просил о прощении, но тщетно. Екатерина дала ему полную, хотя и весьма почетную, отставку. Через Ивана Григорьевича Орлова, которого, как она знала, младшие всегда беспрекословно слушали, она отправила Григорию письмо, в котором прощала все его измены, но при условии, что он хотя бы на один год поселится в своем имении или в любом другом месте, даже за границей, получив поистине царский подарок: отменное ежегодное содержание в 150 тысяч рублей плюс деньги на дом и обустройство домашнего хозяйства плюс 10 тысяч крепостных, да еще серебряные сервизы, мебель, дозволение пользоваться императорскими каретами и слугам его — носить ливрею императорского дома (все уступки были изложены ею по-немецки пунктуально, в 14 пунктах письма!). Когда время пройдет и страсти успокоятся, они смогут поговорить по-дружески, без обид и взаимных упреков. Дружбы своей она ни его, ни братьев его не лишала: «Я никогда не позабуду, сколько я всему роду вашему обязана, и качества те, коими вы украшены и поелику отечеству полезны быть могут»{54}.

Как воспринял Г. Орлов письмо, неизвестно, но он вскоре уехал в Ревель, где и провел почти год «ссылки», которая официально именовалась отпуском. Весной 1773 г. он вернулся в Петербург, и Екатерина милостиво приняла его. Он поселился

сначала в Гатчине, но долго в столь опасной близи к Петербургу не удержался и снова уехал за границу после заключения Кючук-Кайнарджийского мира в июле 1774 г., путешествовал по Англии, Австрии, Италии. По обеим столицам ходили слухи, что императрица его не отпустит никуда. «На чем этот слух основан, — пишет Алексею Владимир, — совсем не знаю, а знаю, что он просил государыню словесно, и она милостиво изволила обещать…»{55} В 1777 г. Григорий Орлов женился на Екатерине Николаевне Зиновьевой (с ее семьей Орловы были в родстве через свою матушку, урожденную Зиновьеву, и Екатерина приходилась Григорию двоюродной сестрой). Легкий роман между Е. Зиновьевой и Орловым завязался еще в самом начале 70-х, но затем из него выросло сильное чувство. Брак Орлова вызвал пересуды и едва ли не скандал в обществе; близкородственные отношения рассматривались как преступление против нравов и обычаев. Совет императрицы выступал против незаконных, как считалось, отношений и требовал примерно наказать преступников, отправив обоих в монастыри. Требовалось только согласие императрицы, и придворные надеялись без проблем его получить. Все знали, как тяжело она переживала расставание с Григорием Григорьевичем. Но их надеждам не суждено было, к счастью, сбыться. К моменту свадьбы Екатерина Великая уже успокоилась и не только не воспротивилась браку, но и приняла супругу бывшего фаворита и, как пишут современники, «новая княгиня Орлова обедала с императрицей…»{56} Она, конечно, же отказалась подписать приговор Совета, приведший бы к насильственному расторжению брака Г. Орлова и Е. Зиновьевой и примерному их наказанию.

Свою супругу князь Григорий Григорьевич очень любил, но счастье его в браке было недолгим. Екатерина Николаевна вскоре заболела туберкулезом и чахла на глазах. В 1781 г., ранним летом, она умерла в Лозанне, несмотря на все усилия, предпринимаемые докторами и мужем. После этого Г. Орлов сильно сдал; с ним случались странные приступы и, согласно письмам братьев, сильно озабоченных его состоянием, у него наблюдалось помрачение рассудка. Несмотря на странности в поведении, императрица не отвернулась от бывшего возлюбленного. Она была добра к Орлову, жалела его и, как отмечал английский посол в Петербурге Гаррис, «строжайше запрещает применять какие-либо суровые меры, отвергает любую мысль о заключении или наказании… и… принимает его в любое время и в любом наряде»{57}.

Григорий Орлов, блестящий кавалер и меценат, скончался на пятидесятом году жизни апрельской ночью (13 апреля) 1783 г.

Детей с супругой у него не было, поэтому его линию Орловых продолжить было некому. Были лишь дети, рожденные ему императрицей Екатериной, — 3 сына, один из которых умер в юности, и дочери Софья и Елизавета. Когда Екатерина Великая узнала о смерти Григория Орлова, она тяжело переживала утрату, даже записала: «Потеря князя Орлова так поразила меня, что я слегла в постель с сильнейшей лихорадкой и бредом…»{58} И долго еще она старалась не заводить ни с кем разговоров о нем, а если уж вспоминала, то неизменно говорила о нем хорошо, вспоминая как «единственного и истинно великого человека, так мало оцененного современниками».

Глава 3.
ФЛОТОВОДЕЦ, ГУЛЯКА И КОННОЗАВОДЧИК АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ

Мифы об Алексее Орлове

Люди, знаменитые и пользующиеся широкой известностью, всегда на виду. Не мудрено, что все, с ними связанное: их жизнь, характер, слова и поступки, — обрастает массой слухов и домыслов. Что люди не услышали, то домыслят; что не знали, то напридумывают. Алексей Григорьевич Орлов, один из самых активных участников государственного переворота 1762 г., возведшего на российский престол Екатерину II, явно относится к самым известным личностям XVIII столетия. О нем можно раскопать сколько угодно самой разной информации, поскольку его имя обязательно встречается во всех воспоминаниях и записках его современников, участников и очевидцев событий той эпохи. Граф Алексей Орлов — фигура, пожалуй, даже более заметная, чем его старший брат Григорий, фаворит императрицы, и зачастую в рассказах о нем невозможно отличить правду от вымысла. Да мы и не станем пытаться этого делать. Просто попытаемся изложить основные события жизни и деятельности Алексея Орлова, «коренного русского человека», который «представляет из себя живой и народный тип, не обезличенный подражательностью последующих поколений»[59], опираясь на богатейший исторический материал.

Итак, Алексей Орлов был третьим из выживших сыновей Григория Ивановича Орлова и его супруги Лукерьи Николаевны. Он родился 5 октября (24 сентября ст. стиля) 1737 г. в Тверской губернии. По воспоминаниям современников, все братья Орловы отличались богатырским телосложением, большим ростом и огромной силой. С отрочества Алехан, как прозвали его родные и любовно называли самые близкие до самой смерти, с огромным увлечением отдавался буйным забавам — бегу наперегонки, борьбе и драке на кулаках. Он любил побеждать и в любом занятии был первым среди сверстников, в физической силе опережая даже ребят постарше возрастом. Едва Алехану исполнилось 14 лет, его и его старшего брата-погодка Григория записали в Семеновский гвардейский полк рядовыми. Оба брата быстро стали любимцами в полку, поскольку отличались нравом веселым и были способны на любой опасный поступок, способный принести славу. Через несколько лет оба получили чин гвардейских сержантов, и с момента вступления России в Семилетнюю войну подали прошения направить их на фронт. Правда, нет никаких доказательств, что Алексей участвовал в боях, подобно брату Григорию, отличившемуся на полях сражений.

Зимой 1762 г. А. Орлов вышел в отставку и стал жить-поживать в Петербурге, несмотря на то что тянуло на малую родину, в Москву (коренным москвичом Алехан, каким был его отец, оставался всю свою жизнь и умер в Москве). Причин тому было несколько. Во-первых, в Москве служили два брата Алексея — старший, Григорий, и младший, Федор; во-вторых, Григорию, влюбленному в молодую супругу императора Петра III, могла потребоваться помощь… Именно братья Алексей и Федор стали «первыми соучастниками заговора» против Петра Федоровича: Екатерине, которую император, вошедший во вкус полновластия, уже собирался официально заменить своей фавориткой, грозила опасность. Во всяком случае, в глазах влюбленного Г. Орлова.

Алексей Орлов, его влияние среди гвардейцев и былые связи пригодились. Поскольку Григорий не мог слишком привлекать к себе внимание, чтобы не бросить на Екатерину Алексеевну ни малейшей тени, делом вербовки сторонников занимался Алехан: на его счету около 40 гвардейских офицеров, принявших сторону императрицы в семейных разборках, вылившихся в настоящий переворот! Алексей Орлов привез императрицу в Петербург, он же, командуя кавалерийским отрядом, разбирался с голштинцами императора Петра III. Екатерина никогда потом не забывала, каким уважением пользуется, какую силу и влияние имеет среди людей Алехан Орлов. В том 1762 г. она отблагодарила его не только графским титулом наравне с прочими братьями, но возвела, минуя промежуточные ступени, сразу в чин секунд-майора Преображенского полка, наградила орденом Святого Александра Невского да подарила 800 душ крепостных. С тех пор Алексей Орлов занимал многие должности и совершал подвиги во славу России и императрицы Екатерины, о которых будет рассказано ниже, но всегда он умел остаться самим собой.

Внешне он отличался от прочих людей, даже среди братьев-богатырей, ростом и гармоническим сложением. Его, пожалуй, назвали бы одним из красивейших людей эпохи, однако отметина на лице, за которую Алехан получил прозвание «Меченый», несколько портила его внешность, прибавляя его лицу выражение суровости и даже жестокости. О происхождении этой отметки ходили разные слухи. Английский посланник Каткарт, например, писал, что шрам был получен графом Алексеем в молодые годы, во время борцовского поединка. Действительно, борьбу Алехан любил, и, забегая вперед, скажем: вышедши в «вечную отставку», он частенько устраивал поединки борцов у себя в московской усадьбе и в подмосковном имении, наблюдая со стороны и вмешиваясь с увещеваниями, едва благородный бой рисковал перерасти в безобразную драку; люди слушались его

беспрекословно, и, по воспоминаниям тех, кто имел честь быть гостем графа Алексея Григорьевича, ни разу не случалось среди борцов серьезных травм: «Доброе слово, даже движение головы прекращало все споры…»{60}

Согласно другой версии, шрам был приобретен Орловым-«Меченым» во время ссоры: некогда в юные годы, крепко выпив с друзьями в доме виноторговца Юберкампфа, сержант Семеновского полка Алексей Орлов из-за картежного проигрыша ввязался в ссору с рядовым лейб-кампании Шванвичем. Началась потасовка, и Шванвич ножом ранил Орлова в лицо, слева от рта. Хотя друзья тотчас же отвезли раненого Алексея к известному в Петербурге врачу Герману Кааву, лейб-медику великого князя Петра Федоровича, жившему на Миллионной неподалеку, и тот немедля оказал необходимую помощь, шрам остался на всю его долгую жизнь. В другом месте говорится, что шрам получен А. Орловым на дуэли: он заключил пари с друзьями, что один сумеет побить на саблях нескольких бравых гренадеров. Алехан выиграл пари, но получил, кроме славы непревзойденного бойца, отметину в виде шрама на левой щеке. Иными словами, известно твердо, что шрам был, однако происхождение его является одним из тех многочисленных мифов, связанных с биографией этого самобытного, неподражаемого человека. При всех своих достижениях и заслугах, при том уважении, которое питала к нему императрица Екатерина Великая, Алексей Орлов оставался человеком необычайно скромным, с простыми манерами, располагавшими к нему людей. Его любили все, с кем он сталкивался по службе, дружбе или в семейных отношениях, за обезоруживающую доброту, и фраза из письма А.С. Шереметьевой, его далекой родственницы: «Только что это за человек! Чем больше его знаешь, тем больше любишь!»{61}, прекрасно характеризует его с этой стороны. Его отличало завидное качество: даже в величайшем счастье и на высотах общественного положения жить так, чтобы люди ему не завидовали, а любили его и восхищались им. Но простоту в обращении с равными и подчиненными он компенсировал прямотой и изрядным достоинством в делах, когда речь шла о чинах вышестоящих. Орлов никогда и никому не боялся высказывать своего мнения о чем бы то ни было. И шло это не от убеждения, что Екатерина защитит и прикроет, а от внутренней уверенности в себе, в собственной правоте и в праве давать оценку событиям.

Кроме своей любви к борьбе, Алексей отличался и как искусный наездник, и знаток лошадей. При своей богатырской мощи он легко мог остановить лошадей и карету на всем скаку, и

рассказывали, что ему великая императрица была обязана не только престолом, но даже самой жизнью. Однажды в Царском Селе были устроены гуляния; Екатерина принимала вместе с прочими участие в катании на деревянных горках в колесницах: колесницы, в которых сидели дамы, а на запятках стояли виднейшие кавалеры двора, катились по колее. Никто не ожидал несчастья, но тут вдруг колесо повозки, в которой сидела Екатерина, выскочило из колеи; повозка начала заваливаться набок, грозя на полном ходу выбросить пассажирку, но Алексей Орлов, удостоившийся чести стоять на запятках императорской колесницы, соскочил и удержал своим телом повозку от неминуемого падения.

Вместе с Григорием он участвовал в рыцарской карусели 1765 г. Это было популярное в то время развлечение знати, в котором принимали участие лучшие всадники императорского двора, подражавшие рыцарям Средневековья. Это красивое зрелище, возрожденное Екатериной II, стало символом дворянского сословия России. Участники состязались в воинском искусстве, как древние рыцари на ристалищах Европы. Четыре подразделения всадников назывались кадрилями и были облачены в национальные одежды разных народов мира: славян, испанцев, индусов, римлян и турок. Во главе Римской кадрили красовался Григорий, а Турецкой предводительствовал Алексей Орлов. Прочие участники обязаны были перед состязаниями доказать свою родовитость и чистоту дворянского происхождения распорядителю турнира или знаменитым кавалерам, участвовавшим в карусели.

Выступления происходили на Сенатской площади, перед Зимним дворцом, где была устроена арена, окруженная рядами зрительских кресел (временный этот амфитеатр возводился по плану итальянца Антонио Ринальди). Для императрицы и наследника престола были обустроены уютные ложи.

Императрица подала знак распорядителю, и герольды затрубили в медные трубы. В рыцарской кадрили Екатерининского времени позволялось участвовать и дамам; они открывали состязания: они ехали в сверкающих колесницах, которыми управляли опытные возницы, и метали в цель дротики. Рыцари рубили на полном скаку головы куклам, изображавшим свирепых животных и дикарей. Звенела сталь, пели в воздухе дротики, дробью стучали копыта скакунов. Но самым большим зрелищем карусели были наряды участников и участниц. Обозреватель Петербургских «Ведомостей» писал: «Зрители увидели переливающуюся гору богатства изобилия в драгоценных каменьях и всякого рода кавалерских и конных золотых и

серебряных уборах. Одеяние кавалеров богато блистало драгоценными каменьями, но на дамских уборах сокровища явились несчетные…»{62}

Целая коллегия судей, во главе которой стоял граф Б.-К. Миних, присуждала награды победителям состязаний. Среди женщин-амазонок победила дочка П.Г. Чернышова, Наталья Петровна. Мнения судей, кому должен достаться первый приз среди кавалеров, разделились, но все сошлись, что братья Григорий и Алексей Орловы были самыми блестящими всадниками всех четырех кадрилей. Однако же участь главной награды должна была быть решена, и на следующий день братья Орловы устроили перед восхищенными зрителями бешеную скачку на скорость. В тот раз Алексей уступил старшему брату, и не ему, а Григорию достался лавровый венок победителя, но и он не остался обойденным: придворные дамы одарили проигравшего живыми цветами со своих уборов. Потом, в старости, Алексей Григорьевич неоднократно устраивал рыцарские карусели, в которых блистала уже его дочь, Анна Алексеевна…

В отношениях с братьями Алексей всегда был верным другом, соратником, помощником во всем. В 1762 г., когда столь резко началось возвышение их рода, он всегда находился близ Григория, поддерживал его и был прекрасным советником во времена его взлета и наивысшей славы; когда место Григория подле Екатерины занял «тезка» Григорий Потемкин, он не покинул брата, уйдя в отставку, хотя его императрица отпускать не желала: она нуждалась в услугах и советах Чесменского победителя.

В декабре 1766 г. в особой манифесте Екатерина объявила о созыве в столицу депутатов от всех российских сословий, чтобы узнать от них «нужды и чувствительные недостатки» своего народа, по всему государству стали проходить выборы людей, которым народ доверял представлять их интересы у императрицы. На собраниях в Петербурге, кроме прочих, были избраны и два брата Орловых: Алексей и Иван Григорьевичи получили большинство голосов каждый от своей части. Главой 105 представителей города был избран всеми уважаемый Н.И. Зиновьев, но, когда пришла пора приводить их к присяге, он заболел, и старшинство над петербургскими депутатами взял генерал-поручик Ея Императорского Величества граф А.Г. Орлов. Он же был назначен полномочным представителем от Петербурга в Комиссии, созываемой императрицей Екатериной. Надо ли говорить, что Алексей Орлов был весьма благодарен городу за доверие и, принимая поздравления со столь ответственной должностью, обещал не обмануть его и исполнить поручения

сограждан.

Известно, что практически любой мог обратиться к А. Орлову за помощью и протекцией; если то был человек надежный и хороший, граф Алексей Григорьевич обязательно помогал: «Но рядом с этим он полагал первейшим удовольствием даже предупреждать просьбы ищущих его покровительства»{63}. В его биографии есть множество случаев такой помощи. Именно протекции Алексея Орлова обязан юный Г.Р. Державин, великий поэт екатерининской эпохи, произведенный из рядовых в капралы. Он с благодарностью вспоминает заступничество секунд-майора Преображенского полка, графа Орлова, без протекции которого так и оставался бы рядовым: прочитав письмо рядового Державина, где тот описывал свою службу и просил помощи в продвижении, граф Орлов ответил: «Хорошо, я рассмотрю». И с новым праздником Гавриле Романовичу Державину был пожалован чин капрала.

Другой случай связан с лекарем Ерофеичем, знахарем-шарлатаном, лечившим никому не ведомыми настоями и травками страшные болезни. Случилось так, что граф Алексей Григорьевич сильно заболел, и все знаменитые доктора от него уж отказались. От какой причины приключилась с ним эта немочь, неизвестно. Возможно, Орлов просто надорвался и физически переутомился, ведь он был богатырь и часто любил щеголять своей необычайной силою. Говорят, что по молодости лет он в трубочку сворачивал серебряные блюда так, что их можно было использовать вместо зубочисток, а потом без труда возвращал в прежнее плоское состояние. Граф И.И. Бецкой предложил ему испытать на себе искусство безвестного знахаря, лечившего слушателей Академии художеств, и тот с охотой согласился, решив, видимо, что все одно помирать, отчего ж не попытать Фортуну?.. О знахаре говорили, что он долго путешествовал по Сибири и Дальнему Востоку и набрался у тамошних народов весьма действенных, но простых рецептов лечения, да к тому же привез из странствий толстенную книгу, где были описаны подробнейшим образом всяческие болезни и средства их излечения. Ерофеичу повезло; он был зван к графу Орлову и, собрав анамнез, вылечил его. Императрица, обрадованная выздоровлением Орлова, призвала знахаря ко двору и щедро наградила его, а Алехан часто советовал потом его услуги своим знакомым, не последним при дворе Екатерины. Одним из таковых был Григорий Александрович Потемкин. Это было время, когда Потемкин еще не занял главного места при императрице. Братья Орловы не ждали от него опасности своему положению. У Григория Потемкина были проблемы с глазами, и

он окривел, впал в хандру, боясь, что, слепой на один глаз, он не приглянется императрице. Вот Алехан и предложил ему через брата Григория своего Ерофеича, который, правда, тут уж помочь ничем не мог, поздно было. Ерофеич благодаря помощи Алексея Орлова, замолвившего за него словечко средь богатейших и знатнейших людей страны, составил себе большое состояние и великую славу.

Алексея Григорьевича Орлова смело можно назвать титаном: он отличился во всех областях, за какие бы ни брался по собственной охоте или по приказу государыни. В отличие от брата Григория Григорьевича Алексей был человеком государственным, «совсем другого сорта», чем Григорий и Федор Орловы, как отзывалась о нем Екатерина. Им двигали не личные пристрастия или антипатии, которые обычно у людей меняются день ото дня, но любовь к России и верность Екатерине и своей семье. Поскольку он не получил светского образования, он так и не говорил по-французски; но иноземные послы, которые сталкивались с ним неминуемо при дворе русской императрицы, отмечали его беспристрастные суждения в важных делах и стремление докопаться до сути, а уж когда все обсуждено и решение принято, — «решительность и неуклонность в преследовании своих целей»{64}.

Екатерина очень ценила Алексея и уважала за совет и дело, за то, что он, единственный из всех, мог понять ее мысли, даже если она не говорила ни слова. Он был ей помощником в государственных делах и составлял компанию в развлечениях; к нему она ездила на новоселье и играла в карты, с ним она частенько игрывала партию-две на бильярде. Но очевидцы их встреч, среди которых и представители иноземных держав, также утверждают: императрица побаивалась Алексея Орлова. Многие иностранцы замечали, что едва Меченый входил к императрице, та неуловимо менялась. Чего она боялась, неизвестно, ведь граф Орлов всегда показывал свою преданность ей и верность, она доверяла ему такие дела, которые не могла доверить никому больше. Возможно, его не перед чем не останавливавшегося бесстрашия и гигантской неукротимой силы; недаром потомки сравнивали Алехана с легендарным русским богатырем и разбойником Василием Буслаевым, выступившим в драке против всего Великого Новгорода. Но, как и в любом русском человеке, силушка богатырская шла не только и не столько во зло: мощи Алексея Орлова нашлось достойное применение, и его имя прославилось в веках российской истории.

Во всех своих поступках Алексей Орлов сообразовывался со своими представлениями о чести и совести; никогда он не ломал

себя, не прикидывался кем-то другим, а всегда был самим собой. Всегда его отличала какая-то особая «русскость»: он был русским до мозга костей, и это видно по всем фактам, какие только можно о нем раздобыть. Он не старался нравиться простому русскому люду; он по сути дела принадлежал к нему, как пишет один из биографов Алехана, «в силу того, что у него с народом были общие вкусы, общие радости, общие стремления и общие верования»{65}. В нем было все лучшее и худшее в русском человеке, причем в огромном количестве: бесшабашность и верность, мужество и безрассудство, сила и желание всегда ею хвастать. Современники утверждали, впрочем, что лучшего было, несомненно, больше: «Он любил простую русскую жизнь, песни, пляски и все другие забавы простонародья; он любил все истинно русское, дыша, так сказать, русским, он любил до страсти и все отечественные обряды, нравы и веселости. Бойцы, борцы, силачи, песельники, плясуны, скакуны и ездоки на лошадях, словом, все то стекалось в его дом, что только означало мужество, силу, твердость, достоинство и искусство Русского», и «не редко (sic!) в кругу друзей своих представлял он собою чудеса той мощности, которою Творец благословил любезнейшему из его чад — Русскому народу»{66}.

Алексей Орлов и смерть отрекшегося императора Петра III

Переворот свершился, и свергнутый император в день собственных именин, 29 июня, был отправлен из Ораниенбаума сначала в Петергоф, а оттуда в Ропшу, где в маленьком уютном дворце он и провел свои последние дни, ни на что особенно не жалуясь, под охраной людей, преданных Екатерине. Зачем такие перемещения были надобны, неизвестно. Ходили слухи, что Екатерина надумала засадить своего мужа в Шлиссельбургскую крепость; сама Екатерина утверждала, что обещала супругу отправить его в милую его сердцу Голштинию, едва все в стране поутихнет. Несколько раз император обращался к своей супруге с просьбами, о чем она вспоминает в своих «Мемуарах». Возглавлял группу, охранявшую Петра Федоровича, Алехан Орлов, верный и преданный Екатерине, которому она доверяла, как и его брату Григорию, возможно, даже больше. Через некоторое время, 18 июля, Петра Федоровича обнаружили мертвым. Никаких других фактов, свидетельствующих о событиях июля 1762 г., не существует.

Мы рассмотрим сначала версию, принятую большинством отечественных учебников истории, — версию убийства Петра III графом Алексеем Орловым и его единомышленниками. Личность этого Орлова, «человека, абсолютно ни перед чем не останавливающегося», для которого «ни моральные, ни физические, ни политические препятствия… не существовали, и он даже не мог взять в толк, почему они существуют для других»{67}, как утверждают историки, вполне вписывается в такое представление о давних событиях.

Никто не сомневался, что Петр Федорович, мешавший своей амбициозной супруге, умер не своей собственной смертью (ему исполнилось лишь 34 года!), а был убит приспешниками Екатерины Алексеевны, стремившейся к неограниченной власти. В насильственной смерти отрекшегося императора не сомневались ни русские, ни представители иноземных держав. Так, например, французский посланник Беранже писал министру иностранных дел Франции герцогу Шуазелю, что в убийстве невозможно сомневаться, и он имеет доказательства, подтверждающие распространявшиеся со скоростью лесного пожара всеобщее мнение: кожа трупа, выставленного для последнего поклонения, была черна, «сквозь кожу его просачивалась кровь, заметная даже на перчатках, покрывавших

его руки»[68]. И Андреас Шумахер, служащий датского посольства, подтвердил в своих записках, что внешний «вид бездыханного тела, лицо у которого было черно, как это обычно бывает у висельников или задушенных»[69], ясно говорит о насильственной смерти Петра.

Странным казалось уже то, что тех, кого все-таки допустили к телу умершего императора, записывали представители Тайной канцелярии. И по Петербургу, затем и по Москве, да и по всей России и за ее пределами поползли истории, в коих полуправды было меньше, нежели прямого вымысла; рассказывали, например, что вероятно, бывший император был отравлен! Яд, остававшийся на губах покойного, отравлял и тех, кто по старинному русскому обычаю прикладывался поцелуем к губам умершего: губы потом распухали, и человек, отдавший последний долг Петру III Федоровичу, заболевал…

Новые версии произошедшего множились день ото дня. Одни обвиняли в смерти императора Алексея Орлова, которому помогал князь Федор Барятинский, другие — Григория Теплова, про которого Клод-Карломан Рюльер, секретарь французского посольства, пишет как о «достигшем из нижних чинов по особенному дару губить своих соперников»[70]; кто-то же прямо, правда, шепотом и в письмах к верным людям, обвинял Екатерину в мужеубийстве. Остальные верили или не верили, но в пересказах история смерти несчастного Петра III, которого «черт догадал родиться внуком Петра Первого»[71], звучит страшным образом, пополняясь все новыми и новыми ужасающими подробностями. Мы приведем в пример лишь один вариант событий, случившихся летом 1762 г. местечке под названием Ропша, неподалеку от Петербурга. К.-К. Рюльер, оставивший о том времени воспоминания, которые были опубликованы лишь после смерти Екатерины Великой, писал (правда, его запискам историки не слишком доверяют, уж слишком красочные подробности он приводит): «Один из графов Орловых…, тот самый солдат, известный по находящемуся на лице знаку…, и некто по имени Теплов…, пришли вместе к несчастному государю и объявили при входе, что они намерены с ним обедать. По обыкновению русскому перед обедом подали рюмки с водкою, и представленная императору была с ядом. Потому ли, что они спешили доставить свои новости, или ужас злодеяния понуждал их торопиться, через минуту они налили ему другую. Уже пламя распространялось по его жилам, и злодейство, изображенное на их лицах, возбудило в нем подозрение — он отказался от другой, они употребили насилие, а он противу них оборону. В сей ужасной борьбе, чтобы заглушить его крики,

которые начали раздаваться далеко, они бросились на него, схватили его за горло и повергли на землю… трое из сих убийц [по рассказу Рюльера, на помощь Орлову и Теплову прибежали князь Барятинский и Потемкин, караулившие двери в покои Петра III], обвязав и стянувши салфеткою шею сего несчастного императора, между тем как Орлов обеими коленями давил ему грудь и запер дыхание; таким образом его задушили, и он испустил дух в руках их»{72}.

Впрочем, как уже говорилось, уже в первые дни после смерти Петра III появились версии, оправдывающие графа Орлова. Так, согласно одной из них, не безвинный Орлов, а тот самый Г. Теплов руководил убийством, подговорив шведского офицера из окружения Петра убить того. Офицер задушил императора ружейным ремнем, и случилось это не 18 июля, как показывали общепринятые сведения, но тремя днями раньше. Оттого и тело убитого распухло и стало черным. Эта версия упорно замалчивалась, ведь она означала только одно: Теплов, в отличие от Орлова, обладавшего известной свободой действий, не мог бы предпринять столь решительного шага в обход Екатерины; то есть признать, что убийца — Теплов, значило признать, что Екатерина Алексеевна принимала в убийстве нелюбимого мужа прямое участие.

Однако свидетельства говорят: о смерти супруга Екатерина узнала впервые от Алексея Орлова, который явился в Петербург из Ропши, «растрепанный, в поте и пыли, в изорванном платье, с беспокойным лицом, исполненным ужаса и торопливости»{73}, чтобы сообщить ей вести возможно скорее и без лишних свидетелей. По свидетельству Никиты Панина, императрица, услышав дурные известия, рухнула в обморок и некоторое время была ни жива, ни мертва. Лишь на следующий день, по совету того же Панина, она сообщила всем, что Петр скончался в Ропше от сильного приступа геморроя. Сегодня невозможно даже предположить, какова была ее роль в смерти Петра. Воспоминания современников говорят: она опасалась за свою репутацию, ведь весь мир теперь должен был подумать, что она, пусть и чужими руками, убила мешавшего супруга. Но, что бы ни думала Екатерина, в ее устах официальная версия смерти Петра III выглядит неприглядно, однако вполне естественным образом: «Его схватил приступ геморроидальных колик вместе с приливами крови к мозгу; он был два дня в этом состоянии, за которым последовала страшная слабость, и, несмотря на усиленную помощь докторов, он испустил дух <…>. *Я* опасалась, не отравили ли его офицеры. *Я* велела его вскрыть; но вполне удостоверено, что <…>, умер он от воспаления в кишках

и апоплексического удара. Его сердце было необычайно мало и совсем сморщено»{74}. Впрочем, Европа поняла все, исходя из кровавой истории собственных королевских домов. В европейских газетах печатались статейки; авторы их сопоставляли смерть Петра III с судьбой короля Эдуарда III Плантагенета, которого руками наемных убийц отправила на тот свет его супруга, королева Изабелла, вошедшая в сговор с представителями дворянской оппозиции. Пусть Фридрих Прусский и утверждал, что «императрица ничего не знала об этом убийстве, она услышала о нем с непритворным отчаянием; она предчувствовала тот приговор, который теперь все над ней произносят»{75}, но большинство европейцев верило в причастность Екатерины к смерти Петра Федоровича, внука двух великих императоров — Петра I и Карла XII.

Прямым доказательством бездушного убийства, приписываемого Орлову, является лишь одно — якобы собственноручное письмо графа Алексея Екатерине, написанное из Ропши, в котором он сознается в страшном злодеянии, совершенном спьяну: «…Государыня, свершилась беда: мы были пьяны, и он тоже, он заспорил за столом с князь Федором; не успели мы рознять, а его уже не стало. Сами не помним, што делали; но все до единого виноваты, достойны казни. Помилуй меня хоть для брата…»{76} Известно, что таких писем было три. Алексей подробно извещал государыню о тяжелом состоянии ее супруга, непрерывно страдавшего от «колик» так, что под конец даже почти утратил память и разум. Все они хранились в секретном архиве Екатерины, и лишь Павел, после смерти матери, прочитал их, ища доказательств убийства человека, которого он считал своим отцом. По воспоминаниям княгини Е.Р. Дашковой, он, увидев, что граф Орлов сам признался в убийстве, воскликнул: «Благодарение Богу!»: он радовался получить свидетельство невиновности матери, которую, впрочем, никогда не любил.

Первые два письма сохранились в подлинниках, но третье, самое интересное, с повинной Алексея Орлова, — только в копии, снятой Ф.В. Ростопчиным. Они были опубликованы лишь десятилетия спустя после описываемых событий, поскольку обеляли Екатерину в глазах общественности: ведь вот он, убийца законного императора, один из Орловых, самый буйный и неистовый, а великая императрица вовсе не имеет отношения к убийству супруга! Однако время шло, и сравнительно недавно была проведена экспертиза подлинности этих обличающих Алехана писем{77}. Вот что выяснилось: да, первые действительно являются подлинниками, но третье — подделка Ростопчина,

свидетельствующая против Алексея Григорьевича, а значит, и против всех Орловых. Во времена Екатерины было множество людей, которым поперек горла стояло возвышение Орловых «из грязи да в князи»; среди них не последнее место занимал граф Никита Иванович Панин, вынашивавший прожекты, как бы на трон Российский посадить вместо немки Екатерины сына ее Павла, коего Панин был воспитателем…

Впрочем, с другой стороны, Екатерина была только заинтересована в компрометации Орловых. Ходили слухи, что она твердо вознамерилась выйти замуж за красавца Григория, тем более что подобный прецедент в российской истории имелся. Да и граф Григорий Григорьевич настаивал на венчании. А когда Екатерина зачем-то поехала в Воскресенский монастырь, что в Ростове, по Москве стали говорить: венчание состоялось, тайком, в Ростове, и императрица, убившая своего супруга руками брата своего возлюбленного, стала вдруг госпожой Орловой. Слухи не подтвердились; более того, вскоре был арестован человек, распускавший их, — камер-юнкер Ф. Хитрово, поддержавший Екатерину во время заговора. По словам допрошенного Хитрово, и он сам, и другие дворяне, которым небезразлична была судьба России, уговаривали императрицу не вступать в брак с Григорием Орловым, увещевая, что на русском престоле народ потерпит даже чистокровную немку, венчанную супругу Петрова внука и матерь будущего императора Павла, но никак не госпожу Орлову. А так Екатерина, которая была женщиной государственного ума и умела далеко вперед рассчитывать свои шаги, могла не опасаться более претензий на венчание с ней ни от одного из Орловых (ведь поговаривали, что она, возможно, за Алехана, а не за Григория замуж собирается): один из них был уж замаран молвой в страшном преступлении цареубийства и оправданию не подлежал — ни тогда, хотя Екатерина не предала его праведному суду, ни теперь, когда минуло почти 250 лет.

Русско-турецкая война 1768-1774 гг. и чесменская победа графа Алексея Орлова

Попытки выйти к Черному морю и прочно обосноваться на Балканах предпринимались Россией уже долгое время, ведь такое положение было выгодным со всех точек зрения: давало возможность беспошлинно и беспроблемно торговать с Южной Европой, да к тому же защищало бы россиян от набегов крымских татар. Однако в XVIII в. на эти места на географической карте мира претендовала еще и Франция, потерявшая в войнах с Англией большинство своих колоний. Франция была заинтересована в том, чтобы русские не получили доступа к Леванту, ведь французские купцы сосредоточили в своих руках большую часть торговли с Турцией, Сирией, Грецией, получали от нее огромную прибыль, около 60 млн. ливров в год! В антирусскую коалицию с Францией вступили враждебные России Турция, Польша, Швеция и Австрия, в которых с 1762 г. действовали кнутом и пряником французские агенты. Граф Никита Панин писал в личном письме к Алексею Орлову: «… Франция со всеми своими бурбонскими и к ним привязанными дворами, конечно, желала бы, не отлагая до завтра, всех нас потопить в ложке воды, если бы только возможность в том была»{78}.

Первой войну развязала Турция; дело было так: в результате русско-польских баталий казаки разорили два приграничных турецких городка — Балты и Дубоссар, и турки не пожелали решить этот конфликт миром. 25 ноября 1768 г. русский посол в Стамбуле А.М. Обрезков и еще 11 человек из посольства России были вызваны к великому визирю, и тот заявил примерно следующее: «Или русские немедленно прекратят войну с поляками и прекратят вмешиваться в дела Речи Посполитой, или…» На твердое «нет» русского посла султан Мустафа III отдал приказ арестовать все русское посольство; а чтобы Россия даже не подумала, что инцидент можно разрешить мирным путем, русских поместили в страшное подземелье Семибашенного замка.

Надо сказать, что позднее французские дипломаты при дворе Мустафы III откровенно признавались: это они толкали Турцию на выгодную Франции войну против русских. Так, известно высказывание варшавского резидента французской короны Эннена о действиях его коллеги, графа де Верженна, секретного агента в Стамбуле:«…Верженн, когда ему было дано разрешение ввести турок в игру, в войну, для которой подали повод польские

дела, — выполнил полученные им приказы, не компрометируя себя…»[79] Уже в апреле 1772 г., когда русские дипломаты хлопотали о замирении с Турцией, герцог д'Эгильон, министр иностранных дел Франции, очень откровенно ответил на просьбу русского посла в Париже Хотинского поспособствовать делу мира: «Как вы хотите, чтобы подали такой совет, когда ведь мы сами подтолкнули турок начать войну?»[80]

Официально война была объявлена 14 октября 1768 г., и против не готовой к войне России выступила огромная армия турок, насчитывавшая до 600 тысяч солдат. Расчет турецкого султана был прост: России нечего противопоставить турецким войскам, поэтому война закончится стремительно и с нужным Турции результатом. Однако планы блицкрига не оправдались.

Специальный Совет, созданный для разработки планов военной кампании, принял решение «подпалить Турецкую империю со всех четырех углов» (Екатерина II), то есть воевать не только с турецкими войсками на Украине и в Молдавии, но и поднять восстания в тылу врага. Эта мысль была подана Алексеем Орловым, а при поддержке его брата Григория быстро укрепилась в голове императрицы. Приоритет Алексея при разработке плана подтвержден высказываниями самой императрицы: «Графу Орлову одолжена я частию блеска моего царствования, ибо он присоветовал послать флот в Архипелаг»[81]. Инициатор операции Алексей Орлов, для которого никогда не существовало никаких препятствий и «всегдашней и разносторонней оперативностью»[82] коего Екатерина всегда восхищалась, был направлен на Балканы, еще прежде начала войны, чтобы поднять на борьбу с турками христиан — греков и славян, томившихся под гнетом оттоманцев, и руководить действиями повстанцев. Приняв вымышленное имя, граф Алексей Григорьевич, теперь — Островов, прибыл в Ливорно (Италия), якобы на минеральные воды, но наделе он использовал свой деятельный кипучий характер, стремясь, чтобы греки-христиане, подданные Блистательной Порты, выступили в войне против турков на стороне России. Из Венеции он писал брату Григорию о своих грандиозных планах: «Если уж ехать, то ехать до Константинополя и освободить всех православных и благочестивых от ига тяжкого. И скажу так, как в грамоте государь Петр I сказал: а их неверных магометан согнать в степи песчаные на прежние их жилища»[83].

Сразу же после скоропостижного объявления Турцией войны Екатерина направила в помощь Орлову собственных агентов в Албанию, Молдавию, Черногорию устанавливать контакт с христианскими жителями Оттоманской империи.

Результаты столь бурной деятельности не замедлили сказаться: болгарин Назар Каразин, посланный в Молдавию и Валахию, поднял арнаутов против турок и с тремя тысячами повстанцев сумел захватить Бухарест, столицу Валахии!

Тем временем в Греческий Архипелаг были направлены две балтийские эскадры под командованием адмирала Григория Андреевича Спиридова и контр-адмирала Джона Эльфинстона: Россия пыталась оттянуть хотя бы часть турецких войск с основного места военных действий на Дунае. Впрочем, то была главная, но не единственная цель морской экспедиции. Обе эскадры несли десантные войска, которые должны были сражаться с противником в его тылах, вместе с партизанами, корабли же — вести боевые действия в Средиземном море, мешая подвозить продовольствие турецким войскам. Адмирал Самуил Карлович Грейг, капитан флагманского корабля эскадры Г.А. Спиридова, в своем дневнике писал о цели экспедиции так: « Е.И. В., желая, по возможности, усилить военные действия против турок, для скорейшего окончания войны, вознамерилась послать военный флот в Архипелаг и Левант. Цель экспедиции заключалась в том, чтоб произвесть диверсию в этих местах и беспокоить турок в той части их владений, где они менее всего могли опасаться нападения…»{84}

Русские моряки признавали, что предприятие это весьма сложное. Тот же Грейг, будучи моряком опытным, писал в дневнике о больших «затруднениях», с какими связано «отправление вооруженной силы от самых крайних пределов Балтики в моря, столь отдаленные»{85}. На самом деле в активе у российского флота были исключительное мужество и высокий боевой дух, известные всему миру со времен Петра Великого, да талантливые моряки — офицеры и матросы, покрывшие в Архипелаге русский флот бессмертной славой. Но было и множество минусов. Как пишет блестящий российский историк Е.В. Тарле, «…суда были плохи, не выдерживали больших штормов, ломались в важных частях… много было матросов из глубины Российского материка, никогда до поступления на службу не видевших моря. Они болели, многие умирали в тяжком, долгом морском походе». Далее историк приводит страшные цифры: «За первые же два месяца плавания (и притом сравнительно теплые месяцы — от конца июля до конца сентября) Спиридов потерял сто человек умершими и около 500 тяжело больными»{86}. И это были не последние жертвы среди матросов, которые так и не добрались до теплых вод Средиземного моря, умерев по дороге. Дополнительным препятствием стали провокации, чинимые россиянам французами: на пути эскадрам

встречались сомнительного вида купеческие корабли, «кои бы свойством груза своего могли произвести сумнение и задержать в плавании их»{87}, как писал граф Никита Панин русскому послу в Лондоне. Когда главнокомандующий увидел флот, с которым он должен одолеть турок, у него, по его же собственному выражению, волосы дыбом поднялись!{88} Даже ему, прежде не имевшему дело с морем и морским делом, стало понятно, что корабли плохи, матросы необучены. И это — после многотрудного плавания, которое стало суровой школой и проверкой эскадры Спиридова.

Конечно, и Европа считала, что русской эскадре не выдержать тягот долгого пути из Балтийского к Средиземному морю. Даже англичане, имевшие значительный опыт в морских кампаниях и долгих плаваниях, хотя и предоставляли свои порты для стоянки и починки русских кораблей, все же сомневались в успехе предприятия, а что говорить о противниках России! Когда Мустафе III доложили, что русские корабли осваивают просторы Средиземноморья, он воскликнул, что это просто-напросто невозможно. Наделе сильнейшие штормы и трудности лишь закалили моряков, подняв их боевой дух и боеспособность. На это и надеялась Екатерина Великая, когда писала в 1769 г. Алексею Орлову: «Ничто на свете нашему флоту добра не сделает, как сей поход, все закоснелое и гнилое наружу выходит, и он будет со временем круглехонько обточен»{89}.

В июле с Кронштадтского рейда вышли в плавание 15 кораблей эскадры Г.А. Спиридова: линкоры «Святослав», «Евстафий», «Европа», «Святой Януарий», «Северный орел», «Три иерарха», «Три святителя», фрегат «Надежда», бомбардирский корабль «Гром», а также транспортные и посыльные суда; общее число пушек составляло 640. На мачте «Евстафия» развевался флаг адмирала. Флагман «Евстафий» первым 6 ноября 1769 г. вошел в Средиземное море; месяц спустя к нему присоединились некоторые другие, отставшие корабли эскадры. Из Кронштадта в октябре того же года вышла в долгий путь эскадра Джона Эльфинстона; собирались в дорогу корабли датчанина Арфа. Война против турок на море началась.

Прибыв в Архипелаг, все корабли становились под начало Алексея Орлова, который обладал широчайшими полномочиями и был назначен главнокомандующим российских морских и сухопутных войск в этом регионе. Пожалуй, следует объяснить читателю это довольно странное с объективной точки зрения назначение. Да, Алексей Орлов был одним из главных участников заговора, возведшего Екатерину Алексеевну на престол в качестве самодержицы. Как говорят многие источники, Екатерина всю

свою жизнь очень уважала Алексея Григорьевича, ценила, была ему благодарна и — побаивалась. Ведь, кто знает, если возвел на престол, то и скинуть может, буде появится более подходящий кандидат в императоры… Но, тем не менее, делать сухопутного сержанта Семеновского полка Алексея Орлова главнокомандующим и ставить под его начало русский флот — не было ли это опрометчивым? Как показала история, не было. Кроме своеобразного отношения, которое императрица питала к графу Алексею Орлову, были и другие факторы, способствовавшие его назначению. Е.В. Тарле пишет, ничуть не сомневаясь в способности Екатерины Великой найти каждому человеку единственно верное место: «Она хорошо знала, кого посылает. Умный, дерзостный, храбрый, любящий риск и ищущий риска, но вместе с тем расчетливый, не боящийся ни пули, ни ответственности, Алексей Орлов… был как раз подходящим человеком для подобного головоломного задания»{90}. А французский историк XIX столетия Казимир Валишевский находит причину назначения Орлова в особом складе ума и характера Екатерины, которая, как он пишет, «относилась с недоверием… к специалистам и профессионалам… В дипломатии, как и в политике, как и везде, она выше всего ставила способность действовать по вдохновению. Ей казалось, что даже для военного искусства не требуется ничего другого». И это было совершенно в ее характере — верить гению Алексея Орлова, не полагаясь вполне на искусных моряков Спиридова, Грейга, Эльфинстона: «Она находила вполне естественным, что Алексей Орлов, в первый раз в жизни ступивший ногой на корабль, в ту же минуту превратился в образцового моряка, стал командовать адмиралами, заслужившими себе чин и репутацию в английском флоте, и выиграл самую блестящую морскую победу в современной истории»{91}.

Местом для высадки русского десанта была назначена Морея, где жило множество греков, а турки давно забыли, что такое война. Это был очень удачный выбор, однако план А. Орлова провалился из-за медлительности русского флота: греки, побуждаемые агитацией Орлова к восстанию, волновались, ожидая прибытия русских кораблей-освободителей. Корабли Спиридова должны были, по замыслу Орлова, стать той искрой, из которой вспыхнет пламя освободительной войны против турок. Но, как писал капитан С.К. Грейг, «если бы можно было русскому флоту прийти несколькими месяцами ранее, пока это всеобщее воодушевление народа еще было в полной силе, турки же малочисленны и рассеяны, то весьма вероятно, что вся Морея в короткое время была бы очищена от турок и осталась в полной

власти греков»{92}. Но турки, видя волнения, стягивали в Морею войска; таким образом, фактор неожиданности, столь важный для авантюрных операций, был утерян.

В январе 1770 г. по приказу главнокомандующего Спиридов высадил десант; два греческих корабля присоединились к его эскадре у портового города Витуло. Бои русского десанта, в которых участвовали и местные партизаны, подняли все греческое население на борьбу с завоевателями. Майноты, греки, жившие в горах южной Морей, были прекрасными воинами, однако не имели представления ни о воинской дисциплине, ни о цивилизованном ведении войны. Так, при взятии отрядом капитана Баркова Миситрии кровожадные майноты перебили больше тысячи жителей, среди которых были женщины, старики, дети, и разграбили город. Когда русские попытались им препятствовать, греки стали стрелять в союзников.

Первым большим успехом русских войск на островах Архипелага был захват порта и крепости Наварино, гавань которого стала временной базой русского флота в Средиземном море. Это случилось 10 апреля 1770 г.; были взяты пушки, мортиры, более 13 тонн пороха. Во взятии крепости отличился дед А.С. Пушкина Ганнибал, бригадир артиллерии. Правда, вскоре Орлов приказал снять осаду других крепостей Морей, так как подходили значительные силы турецкой армии, а численность русских сухопутных сил была мала; на майнотов, не имевших опыта сопротивления регулярным войскам, надежда не было. Уже в мае, когда главнокомандующий получил известия, что к Наварино подходит турецкий флот численностью в 12 линкоров, а эскадра Эльфинстона наконец прибыла к берегам Морей, он, посовещавшись со своими главными помощниками в морском деле — Спиридовым и Грейгом, принял решение оставить удобную гавань и дать бой туркам в открытом море.

Джона Эльфинстона нельзя назвать человеком трусливым или нерешительным; едва прибыв к оговоренному месту, он отправился на поиски турецкого флота, каковой и был обнаружен в заливе Наполи-ди-Романья. Хотя эскадра Эльфинстона была невелика, и турки превосходили русских по числу кораблей (на 10 линейных кораблей, 6 фрегатов и каравелл, гребных судов турецкого флота приходилось всего 3 русских линкора и 2 фрегата), контр-адмирал обстрелял противника из пушек. Турки решили отступить обратно в залив, не приняв бой; Эльфинстон не смог преследовать врага, так как наступил полный штиль и российские корабли не могли двигаться. Едва подул легкий ветерок, командир эскадры отдал приказ преследовать турок. Вновь завязалась перестрелка. И тут произошло то, за что Г.А.

Спиридов долго ругал иностранного коллегу, обзывая его малодушным: Эльфинстон, видя несомненное превосходство противника, не напал на турецкие корабли, находившиеся к тому же под защитой береговой артиллерии, а, постреляв, приказал судам своей эскадры заблокировать выход из залива. Он ждал подмоги Спиридова и Орлова.

К концу мая на рандеву с Эльфинстоном подошла эскадра Г.А. Спиридова. Решено было сообща догонять уходивший турецкий флот, но это не удавалось: погоня, начавшаяся 25 мая 1770 г., продолжалась почти месяц! Русский адмирал выказывал свое неудовольствие действиями английского коллеги, но тот отвечал, что не подчинен никому, кроме императрицы и главнокомандующего, и давать отчет в своих действиях Спиридову, коему ровня, не обязан. Шла извечная грызня между иностранцами и русскими; первые уж больно вольготно чувствовали себя в России со времен Петра I, почитая коренных россиян за невежд и дикарей. Отчасти вина в конфликте между русским и английским флотоводцами лежала на Екатерине: явно выказываемое благорасположение вводило иностранцев в заблуждение по поводу ее истинных намерений: «Иностранцы склонны были слишком всерьез принимать любезности, которыми Екатерина Алексеевна осыпала их при проводах»{93}.

Но прибытие главнокомандующего быстро поставило все на свои места: 11 июня он, пользуясь своим правом и положением, взял командование объединенными военно-морскими силами на себя и, не слушая пререканий адмиралов, отправился на поиски успевшего далеко уйти турецкого флота. Федор Орлов, также участвовавший вместе с братом в экспедиции, писал императрице, что русские корабли «гоняются за турецким флотом, который после двух сшибок бежит сломя голову от них», но клялся, что обязательно нагонят неприятеля, «хотя бы то было в Цареграде»{94}. Так далеко плыть не пришлось. Русская флотилия догнала неприятеля в Хиосском проливе, отделявшем остров Хиос от побережья Малой Азии: ранним вечером 23 июня на линкоре «Ростислав» был вывешен сигнальный флаг: «Вижу неприятеля».

Даже после объединения всех русских кораблей, находившихся на тот момент в Архипелаге, и присоединения к ним нескольких греческих судов флот Алексея Орлова значительно уступал турецкому как по количеству кораблей, так и по пушечной мощи. Предводитель турецких кораблей в Чесменской битве, алжирец Гассан-бей Джесайрлы, был весьма опытным моряком, но и он рассчитывал победить русских скорее числом, нежели умением, предлагая план, поистине достойный

японских камикадзе. По рассказам очевидцев тех отдаленных событий, он сказал султану Мустафе III, направлявшему его в Архипелаг из Стамбула: «Флот вашего величества многочисленнее Русского флота, чтобы истребить Русские корабли, мы должны с ними сцепиться и взлететь на воздух, тогда большая часть вашего флота останется и возвратиться к вам с победою»{95}. Но были плюсы, которые позволили Алехану и его адмиралам одержать первую из величайших побед в истории русского военно-морского флота. К ним относилось в первую очередь беспримерное мужество личного состава, об отдельных проявлениях которого мы расскажем ниже, и опыт, который русские моряки приобрели в труднейшем плавании из Балтики в Средиземноморье. Со времен Петра Великого в России было принято набирать матросов одного корабля преимущественно из одного уезда; многие из них знали друг друга с детства, что обеспечивало уверенность моряков друг в друге. Кроме того, на руку нашим флотоводцам сыграла особая атмосфера, царившая на всех кораблях турецкого флота. Начать с того, что здесь служили не только турки; те занимали все высшие посты в флоте и командовали кораблями, а моряки были в основном из греков, албанцев и прочих народов, порабощенных турками. И они вовсе не собирались расставаться с жизнями во славу Аллаха. Капитаны же, как уже говорилось, исключительно родовитые турки, были не военными моряками, а, скорее, пиратами, поэтому мало что могли противопоставить обученному и настроенному на победу русскому флоту. Хотя французы и посылали в Оттоманскую Порту инструкторов, чтобы обучить турок искусству ведения морского боя и привить дисциплину, необходимую в армии, им это не удавалось. Как образно характеризует ситуацию на турецких кораблях Е.В. Тарле, «турецкий командир склонен был считать свой корабль, так сказать, замкнутым хозяйством, самостоятельной экономической единицей, вроде феодального поместья, где капитан — феодал, матросы — его крепостные, доставляющие ему доход как из утаиваемых сумм, отпускаемых на их содержание, так и своим деятельным участием в корсарстве…»{96}

Хотя бой обещал быть тяжелым, никаким планом грядущего сражения главнокомандующий своих подчиненных не снабдил, сам объясняя это так: поскольку-де неизвестно, что неприятель предпримет, невозможно определить и план ведения боя наперед, а посему — действовать всем капитанам сообразно складывающимся условиям и по своему усмотрению! Такая стратегия, возможно, несколько своеобразна, но, надо сказать, она сработала, и превосходно; Алексей Орлов, такой же адмирал,

как и граф, то есть не по личным качествам и не по действительным заслугам перед Отечеством, а по воле Екатерины И, которую он всю свою жизнь поддерживал, способствуя во всех ее начинаниях и оказывая услуги, от которых зависело многое (жизнь императрицы, престол и пр.), вероятно, понял, что нечего ему, дилетанту, мешать людям, которые сделали море своей профессией. И он оказался прав.

Турецкий флот стоял в Чесменской бухте и перед ней, в Хиосском проливе, перекрывая неприятелю проход к основным силам. Главнокомандующий Алексей Орлов во время Хиосской и Чесменской битв находился в «кордебаталии», то есть в среднем ряду кораблей, на флагмане «Три иерарха»; командиром этой боевой линии он назначил уже известного нам Самуила Карловича Грейга. Авангардом командовал адмирал Г.А. Спиридов, Джон Эльфинстон — арьергардом русского флота. Против более 6 десятков турецких кораблей, в число которых входило 16 линкоров, большое количество фрегатов и мелких судов, выступило 16 русских кораблей (9 линкоров и 7 фрегатов). 24 июня 1770 г., в 11 часов пополудни русские атаковали вражеские корабли, стоявшие в Хиосском проливе, и уже через полтора часа турецкий флот обратился в бегство. Русским кораблям был отдан приказ с флагмана: «…гнать за неприятелем, пальбу производя беспрерывно…»{97}

Несмотря на сильные повреждения материальной части (согласно воспоминаниям С. Грейга, турки стреляли по большей части по рангоуту, наводя пушки слишком высоко), человеческие потери с нашей стороны были бы невелики (всего до 16 человек убитыми), если не считать несчастного случая, произошедшего в самом начале сражения. Линкор «Евстафий», на котором находился адмирал Г.А. Спиридов, первым столкнулся с врагом; от пушечных выстрелов загорелся флагман турецкой флотилии «Реал-Мустафа». Турки попрыгали в воду, пытаясь спастись от неминуемого взрыва. «Евстафий» течением несло на горящий флагман. Вот уже в перестрелку вступили пистолеты и ружья, так близко русский линкор находился от корабля противника! Когда оба корабля столкнулись борт к борту, русские матросы полезли на абордаж. Выжившие свидетели боя рассказывают{98}, что один из матросов бросился к флагу турецкого флагмана и сорвал его; ружейными выстрелами он был ранен, но зубами впился в свой трофей и не выпускал. После сражения выжившему Спиридову было доставлено рваное полотнище как символ полной победы.

Пылающая грот-мачта «Реал-Мустафы» упала на русский линкор. Капитан А.И. Круз, командовавший «Евстафием», отдал приказ залить водой крюйт-камеру, но было поздно: огонь попал

в открытый пороховой отсек, и «Евстафий» за одно мгновение взлетел на воздух. Подвиг команды «Евстафия» затем красочно описывал Алексей Орлов в своих донесениях императрице: «Все корабли с великою храбростью атаковали неприятеля, все с великим тщанием исполняли свою должность, но корабль адмиральский «Евстафий» превзошел все прочие…» И позднее: «Свист ядер летающих и разные опасности представляющиеся и самая смерть, смертных ужасающая, не были довольно сильны произвести робости в сердцах сражавшихся со врагом… россиян, истинных сынов отечества…»{99}

Из команды «Евстафия» более чем в 500 человек спаслось лишь 58. Среди спасшихся были адмирал Спиридов и его сын, молодой офицер, служивший под началом отца, и Федор Орлов, брат главнокомандующего.

Очевидец сражения, князь Ю.В. Долгоруков, находившийся близ главнокомандующего во время боя, рассказывает в своих мемуарах, что, увидев взрыв на «Евстафии», граф Алексей Григорьевич тяжело воспринял предполагаемую гибель брата, с которым был очень дружен: «…он бросил имевшуюся в руках его бриллиантовую табакерку и только выговорил: «Ах, брат!»{100} Что младший брат выжил и о его героическом поведении перед лицом страшной смерти Алехан узнал лишь после сражения, когда отыскал его и Григория Андреевича Спиридова; Федор держал в одной руке шпагу и имел бы весьма геройский вид, кабы не ложка с яичницей в другой руке, а у адмирала в руках была большая рюмка водки.

Блестящая победа в Хиосском проливе, однако, не означала, что турецкий флот повержен: большая часть кораблей изначально стояла в Чесменской бухте, или, как тогда ее называли в России, в Сисьме; туда же отступили оставшиеся турецкие корабли. Орлов принял решение окончательно разгромить противника, иначе, как говорилось в его приказе, «…не можем мы и к дальним победам иметь свободные руки»{101}. Для этого был предложен план: несколько кораблей блокируют выход из бухты, чтобы турки не смогли больше бежать, а оставшаяся часть русской флотилии нападет на стоящие в Чесме суда: «…сие их убежище будет и гроб их» (Г.А. Спиридов). Риск был велик; чтобы снизить потери, было предложено первым в атаку послать 4 брандера. Нагруженные взрывчаткой и порохом корабли под командованием добровольцев — капитана-лейтенанта Р.Г. Дугдэля, лейтенантов Д.С. Ильина и Ф.Ф. Мекензи и мичмана князя В.А. Гагарина. Под брандеры были отведены приставшие к русскому флоту греческие суда; их командующий артиллерии всей флотилии Ганнибал начинил взрывчатыми веществами. В помощь брандерам Орлов

выделил четыре линкора, которые должны были войти в Чесму и, встав на якорь вблизи противника, вести артиллерийский огонь по турецким кораблям; два фрегата, которые должны были стрелять по береговой артиллерии противника, и бомбардирский корабль «Гром», командиром которого был Ганнибал.

Атака на турецкий флот началась в лунную ночь с 25 на 26 июня. Незадолго до полуночи корабли сопровождения вошли в бухту; линкор «Европа», первым подошедший к врагу, почти 30 минут сражался с турецкими кораблями, поджидая подмогу. Когда загорелся один из турецких кораблей, брандеры по сигналу с линкора «Ростислав» под попутным ветром помчались на вражеский флот, стоявший беспорядочно. Интересно, что турки, ждавшие в бухте эскадру из Стамбула, которая, как они знали, уже вышла им на подмогу, не видели в атаке русских опасности. Гассан-бей был убежден: русские испугались гнева великого султана и решили сдаться. Поэтому турецкие моряки просто смотрели на свою приближающуюся гибель и предвкушали, как они закуют русских перебежчиков в кандалы и привезут султану в дар.

Брандерам Дугдаля, Маккензи и Гагарина не повезло: на первый напали турецкие галеры, а береговая артиллерия уничтожила опасный корабль, не позволив ему добраться до цели; Дугдаль, хотя и тяжело раненный (взрывом его сбросило в воду и переломало ему ноги), и команда спаслись. Корабль Маккензи сел на мель; капитан приказал артиллеристу поджечь его. Зарево ослепило береговую артиллерию турок, а отважный Маккензи приказал направить шлюпку не к своим кораблям, а к турецким, и захватил в плен две галеры. Брандер мичмана Гагарина тоже был уничтожен прежде, чем смог нанести туркам значительный урон, тем более что он шел последним, и, когда добрался до намеченной цели, она уже пылала. Но их неудачи полностью искупились воинской фортуной лейтенанта Ильина, который, как и было задумано, подвел брандер вплотную к борту 84-пушечного линкора, закрепил его, поджег и, отведя шлюпку подальше «без всякой торопливости с присутствием духа», отдал команду сушить весла, чтобы издали понаблюдать за делом рук своих. Турецкий флот, уже не имевший возможности сопротивляться, стоял, объятый пламенем в глубине Чесменской бухты. Пожар длился всю ночь; последние корабли взорвались лишь утром, часов около 9, когда огонь, наконец, добрался до пороховой камеры.

Турки в Архипелаге были разгромлены, а русские, отныне господствовавшие в Эгейском море, получили возможность блокировать Дарданеллы, угрожая голодом Стамбулу, столице

Высокой Порты. Турецкий гарнизон, державший крепость Чесму, бежал в Смирну, неся весть о разгроме; за ним последовало и гражданское население, ожидавшее от русских расправы. Когда утром главнокомандующий с братом Федором и Грейгом на парусном катере вышли к месту сражения, то увидели страшную картину: водная гладь бухты была покрыта обгоревшими останками кораблей и мертвыми обожженными телами. Князь Ю.В. Долгоруков в своих воспоминаниях описывает вид бухты после Чесменского побоища: «Почти не можно себе вообразить сего ужасного зрелища, кое мы видели в Чесменском порте. Начать, что вода, смешанная с кровью и с золою, получила прескверный вид; люди обгорелые, разным видом лежащие между обгорелых обломков, коими так порт наполнился, что едва на шлюпке мы могли проезжать»{102}.

По приказу А.Г. Орлова всех раненых турок, коих было множество, вытащили из воды и оказали им помощь, перевязав раны. Как только они шли на поправку, именем Ее Императорского Величества Екатерины II Алексей Орлов даровал им свободу и отпускал восвояси. В захваченной Чесме, портовом и промышленном городе, русский победоносный флот взял богатые трофеи. Военные же трофеи позволили восполнить потерю линкора «Евстафия»: вместо него, по приказанию графа А.Г. Орлова, в число русских кораблей был зачислен 60-пушечный линейный корабль «Родос», принадлежавший туркам и единственный избежавший участи других турецких судов. Алексей Григорьевич отрапортовал о блестящей победе императрице, в Петербург (правда, добрые вести были получены в России с большим опозданием, только к 13 сентября), и отписал о происшедшем своему брату Григорию с юмором: «Государь братец, здравствуй! Скажу тебе немного о нашем плавании: …со флотом за неприятелем пошли, до его дошли, к нему подошли, схватились, сразились, разбили, победили, поломали, потопили, сожгли и в пепел обратили. Я, ваш слуга покорный, здоров и брат тако-же, чего и вам оба желаем…»{103}

Известие о поражении турецкого флота в Чесменской бухте и на Дунае (блестящие победы над турецкими янычарами одержал граф П.А. Румянцев) достигло ушей султана Мустафы в тот момент, когда он готовился к большому балу в честь побед турецких войск в войне с «нечестивыми гяурами». Империя, которая еще столь недавно почиталась одной из могущественнейших в мире, отныне находилась в самом бедственном положении. «Падишах в живейшей тревоге, министры удручены, народ в отчаянии, столица в страхе перед голодом и нашествием»{104}, — так описывает атмосферу в

Стамбуле барон де Тотт в своих мемуарах.

Тем временем в русском флоте Орлова случились некоторые перестановки. Контр-адмирал Джон Эльфинстон, не спросив главнокомандующего, увел свой линейный корабль «Святослав» из Дарданелл и неподалеку от острова Лемнос сел на мель. А. Орлову, который был весьма разгневан поступком подчиненного, пришлось снимать несколько судов с блокады пролива, чтобы освободить застрявший корабль. Тем хуже, что «Святослав» так и не удалось выручить: он разбился в волнах. Из-за странного поступка Эльфинстона неудачей окончилась осада лемносской крепости Пелари: в брешь, образовавшуюся в блокаде, турецкие транспортные суда сумели проскользнуть к острову и высадить десант на подмогу осажденной крепости. Англичанин, эскадру которого передали, по ходатайству Орлова, в руки Григория Андреевича Спиридова, был отправлен в Кронштадт, где его судили и уволили из русского флота; Эльфинстон уехал из России навсегда. На смену ему прибыл еще один иностранец, датчанин Арф, с которым по прибытии произошли еще большие недоразумения. Если Эльфинстон полагал, что никому, кроме графа Алексея Орлова, не подчиняется, то надменный Арф был уверен: ему какой-то Орлов не указ (видимо, не очень-то датчанин разбирался в порядках, царящих при дворе Екатерины Великой)!

Ответ Орлова-«Меченого» на многие дерзости Арфа не заставил себя ждать: по приказу главнокомандующего датчанину не выдавали денег, было заведено служебное расследование о значительном опоздании датской эскадры (под руководством Арфа были не только русские офицеры и матросы, но и множество датчан) к месту соединения с флотом Орлова. Всех этих мытарств Арф не выдержал; по его собственной просьбе он был отпущен Орловым в Петербург, который к тому же просил настоятельно императрицу, буде не случится особой необходимости, к нему в помощь иноземных флотоводцев более не присылать, ибо «…в понесении трудов, беспокойств и военных трудностей…» (А. Орлов) русские моряки во много крат превосходят иностранцев.

Российский флот под командованием графа А. Орлова контролировал Архипелаг вплоть до 1774 г., когда в селе Кючук-Кайнарджа был заключен русско-турецкий мирный договор. Все эти годы русские корабли одерживали победы над отдельными эскадрами турок, пытавшихся прорвать блокаду, о чем Орлов не замедлял уведомить Екатерину; оказывали помощь сирийским и египетским повстанцам, боровшимся с Портой. Россия, установившая в южных морях свои правила игры, взяла под

крыло нищих крестьян, жителей островов Архипелага, выдавая хлеб, защищая от нападений пиратов. Отношения между местными жителями и русскими солдатами и моряками были самые дружелюбные, и еще столетие спустя греки и турки, жившие в Архипелаге, добром поминали времена русской оккупации. Остатки некогда мощного турецкого флота числом до 9 линкоров старой и новой постройки (малых судов русские уже не считали) были заперты у Стамбула и опасались выходить в открытое море.

Битва в Чесменской бухте была неоднократно воспета российскими поэтами, едва лишь только радостная весть достигла Петербурга. В.И. Майков так описал гибель турецкого флота:

Летят на воздух все снаряды
И купно вражески суда:
Исчезла гордость их и сила,
Одних пучина поглотила,
Других постигнула беда{105}.

М.М. Херасков подчеркивал в оде «На торжественную победу при городе Чесме» роль братьев Орловых в подвиге российского флота, говоря об «Орловых, гонящих целый флот врагов…».

Победу русского флота широко и пышно праздновали в России: в театрах ставились спектакли, во многих городах в течение нескольких дней шло всенародное гуляние. Екатерина специальным указом повелела ежегодно отмечать торжествами день битвы при Чесме; в честь победы была учреждена специальная памятная медаль, на которой под горящими турецкими кораблями стояло короткое, но веское «Был»; на другой же стороне вычеканен был Алексей Орлов в обличий Марса, римского бога войны. Новые корабли, сходившие в России со стапелей, получали много говорящие русскому сердцу названия — «Граф Орлов», «Чесма», «Победа» и др.

Все главные герои сражения были отмечены императрицей: Г.А. Спиридов удостоился великой чести и был награжден орденом Святого апостола Андрея Первозванного, введенного в России еще Петром I. Георгиевские ордена разных степеней получили контр-адмирал Грейг, капитаны Круз, Лупандин, Клокачев и др., командовавшие особо отличившимися кораблями, а также командиры всех четырех брандеров. Все они получили крупные денежные премии. О наградах матросам история умалчивает…

Если же говорить о графе Орлове, то он был прославлен в

веках прозванием «Чесменский» и пожалован орденом Святого Георгия 1-й степени, о чем Екатерина ему собственноручно писала: «Кавалерский наш военный орден святого великомученика и победоносца Георгия установлен для того, чтобы отличены были те, кои мужеством, храбростью, искусством и смелостью приуготовляют или получают победу; вам он ныне по справедливости надлежит…»{106}. В герб Орлова внесен был по дозволению императрицы кайзер-флаг, прославленный под Чесмой. Еще ему были подарены императрицей шпага, эфес которой и ножны были усыпаны драгоценными камнями, сервиз столового серебра и 60 тысяч рублей денег, чтобы тот поправил домашнее хозяйство, запущенное в его отсутствие. Особым же даром для графа Орлова-Чесменского стал драгоценный перстень с портретом императрицы, взамен того, что пропал у главнокомандующего с руки во время Чесменской битвы; Екатерина, узнав об этом, тотчас же заказала ему другой такой же и послала герою в октябре 1770 г. вместе с тростью, в рукоять которой был вделан компас.

Князь Ю.В. Долгоруков, запискам которого не вполне можно доверять, пытается доказать, что не Алексей Орлов, не адмиралы Спиридов и Грейг, не говоря уж о низших чинах, не были истинными виновниками Чесменской победы; вся слава должна принадлежать ему лично, ибо именно с ним советовался С. Грейг накануне сражения, именно благодаря его участию и советам А. Г Орлова поставили во главе русского флота в Архипелаге, а тот, боясь, правда, что провалит столь ответственное дело, принял пост: «… графы Орловы, если отбирать то, что они не заслужили, тогда едва останутся ли на них кафтаны и что я на весь флот ссылаюсь, что кроме Грейга и меня имел ли кто участие в сей славной победе»{107}. Мнению князя Долгорукова, обладавшего большими связями, богатством, аристократической спесью вкупе с живым и красочным воображением, не следует полностью доверять. Ему, потомку знатного и древнего рода, было неприятно сознавать, что вся честь победы досталась Орлову, графу в первом поколении. И, возможно, отчасти он прав: диспозиция морских сражений, принесших русскому флоту славу, принадлежала отнюдь не Орлову, не знакомому с ведением морского боя. Но именно Алексей Орлов, объединив под своим началом эскадры ссорившихся Спиридова и Эльфинстона, обеспечил единодушие действий в обеих битвах; именно Алексей Орлов предоставил своим опытным помощникам полную свободу действий, во всем полагаясь на их умения и взяв на себя ответственность за их действия. Наконец, как правильно заметил биограф графа Орлова-Чесменского столетие спустя после тех

памятных событий, «не будь его, и флота нашего не было бы под Чесмою»[108]!

Княжна Елизавета Тараканова: «Гнусный, вероломный обман» Алексея Орлова

Уже в 1772 г., когда, по свидетельству многих современников, Григорий Орлов провалил мирные переговоры России с Турцией, в разгаре дел бросив заседания и ускакав в Петербург, братья Орловы стали терять влияние при императорском дворе. Наступало время Григория Потемкина. И Алехан, сочувствуя брату, которому Екатерина дала от ворот поворот, также подал прошение об отставке, которое, однако, не было удовлетворено. Вплоть до полной отставки по болезни в декабре 1775 г. А.Г. Орлов находился на службе государыни и Отечества и сумел выполнить по личной просьбе императрицы одно довольно щекотливое поручение. Это темное дело, неприглядная роль графа А. Орлова в котором значительно подпортила его репутацию в глазах многих современников и потомков, связано с княжной Таракановой. Пусть наше повествование не претендует на полную объективность (да, честно говоря, в рассуждениях о событиях столь давно минувших дней она невозможна), но вычеркивать столь красочную страницу из биографии одного из «екатерининских орлов» нам представляется некорректным, даже если она не вписывается в образ русского богатыря, спасителя земли русской.

Итак, на дворе стояли 70-е гг. XVIII столетия, когда при польском дворе вдруг объявилась молодая красивая женщина в возрасте 25-30 лет, именовавшая себя Елизаветой Таракановой, дочерью от тайного брака уже покойных Елизаветы Петровны и Алексея Григорьевича Разумовского. Впрочем, имена она меняла часто, столь же часто переезжая по Европе с места на место: ее знали как принцессу Владимирскую и султаншу Селиму, графиню Пиннеберг и госпожу Франк… Надо сказать, что образ жизни она вела весьма по тем временам свободный. Откуда самозваная княжна взялась, самому Богу известно; говорили, что будто бы родилась она в Праге, в семье трактирщика, или же в Нюрнберге, и отец ее был тамошним булочником. Однако поляки, не любившие Россию, русских и особливо императрицу Екатерину Великую, по чьей воле в Речи Посполитой вершились все дела, охотно верили ей. Очевидно, с дальним прицелом: ведь, как прямая и законная наследница Елизаветы (закон, запрещающий женщине наследовать трон Российской империи, был принят лишь при Павле I), она имела все права на самодержавную власть в бескрайней России. Естественно, поляки просчитали, что в

случае, если они окажут княжне поддержку деньгами и прочим, что ей понадобится, а она да взойдет на престол, то уж отплатить-то она Польше сумеет. Поэтому княжна жила в Польше припеваючи, сорила деньгами направо и налево, и за ней увивался целый рой знатнейших женихов и кавалеров. Тем более что молодая женщина всячески поддерживала в глазах окружающих имидж русской «принцессы в изгнании»: она сочиняла манифесты к монархам европейских держав, вступила от имени России в переписку с султаном Блистательной Порты, а в Италии, куда она прибыла, вконец поистратившись в Польше и Германии, установила контакт и вела переговоры с представителями Ватикана. Ее ниоткуда не гнали: княжна Тараканова была умна и неплохо образована, но, главное, она обладала сильнейшим оружием женщины — красотой и кокетством.

Интересно, что появление самозванки пришлось на время восстания Емельяна Пугачева, и Екатерине и без того приходилось не сладко: не успела она развязаться с русско-турецкой войной, как возникла новая напасть — самозванцы! А княжна Тараканова, пытаясь добраться до власти и больших денег, умело использовала мятеж, поднятый казаками Пугачева, в своих целях; она говорила всем, кто только желал ее слушать, что самозванка-то — это немка Екатерина, пытавшаяся убить своего супруга, законного правителя всея Руси, а за нее, прямую наследницу трона, выступил сам русский народ, едва она направила на родину своего полномочного представителя, Емельяна Ивановича Пугачева, да сообщила, что она жива и здорова…

Екатерина почувствовала угрозу своему положению в России. Ведь во время ее царствования был не один случай, когда против ее власти, против немки на русском троне, устраивался заговор. То была попытка освободить заточенного в Шлиссельбургской крепости в Петербурге Ивана Антоновича (она закончилась смертью заговорщиков и августейшего узника); то Пугачев, выступавший под именем Петра III Федоровича, и наследница Елизаветы княжна Тараканова. Да и Орловых, хотя те верно служили императрице, которую сами возвели к вершине самодержавной власти, она побаивалась всю свою жизнь, особенно теперь, поскольку, удалив от себя Григория, она восстанавливала против себя всю могущественную и очень влиятельную семью (все братья были очень дружны промеж собой). Как писал Казимир Валишевский, «…она разорвала с первым фаворитом и этим вооружила против себя могущественный род Орловых: она не могла не опасаться тогда за

прочность своего престола»[109].

Но делать нечего, и Екатерине пришлось искать помощи среди тех, кому она доверяла. Как это ни парадоксально, никого ближе и надежнее Алексея Орлова у нее не отыскалось. Именно Орлов, будучи в Италии, обнаружил самозванку и впервые сообщил о ее существовании государыне: лжекняжна написала ему, уверенная, что на русского героя ее чары подействуют, как и на прочих мужчин, и он принесет ей российский трон на острие собственной шпаги. Но Алексею Орлову красота самозванки не вскружила голову, и он описывал ее довольно сухо: рост невелик, худощава, ни смугла, ни белолица, веснушчата; имеет темные волосы и темно-карие глаза… В своем сообщении Екатерине Великой граф Орлов предлагает применить к ней, смутившей покой государыни, самые крайние меры: «…я навязал б ей камень на шею да в воду…»

Возможно, попросив его привезти под конвоем самозванку в Петербург, императрица учитывала и то, что в Ливорно стояла победоносная эскадра, полностью подчинявшаяся ему, Чесменскому герою — победителю турецкого флота.

Что случилось в действительности, неизвестно. Существует множество разнообразных слухов, домыслов, исторических анекдотов, которые говорят о роли Алексея Орлова в этой истории. Но, как известно, «…если анекдот сохранится не в частной, а в общей памяти, он станет фактом истории, чтобы, соединившись с другими анекдотами о других событиях, образовать миф о своей эпохе»[110]; иными словами, история в наших глазах складывается именно из анекдотов, доживших до наших дней в разного рода источниках.

Итак, самая распространенная версия тех далеких событий, которой мы и станем придерживаться, рассказывает следующее. Алексей Орлов, находясь в Италии, получил от императрицы приказание выяснить, что это за авантюристка, угрожающая спокойствию российскому, и принять надлежащие меры. Под таковыми подразумевалось заключение девицы под стражу и доставка ее в Россию для дальнейшего расследования. Герой Чесмы взялся задело со своим обычным рвением. Ему не составило труда отыскать в Риме княжну Тараканову, которая жила в очень скромных условиях, имея при себе лишь одну служанку. Алехану, про которого современники говорили, имея в виду страшный шрам на лице, что он «…был бы редкой красоты, если бы не имел столь суровой наружности»[111], легко вошел в доверие к девице, падкой до мужского внимания. Он был настоящий герой из девичьих грез, который к тому же признавался в любви, говорил, что верит ей и признает ее

царственное происхождение. В доказательство этого Алексей Григорьевич снял для лжекняжны богатый дом в Пизе, оплачивал все ее расходы, а она верила, думая, что ежели он одну на престол возвел, то не задумается рискнуть и для нее. Недаром же не любившая Алехана и прочих Орловых княгиня Е.Р. Воронцова-Дашкова в беседе с Дени Дидро назвала его «одним из величайших злодеев на земле», а замечательный отечественный историк нашего времени писал, давая графу Орлову-Чесменскому характеристику: «Он был цареубийцей в душе; это было у него вроде дурной привычки»{112}.

Чтобы окончательно усыпить подозрения Елизаветы Алексеевны, Алексей Орлов предложил ей обвенчаться тут же в Италии, по православному обряду, и уж затем, как венчанную жену перед Богом и людьми, везти ее в Петербург, где свершится историческая справедливость и она сменит на троне Екатерину Великую. Правда, в Пизе православного священника не нашлось. Счастливая Елизавета Тараканова поехала вместе с возлюбленным в Ливорно, где таковой имелся на кораблях русской эскадры Орлова. Что интересно, венчание действительно состоялось; граф нанял двух лицедеев, которые за небольшие деньги разыграли действо по всем правилам, так что самозванка ни в чем не усомнилась. Ее, супругу Алексея Орлова, вышел встречать сам командир эскадры адмирал С. Грейг; для нее выслали к берегу шлюпку с эскортом, коему позавидовала бы и настоящая принцесса. С палубы было спущено парадное кресло, куда княжну усадили, и на нем подняли на флагманский корабль эскадры, прославленный линкор «Три иерарха». Но на этом сказка кончилась: самозванку именем императрицы Екатерины II схватили и заковали в кандалы. Иными словами, «известная самозванка, именовавшая себя дочерью императрицы», была захвачена «графом Орловым посредством гнусного, вероломного обмана»{113}.

Всю долгую дорогу до России княжна Тараканова провела в темном и сыром трюме, где, возможно, и подхватила мучившую ее до самой смерти чахотку. Больше та, что осмелилась выступить против Екатерины Великой, не увидела света Божьего; в Кронштадте ее пересадили под покровом теплой майской ночи в закрытую яхту и доставили под охраной солдат Преображенского полка, коего Алексей Орлов был командиром, в Алексеевский равелин Петропавловской крепости, царскую тюрьму, знаменитую своей мрачной историей и знатными узниками.

Претендентке на трон оставили ее горничную, Франциску фон Мешеде; хотя день и ночь князем А.М. Голицыным, губернатором Санкт-Петербурга, и обер-комендантом

Петропавловки А.Г. Чернышевым велись допросы, пленницу, харкавшую кровью, содержали в довольно мягких условиях.

Говорят, что князь был человеком милосердным и, несмотря на суровую и строгую наружность, мягким и совестливым. Но вскоре положение пленницы, которая наотрез отказалась признаваться в совершенном преступлении да еще и обратилась к Екатерине с письмом, значительно ухудшилось. Пытаясь вынудить лжекняжну дать нужные показания, комендант тюрьмы отобрал у нее одежду, обрядив в тюремное платье; служанку из ее камеры удалили, а вместо нее ввели обязательную охрану из двух солдат и офицера, которые стояли у кровати несчастной и днем, и ночью, якобы чтобы помешать возможному побегу или воспрепятствовать самоубийству. Еды Елизавете давали едва, чтобы хватило поддержать в ней и без того еле теплившуюся жизнь. Допросы продолжались. Императрица, с ведома и по приказанию которой все это творилось, писала в ответ на мольбы конкурентки о снисхождении и личной встрече: «Распутная лгунья осмелилась просить у меня аудиенции. Объявите этой развратнице, что я никогда не приму ее, ибо мне вполне известны и крайняя ее безнравственность, и преступные замыслы, и попытки присвоить чужие имена и титулы…»{114}

Однажды в каземат к умирающей арестантке пришел граф А.Г. Орлов; возможно, он, как и прочие, просил ее сказать настоящее имя, признаться в самозванстве, и тогда ее ждет помилование от милосердной императрицы. Один из сторожей Алексеевского равелина рассказывал, что заключенная сильно гневалась на посетителя, громко что-то кричала. Но другие свидетели этого посещения молчали, и последний разговор графа и его несчастной жертвы остался между ними. 4 декабря 1775 г., вскоре после этого памятного посещения, самозванка, которая так и не открыла ни своего подлинного имени, ни тайны своего происхождения, упрямо до смерти твердившая, что она дочь императрицы Елизаветы, внучка Петра Великого, умерла. Перед смертью она написала трогательное письмо императрице, моля ту о снисхождении и личной встрече, на которой клялась рассказать все, почти признаваясь в своем преступлении: «…находясь при смерти, я исторгаюсь из объятий смерти, чтобы у ног Вашего Императорского Величества изложить мою плачевную участь… *Я* на коленях умоляю Ваше Священное Величество выслушать лично все. Вы отмстите своим врагам и будете моим судьею… Мое положение таково, что природа содрогается. *Я* умоляю Ваше Императорское Величество во имя Вас самих благоволить меня выслушать… Да смягчит Господь Ваше великодушное сердце… и я посвящу остаток моей жизни Вашему Высочайшему

благополучию и Вашей службе»[115]. Но сердце Екатерины было отнюдь не таким великодушным, как представлялось несчастной узнице Петропавловки.

По легенде, тело умершей даже не было вывезено с территории Петропавловской крепости; ее зарыли тут же, во дворе Алексеевского равелина, как писал о том князю Голицыну Андрей Гаврилович Чернышев…

Граф Орлов же вышел в полную отставку двумя днями раньше, уехал в Москву. Он прожил еще долгую жизнь, пережив и императрицу Екатерину Великую, и ее сына Павла I. Поговаривали, что «Ливорнская пленница» зачала от графа Алексея и в Петропавловке родила ему сына, которого его сиятельство взяли на воспитание в собственный дом, дав ему прозвание «Чесменского» и назвав Александром. Ходили также слухи, что якобы именно эта оплошность графа Орлова стала причиной большого неудовольствия императрицы Екатерины и привела героя русско-турецкой войны к опале, которая так и не кончилась вплоть до смерти государыни в 1796 г. Особенно это мнение утвердилось в обществе, да и в отечественной истории после выхода в свет исторического романа Г.П. Данилевского «Княжна Тараканова». Как мы увидим далее, ни о какой опале речь не шла. Алексей Орлов был всегда уважаем и ценим императрицей. Но воспитанника своего он не забывал никогда и помогал ему, чем мог, в его карьере, ходатайствуя перед Екатериной. В «Записках» А.В. Храповицкого, личного секретаря и доверенного лица Екатерины, мы читаем запись от 30 июня 1787 г.: «Гр. А.Г. Орлов-Чесменский кланялся в ноги, за пожалование сына в капитаны Преображенского полка»[116]. Александр, по свидетельствам современников, «чрезвычайно красивый мужчина», которого слухи одно время утвердили на роль нового избранника Екатерины, в Дрездене женился, и граф Алексей, находясь в то время за границей ради поправления здоровья, побывал на той свадьбе, а в письме к своему приказчику и другу Даниле Артемьевичу писал, что желает молодым супругам премного счастья и долгих лет совместной жизни: «Даруй Боже им и детей нажить; а мне бы на них радоваться»[117].

Но, хотя, возможно, это и не имеет прямого отношения к основной теме нашего повествования, не без интереса вспомнить еще об одной княжне Таракановой, которая, по свидетельствам современников, являлась истиной дочерью своих родителей, императрицы Елизаветы Петровны и ее возлюбленного, хотя и тайного супруга, графа Алексея Разумовского.

На самом деле о ней известно не так уж и много, но все факты свидетельствуют, что борьба власть имущих за трон —

дело жестокое и зачастую аморальное; тем более что многие из тех, кто волею судеб попадает в эту «мясорубку», к власти, да даже к известности, совсем не стремятся. Все вышесказанное можно отнести и к подлинной княжне Елизавете Алексеевне, получившей прозвание Таракановой.

Сегодня уже невозможно точно установить, какое имя девочке, в 1746 г. родившейся в тайном браке, было дано при крещении — Елизавета или Августа. Вскоре после рождения она была отправлена за границу, к дальним и очень богатым сродственникам графа Разумовского, украинским магнатам по фамилии Даргановы (отсюда, по всей видимости, и происходит закрепившееся в истории прозвище несчастной княжны). О годах, которые девочка провела в семье родственников, ничего не известно. Ее история в России начинается с 1785 г., когда она была отыскана посланниками Екатерины, всю жизнь опасавшейся удачного заговора, который лишит ее и трона, и, возможно, даже свободы, а то и жизни. Молодую женщину привезли тайком в Россию, в Петербург, а оттуда — в Москву, и разделила она судьбу многих законных претендентов и претенденток на царский престол: приняла постриг в Ивановском девичьем монастыре и по смерти была заключена при этом монастыре{118}. В России заключение в так называемые монастырские тюрьмы преступников обоих полов было делом обычным, и следует, пожалуй, несколько слов сказать об их устройстве и условиях содержания в них заключенных, прежде чем продолжить рассказ о судьбе Елизаветы Алексеевны, княжны Таракановой.

Начальником такой тюрьмы являлся непременно настоятель (настоятельница) монастыря; заключенные помещались либо в обычные монашеские кельи, либо в казематы, располагавшиеся внутри монастырских стен. Заключение в монастырских тюрьмах было, если можно так выразиться, почетным; далеко не все преступники удостаивались такой сомнительной чести, обычно это были «преступники и лица, признанные опасными для государственного строя»{119}. Исключений из этого правила было немного, и тогда причиной становились преступления, совершенные с особой жестокостью. Например, в девичий монастырь, о котором идет речь, была заключена небезызвестная Салтычиха; Екатерина, хотя и освободила ее от пожизненной каторги, но, принимая во внимание широкий общественный резонанс дела помещицы Дарьи Салтыковой, вынуждена была пожизненно заключить преступницу в монастырь: «…заключа в железа, отвести… ее в один из женских монастырей… и там, подле которой ни есть церкви посадить в нарочно сделанную подземельную тюрьму, в которой по смерть ее содержать таким

образом, чтобы она ниоткуда в ней света не имела…»{120}Правда, таких ужасов Салтычихе, замучившей до 100 крепостных, пережить не получилось: высокопоставленная и очень богатая родня помещицы сумела-таки обеспечить смягчение приговора.

Елизавета Тараканова не была повинна в каких-либо зверствах, но и ее заключение в монастыре не отличалась мягкостью, да вот смягчить как-то условия содержания было некому… В постриге она обрела имя инокини Досифеи. За долгие годы заключения Досифея не видела никого из людей, кроме настоятельницы монастыря и священника, служившего в монастырской церкви. Чтобы избежать контактов таинственной пленницы с прочими монахинями, ее поселили сначала прямо в доме настоятельницы. Лишь позднее для Досифеи был выстроен специальный домик, окна которого выходили на монастырскую стену. В домике было всего две комнатки; он и денно и нощно охранялся часовыми, а за обитательницей его была приставлена следить служанка-монахиня, докладывавшая обо всем напрямую настоятельнице. Кроме своей основной обязанности, служанка еще готовила, стирала для пленницы монастыря и убиралась в комнатках. Как мы видим, круг общения инокини несколько расширился, но лишь номинально; никто из приставленных следить за Досифеей и сторожить ее не имел права с ней разговаривать. Наказание за ослушание было весьма суровым. Даже церковную службу для Досифеи служили отдельно, по ночам, в комнатке над монастырской церковью, чтобы, не дай Бог, она не установила с кем-либо связи и не предприняла попытку государственного переворота! Из казны Екатерина II выделяла некоторую сумму на содержание девицы. Так она и прожила в Ивановском монастыре до смерти своей «благодетельницы».

С восшествием на престол Павла I положение дел несколько изменилось. Император, узнав о московской пленнице, позволил инокине посетителей, а Александр I — прогулки по двору монастыря, а также участие в общей службе. Правда, все эти милости случились поздно. Досифея, находившаяся в заключении больше полутора десятков лет, тронулась умом и не сумела по достоинству оценить блага, свалившиеся на нее: она приняла на себя «обет молчания», и никто из посетителей бывшей княжны, среди которых были люди знатные и весьма остроумные, не сумел заставить проронить ее хотя б словечко. Однако видевшие ее люди описывали таинственную инокиню как «уже пожилую, среднего роста, худощавую телом и стройную станом»{121} женщину; говорили, что даже в старости она сохранила остатки былой красоты, а в ее манерах и обращении

видно было прекрасное воспитание, образование и благородство происхождения. Всю свою жизнь в монастыре инокиня Досифея провела за рукоделием и чтением; знала иностранные языки.

В 1810 г., пережив и Екатерину, сломавшую юной княжне жизнь, и ее сына, Досифея умерла. После смерти ей были оказаны поистине царские почести: ее, безвестную инокиню одного из многочисленных московских монастырей, похоронили в Спасо-Преображенском соборе Новоспасского монастыря, в усыпальнице бояр Романовых, выдавав тем самым миру ее истинное происхождение и принадлежность к роду основателей правившей в России династии…

Но вернемся к самозванке. Рассказывают, что в Алексеевском равелине Петропавловской крепости осталась выцарапанная на стене надпись по-итальянски — «O Dio mio!» (ит. Боже мой!). Самозванка, присвоившая имя Елизаветы, княжны Таракановой и Владимирской, осталась в памяти России как безвинная и несчастная жертва царского строя, замученная по приказанию императрицы Екатерины Великой. Поскольку о смерти узницы мало кто знал (доступа к этой секретной информации не имели и многие приближенные Екатерины), по Петербургу поползли слухи: таинственная узница Петропавловки дожила в ужасных условиях заключения вплоть до 1777 г., когда в северной столице произошло страшное наводнение, залившее казематы крепости на Заячьем острове. Отражение этих слухов мы читаем в романе Г. Данилевского и видим в картине К. Флавицкого: юная девушка с распущенными по плечам волосами прижимается спиной к холодной стене камеры. Она стоит на кровати, а у ног ее уже плещется невская студеная вода. Княжна молится, но о чем — о собственном спасении? о судьбе своего ребенка? о наказании для рода Екатерины? — известно лишь художнику. Мы вольны воображать себе все, что заблагорассудится.

История княжны Таракановой, подлинной ли, самозванки ли, полна тайн и загадок, которые так и останутся без ответа, ведь слишком много воды утекло с тех пор. Мы опираемся лишь на немногие документы той эпохи да на прозрение Данилевского, сумевшего создать в своей книге образы живых людей. Надо сказать, что граф Орлов описан в романе без прикрас; его роль в судьбе несчастной обрисована в самых темных тонах. Но, возможно, автор был прав, характеризуя Алексея Григорьевича как «верного раба государыни», который «только исполнял ее повеления»…

А.Г. Орлов в отставке: жизнь и смерть частного человека

Когда граф Орлов возвратился в Россию, он увидел, что брат его, Григорий, окончательно ушел от дел, а сама императрица всецело попала под влияние молодого Потемкина. Он встал во главе всех начинаний, всех дел и всех помыслов Екатерины, а та предоставила ему полные полномочия на любые действия и поступки. Любое слово Григория Потемкина воспринималось ею как гениальная мысль, а на слабости и недостатки фаворита при дворе, следуя за государыней, закрывали глаза. Как уже говорилось выше, Алексей был оскорблен тем, что Екатерина дала брату Григорию полную отставку, и не желал подчиняться Потемкину, поэтому счел для себя единственно возможным полную и безоговорочную отставку, каковую Екатерина ему не пожелала удовлетворить сразу же. Первую попытку отойти от дел граф А. Орлов предпринял еще в 1774 г., когда речь шла о Кючук-Кайнарджийском мире. При дворе стало распространено сравнение, что Григорий Орлов провалил мирные переговоры, тогда как тезка его, Григорий Потемкин, добыл выгодный мир России. Летом 1774 г. Алексей Григорьевич обратился с письмом к Потемкину, поздравляя с «выгодным и полезным миром» и прямо заявляя, что силы его подточены тяжелым недугом и он не может долее служить России верой и правдой, как прежде это делал всегда: «…никто столько не рад миру, как я: потому что болезненные во мне припадки совсем мое тело разрушили и всю силу отняли так, что я едва-ль (sic!) нахожу в себе способность какую-нибудь службу впредь несть, неделю кажусь быть здоров, а две и три недели меня разные припадки угнетают, и особливо во внутренности множество обструкциев чувствую…»{122}. Он пытался воздействовать на императрицу через Потемкина, зная, что тот уж ему в такой малости — полной отставке — не откажет… За ответом же на эту невысказанную просьбу он явился к ней сам, удостоившись нескольких аудиенций. Потемкин, по воспоминаниям очевидцев, был сильно не в духе, видя ничуть не сдавшее расположение императрицы к А. Орлову, хотя и старался этого не показывать. Д.Г. Гаррис, английский посланник в России, вспоминает, что императрица увещевала Орлова быть другом Потемкину, научить его тому, чему может научить только столь опытный человек, как он. Она понимала, что иначе потеряет Алексея Орлова, говоря к нему: «…ради Бога сдружись с ним, чтоб я и этим могла бы быть тебе обязанной и содействуй моему

домашнему счастью, как ты содействовал блеску и славе моего царствования»{123}. Но тот отвечал отказом: «Вся жизнь моя — есть служба вам… но чтобы я с моим характером, с моею репутацией пустился бы в придворные интриги, чтобы я искал дружбы человека, которого презираю… Ваше Величество меня простите, если я откажусь»{124}. Гаррис далее пишет, что императрица зарыдала. Верить этому или нет — дело десятое, однако, несомненно, расставание с верным сподвижником и опорой, Алексеем Орловым, было для нее весьма нелегким, и она просила его не покидать Петербурга.

Позднее, в 1775 г., выполнив поручение с ливорнской пленницей, он обратился с прошением об увольнении к Екатерине: «Всемилостивейшая Государыня! Во все время счастливого государствования Вашего Императорского Величества службу мою продолжал сколько сил и возможности моей было, а ныне пришел в несостояние, расстроил все мое здоровье и, не находя себя более способным, принужденным нахожусь пасть ко освященнейшим стопам Вашего Императорского Величества и просить от службы увольнения в вечную отставку»{125}.

Как бы то ни было, 11 декабря 1775 г. прошение графа А.Г. Орлова-Чесменского об отставке «навсегда от всякой службы» было удовлетворено; ему назначалась достойная пенсия с различного рода прибавками — 25 тысяч рублей в год плюс 4 тысяч рублей жалования как генералу-аншефу. Екатерина знала, что Орлов Орлова не предаст: Алексея не уговорить остаться, если она удалила от себя Григория… Но она тяжело переживала уход А. Орлова, даже занемогла…

Уйдя в окончательную отставку, Алексей Григорьевич уехал в Москву и всецело занялся любимым делом — разведением лошадей и собак, улучшением существующих пород и выведением новых, то есть жил он в свое удовольствие, на радость родным и друзьям, совсем не так, как должен был бы влачить существование человек, впавший в немилость у великой императрицы. Временами он ездил в Петербург, за границу, навещал братьев, с которыми состоял к тому же в постоянной переписке. В одно из пребываний его в Европе он познакомился с итальянкой Кориллой, и у них завязался бурный роман. Под именем Кориллы была известна знаменитая поэтесса Магдалина Морелли, наравне с Петраркой увенчанная на Капитолии в знак признания ее величайших заслуг.

Но где бы он ни бывал, ничто не отвлекало графа Алексея от его любимого завода и знаменитых на всю Россию лошадей. Под Москвой у графа Алексея Орлова-Чесменского находилась

превосходная усадьба, и сам граф слыл очень гостеприимным и хлебосольным хозяином. К нему обязательно езживали и иностранцы, бывавшие в России по делам, и соотечественники. По воспоминаниям английского путешественника Уильяма Кокса, вышедшим в Лондоне в 1784 г. под названием «Путешествия в Польшу, Россию, Швецию и Данию», московский дом графа Алексея Григорьевича Орлова был расположен на самом краю Москвы, а поскольку место было возвышенное, то и вид на Москву и ее пригороды из него открывался изумительный. Сам господский дом, деревянный на каменном фундаменте, поскольку многие русские опасаются жить в каменных нездоровых домах, был окружен множеством добротных каменных строений хозяйственного назначения — дома прислуги, конюшня, берейторская школа и др. Граф Орлов частенько давал обеды; к столу всегда подавались знаменитые греческие вина, привезенные им из Архипелага.

Кстати, интересно, что англичанин довольно беглым пером описывает свои впечатления от усадьбы в целом, но выделяет конюшни: Алексей Орлов был владельцем «если не обширнейшего, то наилучшего завода в России»{126}, расположенного в подмосковном селе Остров, неподалеку от Люберец. Это село, да еще Беседы, всего — полторы тысячи крепостных душ, подарила в 1767 г. Орлову Екатерина, передав через 2 года в вечное владение, и очень скоро Остров стал его отрадой, его прибежищем. Успехи графа в коннозаводстве были весьма внушительными: им выведена порода знаменитых орловских рысаков, принесшая России огромные прибыли, исчисляемые в миллионах рублей! Благодаря Орлову-Чесменскому русские скаковые лошади стали конкурировать на европейском рынке с общепризнанными арабскими и английскими скакунами.

В юности, поступив в кавалерийский гвардейский полк, он заинтересовался лошадьми, умными и верными спутниками человека, и возможностями улучшения существующих пород. Лошади в ту эпоху были не роскошью, а средством передвижения; люди, которые по долгу службы постоянно сталкивались с ними, считали лошадей друзьями и чуть ли не членами семьи. Еще прежде отставки, находясь в Южной Европе и путешествуя по странам Ближнего Востока, Алексей Орлов скупал целыми партиями самых лучших лошадей-производителей для своего конезавода. Известно, что за лучших лошадей он, не скупясь, платил огромные суммы, десятки тысяч рублей (например, жеребец Сметанка стоил ему 60 тысяч, что в 2,5 раза превышало годовой бюджет российского конезаводства на 1774 г.)! Это было

ему вполне по карману, поскольку состояние и связи Орлова были сравнимы разве что с императрицыными.

В Островском конезаводе были лошади, привезенные Орловым из странствий и отобранные по соизволению государыни на императорских конюшнях. Графу-зоотехнику Екатерина Великая передала двух жеребцов с кличками Шах и Дракон, которые сама получила в дар от правителя Персии. Уже в 80-е гг. XVIII в. коллекция лошадей Островского конезавода была потрясающей: в ней были представлены европейские (английская упряжная и верховая, голландская, мекленбургская, испанская и пр.), азиатские (арабская, турецкая, туркменская) и местные, российские породы. Кокс, бывавший в Островском заводе Орлова, вспоминает: «Большая часть лошадей паслась на равнине; среди них было немало весьма красивых жеребцов, более 60 кобыл, причем у большинства были жеребята. Эти лошади приведены из отдаленнейших частей света, а именно из Аравии, Турции, Татарии, Персии и из Англии. Арабских он приобрел во время своей экспедиции в Архипелаг. Из них ценились особенно четыре лошади настоящей кохлинской породы, столь ценимой даже в Аравии и столь редко встречающейся вне своего отечества»{127}. Одну из этих ценных лошадей граф Орлов, не задумавшись, подарил англичанину, заметив, что она Коксу очень понравилась. Лошадей к Орлову свозили со всего мира, и жили они в условиях, которым могли лишь позавидовать крепостные некоторых российских помещиков. Например, из соображений коммерции в Орловских заводах было заведено не продавать жеребцов на сторону; они спокойно доживали до старости и самой смерти в холе, и хоронили их в парадных уборах, с почетом.

Другой завод Орлов-Чесменский основал в Воронежской губернии, в селе Хренове: в 1776 г. Екатерина Великая подарила его огромным поместьем. Из более чем 120 га плодороднейших пахотных земель и лугов Орлов сотню га отвел под территорию грандиозного конезавода. Сюда в течение двух лет перевозились лошади. Проект Хреновского конезавода разрабатывал архитектор Дементий Иванович Жилярди, по происхождению итальянец, восстановивший сожженное в войне 1812 г. здание Московского университета. Здесь были предусмотрены стойла для кобыл и жеребцов, родильное помещение, манежи, каждый площадью в 120 м^2, ветлечебница, множество подсобных помещений и жилища для работников, приписанных к заводу, которых насчитывалось более 10 тысяч человек. Все здания возводились из камня, чтобы уж навсегда; конюшни Хреновского конезавода стоят и теперь, как стояли при отце-основателе более 200 лет назад.

По мысли А. Орлова, не все привозные породы вполне приживались в условиях сурового русского климата, и он задался целью вывести породу, сочетающую в себе лучшие качества скаковых лошадей Аравии и Британии с выносливостью донских и кавказских. В заводах Орлова зоотехники работали одновременно над выведением верховой и легкоупряжной пород. Алексей Григорьевич собрал уникальную библиотеку по зоотехнике и селекции (куда делись эти книги, среди которых были и очень редкие, после его смерти, неизвестно); он подбирал себе единомышленников и помощников среди собственных крепостных, — тренеров, селекционеров, жокеев, отправляя самых способных учиться за границу. Со временем в Островском и Хреновском заводах сложилась особая система содержания и тренировки знаменитых орловских рысаков, аналогов которой не было в мире. Верховая порода, выведенная А. Орловым и его многочисленными помощниками, стала очень популярной в России уже в XIX в. Ее представители прекрасно приспосабливались к различным климатическим условиям. В 1867 г. орловские верховые были впервые представлены миру: на Всемирной выставке в Париже победителями стали жеребцы Фазан, Факел и Франт.

При жизни Орлова в табунах обоих его конезаводов было кобылиц до полутысячи голов, а общее число лошадей, включая молодняк, доходило до 3 тысяч! Но здесь же, в селе Хреново, Орлов содержал и других животных. Кроме лошадей, он занимался разведением бойцовых гусей и петухов, канареек и почтовых голубей. Чистокровные голуби разных пород, графские любимцы, были перевезены в Воронежскую губернию из Москвы. На каждого заводилась особая карточка, куда вписывалась родословная, и по чистоте крови эти голуби могли соперничать со многими дворянами России. Почтовые голуби тренировались особым образом: их в определенное время вывозили за 80 км от дома и выпускали, привязывая каждому к ногам записки, где значилось точное время вылета. За присланных императрице голубей А. Орлов был отблагодарен ею лично, как о том упоминает секретарь Екатерины А, В. Храповицкий в «Памятных записках», и еще в XIX в. в Москве были популярны орловские почтовые голуби. Красные бойцовые петухи, выведенные Алеханом на основе английских бойцовых, частенько побивали соперников в петушиных боях, что доставляло немало удовольствия его братьям.

В поместьях Орлова содержались также овцы и бараны, волы, которых охраняли породистые бульдоги, выписанные графом из Англии (граф Алексей, как и все прочие Орловы, по словам

современников, был известным англофилом). Овец и баранов, огромных, каких не было нигде в Европе, и на удивление ручных, а также блюда, приготовленные из их мяса, с удовольствием вспоминает англичанин Кокс, неоднократно бывавший у Орлова во время своего пребывания в Москве.

Среди любимцев Алексея Орлова числились не только лошади и голуби. Он был страстным поклонником псовой охоты, поэтому содержал большие своры борзых и гончих всех пород, но больше всего он почитал густопсовых борзых. В псарне Орлова были отделения разных пород и ветлечебница для заболевших собак; в ней же содержались малые щенки. Поскольку собаки держались для охоты (в этом деле, по словам младшего брата Владимира, Алехан был всегда атаманом и любому выезду добавлял веселье и радость), то рядом с псарней были помещения для охотничьей одежды и снаряжения, а также конюшня, где содержались охотничьи лошади и экипажи. В Острове граф держал 40 голов гончих и 20 свор борзых для малой охоты, бессменным управителем которой при его жизни был ловчий Кузьма Дементьев. И деньги, и чутье на людей, и интуиция настоящего заводчика позволили Орлову вывести новую породу легавых, получившую его имя.

Современники утверждают, что именно благодаря Алексею Орлову начала обустраиваться первопрестольная: он первым из семейства поселился в древнем русском городе, уехав из Петербурга, жившего по иноземным обычаям; за Алеханом последовали и его братья, и, наконец, «ряд домов их составил целую улицу, а желание иметь соседство с сынами отечества доставила Москве новую и украшенную часть домов, которые представляют собой редкое сочетание красот природы с прелестями вымысла, вкуса, богатства и ума!»{128}

При этом граф Орлов, даже уйдя в отставку, сохранил к себе уважение Екатерины Великой и не потерял возможности видеться с нею, не говоря уже о личной переписке. Известно, что Екатерина всегда отвечала на письма графа Алексея Григорьевича собственноручно, участливо относясь ко всем его новостям.

В 1782 г. в обширном семействе Орловых случилась радость: Алехан надумал жениться! Желание, чтобы он, наконец, обрел настоящую семью, высказывалось его братьями и прежде. Так, еще в 1775 г., после окончания русско-турецкой войны, Орловы поговаривали, что Чесменский герой, возможно, свяжет себя узами брака. Во всяком случае, младший из братьев Владимир именно на это намекал «старинушке» Ивану Григорьевичу, настоящему главе семейства после смерти отца Орловых. В августе месяце 1782 г. свадьба Алексея Орлова, которому уже

было к пятидесяти годам, с юной, более чем вдвое моложе жениха, красавицей Евдокией Николаевной Лопухиной состоялась в подмосковном острове, и вся Москва гуляла на ней несколько дней. Разрешение на брак с Е.Н. Лопухиной Орлов просил у императрицы, и та всемилостивейшее его дала, пожелав «всякого счастия и благополучия в принятом намерении»[129].

Два года спустя родилась дочь, названная Анной, которой граф Орлов очень гордился. О том узнала Екатерина, которая в Москве побывала у Алехана; тот заботливо ухаживал за только что разродившейся супругой. По мнению императрицы, высказавшей его в письме к доктору Циммерману, Чесменский герой неспособен воспитывать девочку: «…поэтому я желала ему сына, которому он мог бы служить примером»[130]. Сын Иван, родившийся вслед за дочерью, умер в возрасте 4 лет…

Брак был недолгим: в 1786 г. супруга графиня Е.Н. Орлова-Чесменская скончалась; ее похоронили в родовой усыпальнице Лопухиных, а ставший вдовцом Алексей Григорьевич остался с дочерью-младенцем на руках, хотя его деятельная натура требовала активного участия в жизни России. Он любил дочь; по воспоминаниям современников, его любовь была сильной и эгоистичной. Анна Алексеевна росла излишне худой, что в XVIII столетии, когда в моде были пышные формы у дам, вызывало лишь пересуды. Марта Вильмот говорит, что граф требует от дочери, чтобы она «сразу же после танцев, разгоряченная, должна… совершать с ним верховые прогулки в любую погоду»[131]. В 1796 г. она была представлена отцом и дядей Владимиром императрице, та приласкала юную графиню и говорила затем приближенным, что от девочки этой много хорошего ждать можно.

Надвигалась новая русско-турецкая война, которую Екатерина Великая и князь Г. Потемкин приближали всеми силами, желая претворить в жизнь «Греческий проект». Естественно, что императрица тут же вспомнила о герое Чесмы. В «Записках» А.В. Храповицкого читаем: «21 октября 1787 г. Написано дружеское письмо к графу Алексею и Федору Григорьевичам Орловым: не примут ли будущею весною команды над флотом в Архипелаге; ибо одно их имя прибавит вес и меру морского вооружения»[132]. Естественно, сделано это с ведома фаворита, князя Потемкина, отношения которого с Алексеем Орловым не складывались: граф Орлов не любил Потемкина, хотя и признавал его таланты, и в друзья к нему не набивался, сохраняя свое положение при дворе императрицы: «…стоял особняком, предпочитая союзу с Потемкиным вечную отставку»[133]. Пути Кривого, то есть Григория Потемкина, и

Меченого-Орлова, из которых каждый по своему понимал и служение России, и служение императрице, разошлись.

Алексей Орлов отказался встать во главе русского флота, ссылаясь на недомогание и возраст. Однако он искал возможности хотя бы немного, но поучаствовать в новых победах этого детища Петра: в январе следующего года он прибыл в Москву и, как писала Екатерина Потемкину, вникал во все мелочи отправления кораблей, в вопросы их снабжения. Но полного доверия ему, «неслужащему человеку», Екатерина не оказала: раз не соизволил сам командовать, так и не суйся не в свое уже дело!.. Сей поступок разумной обычно императрицы К. Валишевский характеризует как результат своеобразной черты ее характера: «…находя, что всем людям одна цена, Екатерина из-за пустяка, из-за оскорбившего ее слова, из-за выражения лица, почему-то не понравившегося ей, или даже просто так, без причины, из любви к перемене или из желания иметь дело с новым человеком, …отстраняла или даже выбрасывала вон, как ненужную вещь, многих из своих лучших слуг»{134}. Так она пренебрегла советами и помощью Алексея Орлова, чье имя, по ее собственному признанию, стоило целой армии и флота.

Тем не менее, грядущая война вновь заставила звучать в Петербурге громкое имя Орлова-Чесменского. И это не нравилось ни Потемкину, ни его ставленникам при дворе Екатерины. Вдруг все, что касается графа Алексея Григорьевича, особенно письма к нему Екатерины и его передвижения по России, становится предметом пересудов при дворе. Вот к А. Орлову послан граф Безбородко с письмом, а затем Орлов с какой-то стати вдруг поехал в Ораниенбаум — зачем все это? Уж не принял ли он командование флотом тайком от всесильного Г.А. Потемкина?.. Впрочем, поездка в Ораниенбаум вскоре разъяснилась. Один из ставленников фаворита по имени Гарновский успокоенно пишет: «…ездил …для свидания с прежнею любовницею своею…»{135} Пусть ушедший от дел совершенно, но Алексей Орлов заставлял недругов с собою считаться.

И, даже не участвуя в очередном походе русских кораблей против турецкого флота, Орлов испытывал радость при известии о победах эскадры В.Я. Чичагова, о чем и писал Екатерине в личном письме; та отвечала весьма милостиво, указывая, что в сих победах — заслуга его, Орлова-Чесменского: «Ты показал путь, по которому шествуют твои храбрые и искусные последователи»{136}.

Пользуясь своим особым положением при Екатерине, ее отношением, которое складывалось долгие годы и показывало, сколь много вместе они пережили за время ее царствования,

Алексей Орлов не боялся высказывать и в письмах к ней, и в частных беседах, и в застолье свое мнение о делах военных и государственных. Он, на своем опыте не знавший, но, несомненно, догадывающийся, каково приходится командующему войсками во время военных действий, когда ему от имени всесильных мира сего вставляют палки в колеса, всегда в спорах с придворными принимал сторону людей, приносящих своими победами честь и славу русскому флагу. Известен, например, такой анекдот, ходивший по Петербургу и Москве в 1780-е гг. На обеде у императрицы, когда она сама еще не вышла к столу, средь гостей разгорелся жаркий спор о действиях князя Николая Васильевича Репнина, командующего Украинской армией. Л.А. Нарышкин утверждал, что князь не действует, а бездействует: давненько от него нет вестей о блестящих победах. Нахмурившись, граф А.Г. Орлов не ответил, но собрал со стола все ножи поближе к себе, а затем обратился к Нарышкину с просьбой отрезать ему кусок кушанья. Тот кинулся было резать, да нечем: ножей-то нет. «Так-то и Репнину, когда ничего не дают ему, нечего делать»{137}, — заметил на это Орлов.

За ним, столь независимым ни от чьего мнения и не пугавшимся гнева Екатерины, с подачи Г.А. Потемкина была установлена слежка. Поговаривали, что за ним шпионит и доносит Потемкину сам оберполицмейстер Москвы Н.П. Архаров, вхожий в дом Орлова. Друзья рассказали об этом Алексею Григорьевичу, просили, чтобы был поосторожнее. Но он не поверил навету, продолжая принимать Архарова у себя, как гостя и друга. Правда, все-таки стал присматриваться к поведению главы московской полиции и однажды не вытерпел, потребовал ответа. Он повел гостя к себе в кабинет, где на столе лежали пистолеты; усадил Архарова в кресло и на его глазах пробил межкомнатную перегородку выстрелом, показывая, что оружие заряжено. Затем граф предложил полицейскому выбирать: или он правдиво ответит на вопрос, шпионит ли в пользу Потемкина, или вторую пулю из того же пистолета прямо в сердце. Выяснилось, и правда, шпионил и других соглядатаев приставил. На это граф говорил потом друзьям: «Простил я проказника… и приказал ему быть «издали шпионом от меня за Потемкиным»»{138}. Но время шло, Екатерина II меняла фаворитов, а граф Алексей Орлов так и оставался у нее в чести. «Тем он был и опасен, — писал А. Круглый, исследователь жизни А. Орлова, — что не будучи любимцем, не подвергался полному охлаждению»{139} до самой смерти императрицы.

Когда стало известно, что Екатерину сразил апоплексический удар и она в скором времени умрет, граф Орлов-Чесменский был

среди тех, кто приехал проститься с умирающей государыней. Граф Зубов, последний фаворит Екатерины, по совету А. Г Орлова отправился с печальным известием в Гатчину к наследнику престола великому князю Павлу Петровичу. Но сам граф Орлов был болен и не присутствовал при смерти императрицы. Он уехал в свой дом в Петербурге, что располагался на Васильевском острове, совершенно разбитый, вскоре по прибытии из Гатчины великого князя.

Павел Петрович, принявши у подданных присягу и попрощавшись с покойницей, лежавшей пока в своей комнате на диване, немедленно к нему первому послал Н.П. Архарова и Ф.В. Ростопчина, бывшего средь особо доверенных и близких к нему лиц, чтобы принять у того присягу. Граф Алексей Орлов числился средь первых его врагов, поскольку император Павел I считал его главным виновником смерти Петра III. При этом он проговорил: «…я не хочу, чтобы он забывал 28 июня…» Об этом посещении мы знаем от одного из участников, Федора Васильевича Ростопчина{140}.

Было уже поздно; в доме Орлова все двери стояли заперты, но Ростопчин отыскал кого-то из челяди и велел разбудить графа, крепко спавшего. Алексей Григорьевич был весьма прогневан столь неожиданным и поздним визитом, к тому ж с Архаровым у него были довольно сложные, как мы знаем, отношения. В тулупе, накинутом поверх домашнего халата, Орлов вышел к незваным гостям, требуя объяснить причину их появления в его доме. Архаров ответствовал, что прибыли они по велению императора Павла Петровича, требовавшего немедленно привесть Орлова к присяге. Узнав таким образом, что Екатерины уже нет, граф Алексей Григорьевич заплакал, сказав: «Господи! Помяни ее во царствии Твоем! Вечная ей память!» Недоверие императора огорчило его, и он тут же был готов идти в приходскую церковь, как предлагал Архаров, и присягнуть пред образом Божьим Павлу I на верность, обязуясь служить ему верно, как служил его матери всю свою жизнь. «Несмотря на трудное положение графа Орлова, я не приметил в нем ни малейшего движения трусости или подлости», — пишет Федор Ростопчин с восхищением.

Едва Алексей Григорьевич смог выходить из дому, он просил аудиенции у императора. Павел говорил с ним при закрытых дверях и весьма громко, что свидетельствовало о его явном неудовольствии Орловым. Однако то, что за этим разговором последовало, было во много крат ужаснее любой опалы.

Павел решил перезахоронить прах своего отца в императорской усыпальнице, в Петропавловском соборе (поскольку Петр Федорович не был коронован, то и похоронили

его без значительных церемоний, в Благовещенской церкви Александро-Невского монастыря). Решено это было сделать в день захоронения Екатерины. Прах Петра III, от коего остались лишь «шляпа, перчатки, ботфорты», был выставлен в церкви. Спустя 17 дней Павел короновал прах отца императорской короной. 2 декабря 1796 г. торжественная процессия, растянувшаяся на несколько километров, перенесла останки Петра в Зимний дворец.

Участник событий Ф.П. Лубяновский, в то время адъютант фельдмаршала Н.В. Репнина, вспоминал, что в тот день был сильный мороз и туман, но император и великие князья пешком шли за колесницей всю дорогу. Павел очень тщательно отбирал людей, которые должны были участвовать в этом действе, и первую роль играл Алексей Орлов, цареубийца: ему было велено нести корону пред гробом. Орлов попытался отговориться дурным самочувствием, однако император, увидев, что корону берет какой-то другой чиновник, разгневался и приказал найти графа А.Г. Орлова, чтоб тот принял наказание за смерть Петра Федоровича 34 года назад. По рассказам очевидцев, граф плакал и с трудом, с помощью поддерживавших его чиновников, сумел выполнить порученное; руки его тряслись: «Тот, кому назначено было нести корону императорскую, зашел в темный угол и взрыд плакал. С трудом отыскали его, а еще с большим трудом убедили его взять корону в трепетавшие руки»{141}.

Выполнив положенное, опальный граф, которому именным указом от 31 декабря 1796 г. было отказано в государственной пенсии, назначенной императрицей Екатериной, был практически выслан мстительным Павлом из России и долгое время жил за границей, в Германии. Здесь жил он, как русский барин; двери его дома были открыты всем соотечественникам. Всегда А. Орлов оставался преданным России и правящему императорскому дому. В честь дня рождения императора он каждый год устраивал пышный бал с театром, фейерверком и пир для всех русских, кто желал прийти. В 1798 г. Павел I узнал об этом проявлении верноподданнических чувств и написал благосклонное письмо Алексею Григорьевичу. Но царствовал он недолго…

Едва до Орлова дошли известия о смерти императора и воцарении его сына, Александра I, он сразу же выехал в Россию; внук Екатерины решил и высказал в Манифесте, что в своем правлении он станет возрождать порядки ее великого времени, царствуя «по духу и сердцу премудрой бабки своей», и вызвал к себе всех, кого Екатерина ценила и уважала. Так и графу Орлову-Чесменскому он написал письмо, в котором выражал желание видеть его при своем дворе. 12 марта прошли торжества в честь

коронации Александра I, и Орлов участвовал в них, нарядившись в генеральский мундир времен покойной государыни, которой он служил всю свою жизнь. Вскоре после коронации он уехал в Москву, где и прожил до самой смерти, никуда не выезжая, среди друзей и близких. Здесь он был известен и популярен, всеми любим. В 1806 г. графа Орлова избрали командующим городским ополчением, на создание которого он и дочь его положили много средств и сил. От Александра 1 он был удостоен орденом святого Владимира 1-й степени.

В Москве он жил так, как жил всегда: был доступен просящим, не считая, тратил деньги на город и москвичей: «Неограниченно было уважение к нему всех сословий Москвы, и это общее уважение было данью не сану богатого вельможи, но личным качествам»{142}. К одному из его московских домов, что рядом с Донским монастырем, примыкал огромный луг, где была устроена арена для зрелищ.

Здесь частенько устраивались открытые для всех скачки, кулачные поединки и петушиные бои. Рядом с домом был разбит замечательный сад, где любили гулять москвичи. На охоту сам граф уж не ездил, но с удовольствием приглашал желающих. Одним из любимейших развлечений москвичей и приезжих были благотворительные карусели, устраиваемые Орловым-Чесменским. Графиня Анна Алексеевна часто брала на них первые призы за ловкость и умение управляться с конем, а после смерти отца продолжала устраивать рыцарские турниры вплоть до 1811 г. Деньги, собранные с участников и зрителей, пошли тогда на помощь раненым солдатам, офицерам и вдовам погибших. Парадоксально, но в старости княгиня Е.Р. Дашкова примирилась с графом Алексеем Орловым, над которым язвительно смеялась прежде. Известно, что они встречались и нашли друг в друге интересных и остроумных собеседников. Граф Орлов даже устраивал грандиозный бал в честь княгини Екатерины Романовны. Он прекрасно выглядел за год до смерти, хотя и чувствовал себя одряхлевшим. Необычайная сила его еще не оставила, и рассказывалась среди знавших его людей забавная история, как граф Орлов, бывший на концерте у князя Хованского, решил вдруг выйти в другую комнату из общей залы. Хозяин, толстый и огромный, провожал его, хотя Орлов просил его вернуться к остальным гостям. Князь упорствовал в своей вежливости, тогда Орлов, проговорив, что, раз так и князь не слушается, то он отнесет его сам, приподнял Хованского от земли. История доставила много удовольствия и князю Хованскому, и его гостям. Перстень с огромным бриллиантом и портретом императрицы Екатерины Великой, «улыбающейся ему

в вечной благодарности»{143}, стал знаком его богатства и былого могущества в глазах многих россиян и иностранцев.

В канун рождества, 24 декабря 1807 г., А.Г. Орлов, прозванный за свой подвиг в Архипелаге Чесменским, умер в Москве. Перед смертью он, согласно преданию, сильно мучился. Чтоб никто не слышал его криков, домашнему оркестру было приказано играть как только можно громко. Весть о его смерти распространилась по Москве быстро, и со всех сторон потянулись к дому Орловых-Чесменских люди, чтобы проститься с тем, кого они так любили. Крепостные, по рассказам очевидцев, которые при жизни были рады услужить барину по первому его слову, плакали.

Вслед за господином в могилу сошел и некий старый моряк, который служил при графе А. Орлове еще во времена Чесмы. Про него говорили, что именно он спас Алексея Григорьевича, когда тот, узнавши о гибели корабля, где находился его брат Федор, едва не потерял сознания и упал бы в море, если бы не сноровка стоявшего рядом матроса. Теперь больше 30 лет служивший Орлову старик был назначен нести гроб графа; хотя силы его были на исходе, он надеялся все же оказать господину последний долг привязанности. Гроб снесли по лестнице, и кто-то подошел сменить верного слугу когда тот, весь в слезах, сказал: «Не знал, что переживу я тебя…» и рухнул замертво…

Граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский скончался в возрасте 73 лет, и у него не было сыновей, которые продолжили бы его род и его дело. Дочь Орлова, Анна Алексеевна, отличавшаяся большой кротостью и нравственной чистотой, долгое время горевала по отцу, хотя и не показывала этого. Она так и не вышла замуж и умерла бездетной; все ее огромное состояние, доставшееся от отца, — доходу «300 тысяч рублей в год… бриллианты, жемчуга и другие ценности»{144}— было завещано ею церкви. Так оборвалась эта ветвь графов Орловых, казавшаяся самой мощной из пяти…

Глава 4.
БРАТЬЯ ИВАН, ФЕДОР И ВЛАДИМИР ОРЛОВЫ

До сих пор наш рассказ о семействе Орловых не принимал во внимание возраст братьев. Ведь прославились-то отнюдь не старший и не меньшие. Теперь же пришел черед поговорить и об остальных представителях этого знаменитого семейства, оставившего свой след в истории нашего отечества.

Глава семьи: Иван Орлов

Иван Григорьевич Орлов (3.09.1733-18.11.1791), старший из братьев, был опорой всей семье, ее центром. После смерти отца двенадцатилетний Иван, не раздумывая, принял на себя тяжкие обязанности главы рода. И младшие братья с тех пор относились к нему, как к отцу, называя ласково за отцовские внимание и заботу — «папенька-сударушка» и за старшинство в семье — «старинушка». Уважение ему оказывалось, как издавна на Руси заповедано: ни один из братьев, даже дослужившиеся до высочайших чинов Григорий и Алексей, не позволял себе сесть в присутствии Ивана, если тот не показывал: мол, можно, садитесь. Авторитет его среди братьев был велик: по любому поводу братья писали ему, сообщая обо всем, что творилось с ними, отчитываясь в поступках друг друга.

Как и все Орловы, кроме младшего Владимира, Иван был определен отцом в Сухопутный шляхетский кадетский корпус. Корпус этот в ту пору частенько именовался «рассадником великих людей», и вполне заслужил это прозвание. Основанный 29 июня 1731 г. по Указу императрицы Анны Иоанновны, он стал первым учебным заведением в России, где юные дворяне обучались военному делу и различным наукам, чтобы воинское, «такое славное и государству зело потребное дело наивяще в искусстве производилось»{145}. Шляхетский корпус выделялся и среди подобных заведений Европы, поскольку наряду с военными предметами (артиллерийское искусство и математика, фортификация, фехтование и верховая езда, теория и практика осады крепостей и пр.) дворянские дети изучали здесь и общеобразовательные дисциплины, готовясь не только к военной, но и к гражданской, чиновничьей службе: в России тогдашнего времени было принято набирать высших чиновников из отставных офицеров.

Шляхетский корпус располагался в Петербурге, на Васильевском острове во дворце князя А.Д. Меншикова. Здесь кадеты жили и учились на полном пансионе под постоянным надзором наставников и воспитателей, «дабы они столь меньше гулянием и непристойными обхождениями и забавами напрасно время не тратили…»{146}

Во времена Анны Иоанновны в корпус (первым его директором был назначен барон Х.-В. Миних) брали только дворянских детей с 13 лет; дополнительным критерием отбора служило обязательное умение читать и писать (когда Екатерина утвердила на должность директора Шляхетского корпуса И.И.

Бецкого, ситуация изменилась: хотя среди дворян, считавших кадетские корпуса единственным возможным видом образовательных учреждений для своего потомства, выстраивалась каждый год очередь на зачисление, и место не на всех родовитых дворян находилось, Бецкой в первую очередь записывал в число воспитанников мальчиков, чьи отцы-офицеры погибли. Эта система набора ребят в военно-образовательные учреждения сохранялась в России и в советское время: в суворовское и нахимовское училища зачислялись дети, чьи родители пали смертью храбрых во время Великой отечественной войны). Всего набиралось 200 человек, которые делились на 2 роты; подростки жили по 6-7 человек в комнате, один из них назначался старшим над камрадами. Дисциплина была строгой; мальчики всегда находились под бдительным надзором воспитателей, а в корпусе кроме того каждый день дежурили офицеры, которым было запрещено покидать здание училища. В корпусе царили казарменные порядки: согласно табели о рангах, учащиеся были рядовыми, и офицеры, преподававшие в училище, требовали с них, как с солдат. Наказания, которым подвергались нарушившие правила воспитанники, были иногда чрезмерно жестокими; широко использовались телесные наказания за любую провинность. Любой из офицеров мог единолично наложить наказание на кадета, если считал, что это необходимо. Как уже говорилось, кроме обязательных для военного дисциплин, кадеты получали уроки иностранных и русского языков; были занятия и общеразвивающего плана: танцы и рисование. Еженедельно один день отводился под строевую подготовку, так чтобы «солдатская экзерция» не мешала усвоению прочих предметов. Когда в Шляхетском корпусе учились Орловы, система преподавания здесь была самой примитивной: кадеты зубрили то, что им указывали офицеры-наставники. Общее время обучения составляло около 7 лет; по окончании корпуса кадет зачислялся на военную или гражданскую службу, получая первый чин. Иван Орлов, окончив курс, получил звание унтер-офицера и поступил на службу в Преображенский гвардейский пехотный полк.

Есть люди, которым не надобны титулы да чины. Иван Григорьевич был именно таков. Да, средние Орловы сумели ухватить за косы ветреную богиню Фортуну, и, когда Григорий стал любовником сначала великой княжны, затем императрицы Екатерины Алексеевны, та на всех пятерых расточала свои милости и награды. За участие в перевороте 1762 г. Иван Григорьевич Орлов, как и все братья, был удостоен графского титула; в дар от Екатерины Великой он принял также звание капитана лейб-гвардейского Преображенского полка, где служил

в солдатах с 1749 г., да пожизненный пенсион в 20 тысяч рублей ежегодно, а после он сразу же подал прошение об отставке и уехал в родовое гнездо, на хозяйство. Он и умер капитаном-преображенцем, отклоняя все повышения, которые ему даровала Екатерина.

Иван Орлов был характера степенного, чем уравновешивал горячих меньших братьев, успокаивая их безумные прожекты, советуя, устанавливая мир в частых ссорах между братом Григорием и Екатериной Великой, которая доверяла Ивану безгранично, прислушивалась к его замечаниям и советам. В истории их расставания Старинушка сыграл весьма важную роль: Екатерина, боясь, что, едва она вновь увидит Григория Орлова, ее чувства к нему вспыхнут с новой силой, не позволила ему из Фокшан возвратиться в Петербург, ко двору; письма своему бывшему любовнику она передавала через графа Ивана. Она знала: если кто и сумеет утихомирить неистовый в гневе и печали нрав Григория, так это старший брат.

Общественная деятельность его не интересовала, лишь однажды, в 1767 г., он принял участие в Комиссии, созванной Екатериной для работы над новым государственным Уложением, будучи избран депутатом от дворянства Вяземского уезда Смоленской губернии; уважение к нему императрицы и прочих депутатов позволило Ивану стать маршалом, то есть председателем Комиссии. А так Иван прожил всю жизнь в Москве, в родовом доме Орловых на Всполье, да в деревнях в Поволжье, со своею супругой Елизаветой Федоровной, в девичестве Ртищевой. О женитьбе графа Ивана рассказывали пикантную историю: вроде бы у него была любовная связь с матерью своей будущей жены, графиней Ртищевой, имевшей весьма несносный характер. Когда связь расстроилась, графиня решила, что бы не терять влияния на одного из Орловых, имевших большой вес при дворе императрицы, женить его на своей красавице-дочери. Только через 10 лет после начала всех махинаций Иван Орлов и Елизавета Ртищева сыграли свадьбу. Забегая вперед, скажем: последняя пережила супруга надолго и вдовствовала в Москве.

Лишь изредка Иван выбирался к братьям в Петербург. Детей у него не было: всю жизнь он нес ответственность за братьев, к которым и относился, как к детям.

Ему вполне хватало дел дома и помимо государственной службы: Иван воспитывал младшего брата Владимира, который не отличался крепким здоровьем; на его плечи легла забота обо всем хозяйстве Орловых. Иван Григорьевич распоряжался единолично всеми неразделенными землями семейства, которые насчитывали до 2000 крестьянских душ да земли, сколько не

меряно; лишь после смерти Старика имения разделились между братьями. Хозяйствовал он с умом, принося прибыль и семейству, и крестьянам. И что интересно, Иван Орлов не вводил никаких новомодных реформ; просто, хозяйским глазом окинув земли отцовского имения, что в Симбирском наместничестве, он порешил: крестьянам, которые селились и сеялись на гористом правом берегу Волги, надобно переселяться на заливные луга волжского левобережья, осваивать плодородные края. И хотя ругали И.Г. Орлова за жестокость, ведь крестьяне не своей волею покидали насиженные места, прося у барина милосердия, но, обустроившись на новом месте, благодарили, богатея и выкупаясь из крепостной зависимости на свободу, заводя собственные хозяйства. Многие из орловских крестьян становились купцами. Так на Волге ширились и росли новые села, которые Иван Орлов всегда нарекал в честь благодетелей или близких; село Екатериновка, названное по имени императрицы, считалось одним из самых богатых на Волге еще в начале XX столетия.

Надо сказать, что именно Иван платил долги за щедрого и не считавшего денег Григория; в переписке братьев, довольно полно сохранившейся, есть интересное упоминание об этом. В 1775 г. младший из братьев, Владимир, писал Алексею в Италию: «Старинушка в нынешний свой приезд доволен чрезвычайно братьями… Однако он устал, как собака, от занятий делами брата Григория… Недовольный расходами его, говорит, что принужден платить по-княжески, а мошна у него дворянская…»{147} О дружбе и близости братьев Орловых ходили рассказы среди их современников, напоминавшие о древних временах! И переписка подтверждает: их объединяло не только кровное родство, но и единый кошелек, которым заправлял брат Иван, общность интересов и пристрастий.

Когда умер он в 1791 г., оставшиеся в живых братья Алексей, Федор и Владимир словно вновь потеряли отца. Императрица Екатерина Великая, узнав о смерти старшего Орлова, выражала свои соболезнования Алексею 29 ноября 1791 г.: «Граф Алексей Григорьевич! К сожалению моему, уведомилась я через московского губернатора о кончине брата вашего, графа Ивана Григорьевича и, изъявляя соучастие в печали вашей, мною приемлемое, пребываю навсегда вам доброжелательная Екатерина.

P. S. Братцам вашим прошу кланяться и сказать им мое сердечное сожаление…»{148}

Любимец семьи: Федор Орлов

8 февраля 1741 г. в семье новгородского губернатора родился еще один мальчик. Его назвали Федором. Федор стал любимцем в семье, и среди братьев, которые ласково называли его Дунайкой, славился всегда «любезностью обхождения». Он был красив, как и его братья, высок ростом и очень силен. Едва окончив Шляхетский корпус, Федор участвовал в Семилетней войне, отличаясь знаменитой «орловской» храбростью. Как и старшие братья, Дунайко принимал деятельное участие в перевороте 1762 г., в награду за верность получил от Екатерины звание капитана Семеновского полка. В день коронации императрица раздавала чины и прочие награды людям, которые вознесли ее к высотам власти; не был обойден и Федор Орлов: ему исполнился тогда лишь 21 год, а он, уже его сиятельство граф Орлов, получил придворный чин титулярного камергера. Годом позже, 20 августа 1763 г., государыня приставила его к общественной деятельности: видя «светлый ум и неизменную готовность стать грудью за правое дело»{149}, пристроила Федора в Сенат «к текущим делам». С 1764 г. Ф. Орлов стал обер-прокурором, то есть главой, 4-го — военно-морского — департамента правительствующего Сената и был за свои заслуги на гражданском поприще награжден орденом Святого Александра Невского.

Пожалуй, из пяти братьев Орловых Федор более других был склонен к государственной деятельности. Кроме своей работы в Сенате, он был направлен депутатом от дворян Орловской губернии в Комиссию по Уложению (1767). Это было весьма почетное звание: особым указом депутаты облекались пожизненной личной неприкосновенностью (их нельзя было подвергать физическим наказаниям, штрафам и конфискациям, нельзя казнить).

Уложенная комиссия, созванная летом 1767 г., должна была, по мысли Екатерины, разработать новые законы России, поскольку Соборное Уложение, принятое еще в 1649 г., не соответствовало требованиям новых времен. Еще в 1762 г. граф Н.И. Панин предложил императрице проект императорского законодательного совета, который и должен был создать новый свод законов Российской империи. Но Екатерина, читавшая труды деятелей европейского Просвещения, ведшая переписку с самим Вольтером, колебалась: совет, предложенный Паниным, был исключительно аристократическим органом, а значит, члены его вскоре, возможно, будут претендовать на роль соправителей и стеснять императорскую самодержавную власть. Это, несомненно,

будет глобальная реформа, благодаря которой Россия превратится в ограниченную монархию.

Однако с системой законов нужно было что-то делать, иначе Россия продолжала бы отставать от Европы по всем параметрам. Со времени принятия Соборного Уложения прошло уже более 100 лет, новые законопроекты и законоположения копились, и привести их в стройную систему уже не представлялось возможным. Главным делом было создать новую законодательную базу и предложить нормы, которые стали бы основой новой законности. Императрица могла пойти проторенным путем: собрать пару-тройку комиссий, состоящих из опытных бюрократов, и предложить им систематизировать все существующие законы, а затем предложить представителям от земств собранное обсудить и принять. Однако она видела, что чиновничество не в состоянии привести законодательство в соответствие с российскими современными нуждами, поэтому решила разработку основных принципов нового Уложения взять на себя. А уж потом земские депутаты, собравшись в столицу, пусть решают! «Наказ» свой она составляла с 1765 г., никому не показывая; в итоге он получился слишком либеральным и слишком абстрактным, хотя Екатерина и попыталась обосновать свои основные положения в первых параграфах сочинения. Она исходила из того, что Россия — не азиатская, а европейская страна, поэтому необходимо постепенно переводить ее к цивилизованным законодательным нормам, которые действуют в прочих европейских странах. Правда, она не всегда следовала утвердившимся со старины в России нравам и обычаям, что и показала первая правка доверенных лиц: они вымарали более трех четвертей «Наказа»! Например, страницы, где Екатерина касалась крепостного права и призывала к его уничтожению. В окончательном своем варианте «Наказ» касался всех главных сторон жизни государства и его граждан; в нем излагались главнейшие принципы, как хотелось императрице верить, будущего российского законодательства (надо заметить, что, хотя Екатерина брала основные мысли у европейских авторов, Европа ее сочинение не одобрила, а во Франции — и это накануне великой революции! — оно вообще было запрещено, как ломающее устои государственности…).

Однако дело было сделано, и теперь оставалось лишь разработать новые законы, которые поведут Россию в светлое и просвещенное будущее. 14 декабря 1766 г. был издан манифест, созывающий в Москву депутатов ото всех сословий, кроме духовенства и крепостных, и госучреждений. Каждый вез от своих избирателей наказ и просьбы, и уж в Москве все вместе депутаты

должны были обсудить все полученные на местах инструкции и привесть их в соответствие с «Наказом» Екатерины II. Временный законодательный орган получил название «Комиссия для сочинения проекта нового уложения». Присягнув 30 июля 1767 г. в церкви Чудова монастыря «приложить чистосердечное старание в великом деле сочинения проекта нового Уложения, соответствуя доверенности избирателей, чтоб сие дело начато и окончено было в правилах богоугодных, человеколюбие вселяющих и добронравие к сохранению блаженства и спокойствия рода человеческого, из которых правил все правосудие истекает»{150}, на следующий день общее собрание начало свою работу в Грановитой палате. Вначале выбирали главу Комиссии, голосованием. Среди 7 человек, получивших больллее число голосов, были и три брата Орловых — Иван, Григорий и Федор. После чтения «Большого Наказа» было решено создать несколько частных комиссий, готовивших материалы к всеобщему слушанию. Представьте себе ситуацию: более 500 депутатов «со всех волостей» и ото всех сословий имеют подробные инструкции от местного электората. Естественно, что желания крестьян, купцов или дворянства редко были схожи, а частенько просто-таки непримиримы между собой. С классовыми проблемами общее собрание депутатов предоставило разбираться частной комиссии о сословиях, или, как она называлась, «комиссии о разделении родов государственных жителей», в составе которой работал и граф Федор Григорьевич Орлов. Но и здесь дело застопорилось. Чтобы хотя бы слегка разгрести завалы, Федор предложил разделить комиссию на 3 отдела, каждый из которых занялся бы своим сословием — дворянством (Орлов выделил 4 степени дворянства: князь, граф, барон, дворянин), мещанами (бедное духовенство, ученые, художники, ремесленники, купцы, приказные люди, разночинцы, вольные) или крестьянами, вольными и крепостными{151}.

Впрочем, в целом это никак не сказалось на работе собрания. Дела слушались одно за другим, ни одно не было доведено до решающего конца. С 1767 г. екатерининская Уложенная комиссия была переведена в Санкт-Петербург, а затем общее собрание и вовсе было распущено: началась русско-турецкая война.

Федор устранился от гражданских дел и пошел служить во флот, на помощь к брату Алексею. Он поступил на службу к адмиралу Спиридову. Указом императрицы Федор Орлов был назначен командующим десантными войсками, которые должны были вести бои на островах в Архипелаге и координировать действия повстанческих частей греков. Он участвовал во взятии крепости Корона. Во время сражения в Хиосском проливе Федор

Орлов находился на флагмане, линкоре «Святой Евстафий», который взорвался при столкновении с горящим флагманом турецкого флота. Увидев, как на корабль падает пылающая мачта, он ринулся к спасательной шлюпке: всех, кто попадался ему под руку, молодой великан, обладавший, как и прочие Орловы, богатырской силой, перебрасывал через борт «Евстафия» в шлюпку. Так он спас нескольких моряков, среди которых был сын адмирала Спиридова. За мгновение до взрыва он вместе с адмиралом прыгнул в шлюпку и взялся за весла. Благодаря мощи его гребков лодка стремительно ушла в сторону, и только тогда раздался страшный взрыв, погубивший русский линкор и большую часть его экипажа. В сражении при озере Гидра он со своим отрядом наголову разбил турков и после этого возглавлял группу кораблей, которые контролировали часть Кораманского побережья. Высочайшие награды за подвиги не заставили себя ждать: звание генерал-поручика, орден Святого Георгия-Победоносца II-й степени с формулировкой «За отличную храбрость и мужество, оказанныя им во время одержанной над турецким флотом при берегах Ассийских знаменитой победы и поданный к приобретению оной пример и советы», наконец, драгоценная шпага с бриллиантами. Нельзя сказать, чтобы незаслуженно, как то утверждал князь И.В. Долгоруков…

Когда Федор воротился из приключений на родину в 1772 г., брата Григория на славном фаворитском поприще уже сменил Г. Потемкин. Два года спустя, когда Россия праздновала Кючук-Кайнарджийский мир и окончание страшной войны, Федор, один из героев войны, получил в награду чин полного генерала и в 1775 г., видя стремительное возвышение нового фаворита, подал прошение об отставке, которое тут же было удовлетворено.

С этой поры он поселился в Москве, где и родился, где держали дома прочие Орловы. Еще однажды он, легкий в общении и исключительной доброты человек, послужил императрице, прибыв к ней в минуту горя и потери. Один из череды ее любовников, 26-летний генерал-поручик Александр Дмитриевич Ланской, которого Екатерина любила так, «как она никогда никого не любила ни до, ни после него»{152}, скончался от дифтерии. Она, по собственному ее признанию в письме к барону Ф.М. Гримму от 2 июля 1784 г., страшно страдала: «… скончался мой лучший друг. Я надеялась, что он будет опорой моей старости… <я> слаба и так подавлена, что не могу видеть лица человеческого, чтобы не разрыдаться при первом же слове…»{153} Из переписки Екатерины с тем же корреспондентом известно, что неделею позже к ней прибыли с визитом князь Г.А. Потемкин и граф Ф.Г. Орлов; их приняла не великая

императрица, а женщина, потерявшая любимого человека, и лишь эти двое сумели ее успокоить: «До этой минуты я не могла видеть лица человеческого, но эти знали, что нужно делать: они заревели вместе со мною, и тогда я почувствовала себя с ними легко…»{154}

Среди пяти братьев Федор отличался завидной плодовитостью. Он так и не женился, но наплодил аж семерых внебрачных детей (5 сыновей и 2 дочери); поскольку императрица всегда чтила заслуги графа Федора Орлова, высочайшим повелением было разрешено незаконным его детям носить его фамилию и сохранить дворянство. Федор Григорьевич умер в возрасте 48 лет, а перед смертью завещал детям дружбу и любовь, какая связывала его с братьями: «Живите дружно, — сказал он, — мы дружно жили с братьями, и нас сам Потемкин не сломал…»{155}

Среди потомков Дунайки двое сумели вписать свои имена в историю России: один из сыновей Федора, Михаил, участвовал в Отечественной войне 1812 г. и в победоносном походе против Наполеона. Когда 31 марта 1814 г. русские войска и войска союзников вошли в Париж, Михаил Федорович Орлов в чине генерал-майора был среди тех, кто принимал капитуляцию. В России он вступил в московский «Союз благоденствия», а 1825 г. выступил вместе с другими декабристами на Сенатской площади, был уволен и сослан в Калужскую губернию под надзор, но уже с 1831 г. он вновь поселился в Москве. Другой Орлов, названный Алексеем в честь брата Алехана, героя Чесмы, служил отечеству иначе: он тоже был на Сенатской площади, но со стороны тех, кто подавил восстание; более 10 лет служил начальником Отдельного корпуса жандармов. В 1856 г. был направлен первым уполномоченным императора Николая I на Парижский мирный конгресс и от имени России подписал «мирный трактат», закончивший Крымскую войну. За это он был удостоен княжеского звания. Хотя братья и выступали за разные идеалы, дружбы их, заповеданной отцом, это нарушить не смогло: Михаил за участие в восстании был осужден на каторгу, но Алексей спас его, заменив приговор более мягким…

Владимир Орлов

За 3 года до смерти отца Григория Ивановича, 8 июля 1743 г., родился сын Владимир. Вскоре он остался исключительно на попечении братьев: умер отец, а за ним последовала и мать, Лукерья Ивановна. Он рос очень хилым и крепким здоровьем не отличался, поэтому ни о каком кадетском корпусе и просто о жизни в городе речь не шла. Мальчику нужно было поправляться, и старшие братья, которые очень любили своего младшенького, порешили: пусть в деревне поживет, свежим воздухом подышит; успеет, чай, еще городских удовольствий приобщиться! Воспитывали Владимира брат Иван и нянька, знавшая его еще младенцем. Куда уж тут до образования: нянюшка читала мальчику Закон Божий, а он все свое свободное время гонялся по лугам с сачком — за бабочками и прочими насекомыми, безоблачные же ночи проводил за наблюдением небесных светил. Деревенское воспитание навсегда сделало юного Орлова скромным, немного замкнутым; он потом, даже живя в Петербурге и за границей, чурался светских развлечений. Но время шло, мальчик рос. Браться, которые уже состоялись при дворе императрицы Екатерины, решили, что нужно ему в город перебираться, делать карьеру. Они, собравшись, рассудили, что лучшей карьерой для представителя славного рода Орловых, генеральского сына, конечно, будет воинская, и предложили ему выбирать любой гвардейский полк на его вкус. Благо они-то уж, ходившие у государыни в любимчиках, могли его пристроить куда угодно. Надо сказать, что Владимир — единственный из пятерых Орловых, кто не принимал деятельного участия в перевороте 1762 г., однако среди прочих гвардейцев он приветствовал громкими криками императрицу. За него говорило то, что он — Орлов, и Екатерина распространила свою милость и на него: он, не достигший еще совершеннолетия юноша, в одночасье стал графом и получил придворное звание камер-юнкера. Вскоре и сам Владимир, и, что гораздо важнее, его братья поняли: он не станет приличным военным, поскольку ни здоровье, как говорили тогда — «слабое телосложение», ни склад ума не позволяют. Младший Орлов тяготел к наукам и искусству, к которым имел вкус. В России приличное научное образование получить в ту пору было негде, и Владимир был направлен, куда и многие русские студиозы со времен Петра Великого, — в Германию. Братья предварительно советовались с лейб-медиками императрицы: выдержит ли юноша дальнюю дорого и долгую разлуку с домом? В Лейпцигском университете, который к тому

времени имел уже более чем 350-летнюю историю, он учился на естественнонаучном факультете; главный интерес для него представляла астрономия. Из развлечений, предоставляемых студентам в провинциальном и довольно тихом Лейпциге, В. Орлов очень полюбил музыку; каждый субботний вечер в снимаемой им квартире собирались другие любители музыки и разыгрывали пьесы знаменитых композиторов. За годы обучения в Германии сложились научные и дружеские связи Владимира Орлова: он был дружен с одним из основателей национального немецкого театра И.-К. Готшедом и с писателем моралистского толка К.-Ф. Геллертом, водил знакомство с известными всему просвещенному свету французами Д. Дидро и Ж.-Л. д'Аламбером, авторами и издателями знаменитой «Энциклопедии». Юноша был умен, любезен и обходителен и производил на всех, с кем имел дело, самое приятное впечатление. Исключение, пожалуй, составляет Екатерина Романовна Дашкова. Она, путешествуя в те годы по Германии, познакомилась с Владимиром Орловым, но ее отзыв о нем, мягко говоря, субъективен и слишком сильно отличается от мнений, приводимых в других источниках. Княгиня Е.Р. Дашкова пишет в своих «Записках»: «Я познакомилась также с младшим Орловым — графом Владимиром. Человек он был недалекий и, обучаясь в Германии, усвоил только самоуверенный тон и совершенно ни на чем не обоснованную убежденность в своей учености. Он вступал со мною в споры, вынуждая к ним вообще всех, с кем разговаривал»{156}. Юношеский пыл она приняла за навязчивость, скромность и провинциальную робость — за самодовольство, а уже навязывать споры о науке и — кому?! — ей, именовавшей Дени Дидро «близким другом», было и вовсе, с ее точки зрения, верхом наглости. Возможно, на мнение княгини Дашковой о Владимире Орлове наложилась ее нелюбовь к Орловым вообще, ведь она считала, что братья своими мощными плечами оттеснили ее от трона императрицы…

Владимир, видимо, действительно был склонен к философствованиям и абстрактным рассуждениям: когда годы учения окончились и он возвратился в Санкт-Петербург, Екатерина приблизила рассудительного молодого человека к себе, сделав едва ли не штатным собеседником. Известна любопытная история, когда Владимир едва не поплатился милостью императрицы за свою добросовестность и рассудительность. Случилось это в 1769 г., когда Екатерина Великая первой в России сделала себе прививку оспы. Лейб-медик императрицы доктор Роджерсон требовал, чтобы некоторое время его пациентка ни на миг не ложилась и не засыпала, хотя ее терзала лихорадка и постоянно хотелось прилечь от слабости в

членах. В. Орлов, бывший при Екатерине, столь пунктуально исполнял повеление врача и ходил за императрицей следом, что она не смогла ни разу прилечь. Сослать-то, конечно, молодого Орлова она не сослала, но разгневана была, а потом простила…

В 1766 г. В.Г. Орлов был назначен директором Санкт-Петербургской академии наук. Ему ко времени назначения на сей пост исполнилось едва 24 года, но, куда ж деваться, взялся.

Тогда в российской Академии наук, носившей гордый статус Императорской, заправлял всем граф Кирилл Григорьевич Разумовский, человек образованный и с художественным вкусом, но — не ученый. Петербургская АН имела за собой уже какую-никакую историю, отсчитывая ее, как и почти все в России, «от Петра Великого». Так получилось, что, когда царь-реформатор затеял свои пертурбации в российской жизни, в нашей стране не существовало ни одного научного учреждения, которое занималось бы исследованиями и не тратило бы времени на образование не желающих часто этого недорослей. По совету Г.-В. Лейбница, с которым царь Петр познакомился в 1697 г., в России, в европейском Петербурге, был основан центр будущей отечественной науки — Академия, но реальная работа ее началась уже после смерти Петра I. И дело заглохло, не успев начаться, поскольку те, кто сменял его на российском троне в «век дворцовых переворотов», наукой не интересовались. Казна выделяла АН некоторую сумму ежегодно, но чем там занимались эти ученые (числом, согласно Уставу, 15), никого не занимало.

Первыми академиками России были иностранные ученые, чаще других — немцы. В нашу Тмутаракань ехали просто потому, что здесь платили, и неплохое жалование, уважение оказывали достойное и конкуренции со стороны автохтонов практически не существовало. Михаил Васильевич Ломоносов был едва ли не единственным исключением в этом плане, но и ему, старавшемуся протащить талантливую русскую молодежь в Академию, мало что удавалось. История отечественной науки начинается не с момента открытия АН в Петербурге, а «от 1755 года — от открытия Московского университета с двумя гимназиями при нем (чтобы было откуда набирать студентов)»{157}

Но Академия наук оставалась элитарным научным учреждением, имевшим многие привилегии, хотя и сдавала свои позиции: и число академиков было существенно меньшим, чем профессорский состав в университете, да и бюджет был довольно невелик. А вот куда уходили монар-шьи денежки, было часто непонятно, потому что, пускай, среди академиков были действительно талантливые ученые, основная часть, слетевшаяся

из Германии по приглашению близких и дальних родичей, просто просиживала штаны в тепленьком месте…

Примерно в таком состоянии принял управление российской наукой Владимир Орлов. Работа его была сначала не столько научно-исследовательской, сколько чисто административной: свести концы с концами, найти и обучить новые кадры, утвердить план работы, возобновить издательскую и переводческую деятельность и пр. На все требовались средства, коих в кассе АН не было. Владимир Орлов, и сам неплохой переводчик, стал было спонсировать работу по переводу с классических и современных языков, но выяснилось, что проблемы не только с переводом, но и с родным языком: нормального словаря «великого и могучего» русского языка не существовало, а «государственным» языком центра российской науки был немецкий (даже не латынь, так как многие академики ее давно уж позабыли). В. Орлов для начала пытался перевести АН полностью на русский язык, чтобы сделать науку доступной для соотечественников, да и для себя, поскольку латыни, бывшей официальным языком европейской науки того времени, он не знал. Академики-немцы возмутились и, в конце концов, видя, что с молодым директором, за которым стоят его братья, не поспоришь, сошлись на следующем: русский становился языком делопроизводства, но лекции они, кто желал, могли читать не на русском, а на родном немецком языке. Далее в 1767 г. Владимир Орлов подготовил к обсуждению АН «Положение о Словаре Российском». Это было действительно нужным делом. Конечно, словари были известны в России еще с XIII в. (древнейший словарь-глоссарий с толкованием 174 слов датируется 1284 г.); с XVI в. слова в словарях стали располагаться в соответствии с алфавитным принципом, а при Иване IV Грозном, когда появилось на Руси книгопечатание, стали издаваться печатные словари. При Петре Великом появились словари иностранных слов, которых в русском языке в одночасье стало великое множество. Еще Ломоносов начал готовить к изданию серьезный толковый словарь русского языка, и В. Орлов продолжил его дело: была создана комиссия, обсуждавшая вопросы создания нового словаря, в том числе принципы включения в него слов и вопросы правописания. К делу были подключены отечественные писатели, ученые-гуманитарии; поддержку нужному начинанию оказали граф Андрей Петрович Шувалов, имевший вкус и несомненный талант к литературе, Ф.Г. Орлов, брат директора АН, и др. Забегая вперед, скажем: начатое не было закончено Владимиром Орловым; лишь в 1783 г., когда Екатерина Великая учредила Российскую академию наук, долженствующую заниматься исключительно гуманитарными

делами, работы по составлению словаря были продолжены, и в 1789-1794 гг. был издан толковый «Словарь Академии Российской», в 6 томах которого были предложены и растолкованы читателям 43 257 слов! Когда, проведя полную ревизию доставшегося ему хозяйства, новый директор выяснил, что в архивах и библиотеках АН нет ни подробных карт и атласов России, ни описаний ее территорий, природы и богатств, он начал снаряжать экспедиции по всем уголкам и весям отечества. Первую — по Волге от Твери до Симбирска — предприняла в 1767 г. сама императрица; Владимир Орлов сопровождал ее в числе прочих и оставил подробные «Записки» об этом путешествии. Но главным помощником Орлова в исследовании необъятных просторов России стал Петр Симон Паллас, один из тех немцев, которые приехали в Россию жить и серьезно работать. Он прибыл, уже облеченный степенью доктора естествознания и имевший признание в Европе, на 800 рублей годового жалования. Паллас собирался осесть в России, где для натуралиста было непаханое поле работы, надолго, поэтому сразу же привез всю свою небольшую семью: жену и дочку.

Летом 1768 г. из Петербурга были отправлены отряды «физической» (в то время еще не было забыто, что слово «физика» происходит от греч. *physis* — природа) научной экспедиции, одним из которых руководил П.С. Паллас. Путешествие продолжалось 6 лет; за это время отряд Палласа, куда, кроме него, входили также рисовальщик и чучельник, минеролог и врач Н.П. Соколов, натуралист В.Ф. Зуев и несколько гимназистов, двое из которых затем также стали действительными членами АН, исследовал огромную область — от Поволжья до Забайкалья; их путь составил более 29 тысяч километров! Другие отряды в то же время были направлены в Астраханскую и Оренбургскую губернии. Перед учеными была поставлена глобальная задача: «Исследовать свойства вод, почв, способы обработки земли, состояние земледелия, распространенные болезни людей и животных и изыскать средства к их лечению и предупреждению, исследовать пчеловодство, шелководство, скотоводство, особенно овцеводство. Затем обратить внимание на минеральные богатства и минеральные воды, на искусства, ремесла, промыслы каждой провинции, на растения, животных, на форму и внутренность гор и, наконец, на все отрасли естественной истории… Заняться географическими и метеорологическими наблюдениями, астрономически определять положение главных местностей и собрать все, касающееся нравов, обычаев, верований, преданий, памятников и разных древностей»{158}.

По результатам ее П.С. Палласом был опубликован 3-томный

труд «Путешествие по разным провинциям Российского государства»; собранные естественнонаучные и этнографические материалы стали жемчужинами коллекций Санкт-Петербургской Кунсткамеры и музея Берлинского университета. Грандиозный метеорит весом около 680 кг был отправлен Палласом из Красноярска в столицу и стал украшением музея при институте минералогии России. Экспедиция подробно описала различные виды животных (около 250 видов!) и растений, в том числе и неизвестных прежде; исследовала останки ископаемых животных (шерстистого носорога, мамонта и пр.). Поскольку Паллас со своим отрядом проходил по совершенно диким местам, он описал Восточную Сибирь и Алтай, какими они были задолго до появления в этих краях цивилизованного человека. Работы Палласа по этнографии привлекли внимание к мелким монголоидным народностям России и их проблемам. Однако путешествие потребовало от всех ее участников огромных сил; П.С. Палласу было всего 33 года, когда он возвратился домой, но он совершенно поседел, нажил себе проблемы со зрением, отморозил ноги. Однако в Петербурге он и его команда продолжили работу над систематизацией и описанием привезенных уникальных материалов. С момента, когда в печати стали выходить труды Палласа, мир да и сами россияне наконец стали узнавать Россию, бывшую прежде настоящей *terra incognita.*

Мы помним, что с детства Владимир Орлов интересовался астрономией, которая стала для него главным предметом изучения в Лейпцигском университете. Так случилось, что на время, когда он директорствовал в Императорской АН, должно было прийтись масштабное астрономическое явление: в июле 1769 г. весь научный мир ожидал прохождения Венеры перед Солнцем. По высочайшему соизволению граф В. Орлов организовал от Академии 6 астрономических экспедиций, в том числе на Камчатку и в Заполярье, в задачу которых входило наблюдение этого интересного явления и возможно более точное вычисление расстояния, которое отделяет Солнце от Земли (это становилось возможным при замере солнечного диска).

Для наблюдения столь выдающегося события (надо сказать, что в прошлое прохождение, случившееся за 8 лет до ожидавшегося, то есть в 1761 г., М. Ломоносов, наблюдавший оное, открыл атмосферу вокруг Венеры) были необходимы особые помещения со специальным астрономическим оборудованием — обсерватории. Первая частная обсерватория в России была построена еще в 1692 г. неподалеку от Архангельска; 9 лет спустя в Москве при Навигацкой школе, основанной Петром Великим, оборудовали вторую при участии Леонтия Магницкого, автора

знаменитой «Арифметики». Когда школа переехала в Петербург, оборудование обсерватории было перевезено вместе с нею.

В 1725 г. открылась Императорская академия наук, и в ее состав, по мысли Петра, должна была входить астрономическая обсерватория. Французский астроном Ж. Н. Делиль стал ее первым директором и, по сути, основателем, поскольку, хотя обсерватория и числилась, ее не существовало. По ведомству обсерватории проходил один из первых в мире планетариев: это был огромных размеров глобус, расписанный по внешней стороне картой земли, а по внутренней — картой неба. Внутрь этого чудо-аппарата могло зайти 12 человек; с помощью механизма шар вращался, и наблюдатели могли воочию увидеть движение звезд и планет на небосклоне. В 1747 г. обсерватория сильно пострадала от пожара (первоначально она располагалась в деревянной башенке над Кунсткамерой), и Делиль уехал, так как не смог дождаться работ по восстановлению своего детища. С 50-х *гг.* XVIII в. частные обсерватории в Петербурге множились, как грибы: первой стала домашняя обсерватория академика А.Н. Гришова, сменившего Делиля на посту директора обсерватории при АН, на Васильевском острове; затем — площадка для астрономических наблюдений М. Ломоносова на Мойке и т. д.

Владимир Орлов пригласил из Германии доктора Л. Крафта, который должен был работать в академической обсерватории, но поскольку та со времен пожара так и не вступила еще в действие, Крафт также построил домашнюю обсерваторию на свои деньги, на чердаке дома, где жил. Словом, директором АН было положено много сил, чтобы в России ученые смогли наблюдать любопытное зрелище прохождения Венеры со всеми удобствами. Но, слава Богу, они дали хорошие результаты, и сам В. Орлов участвовал в публикации и обработке материалов наблюдения. Тем более что все трудности, с которыми сталкивался он и прочие любители астрономии в России, не шли ни в какое сравнение с историей академика Г. Лежантиля, действительного члена Парижской академии наук. Эта история столь интересна, что позволим себе рассказать ее здесь, хотя она имеет лишь косвенное отношение к описываемым событиям.

Гийом Лежантиль должен был наблюдать прохождение Венеры 1761 г. из Индии, но шла война, и он, не получив возможности вовремя высадиться на берег, делал зарисовки с палубы корабля. Долгие 8 лет ученый ждал прохождения 1769 г., но ему вновь не повезло: ясная все эти годы погода вдруг в день прохождения сменилась переменной облачностью… Наблюдение вновь не состоялось. Делать было нечего, и несчастный астроном отправился в Париж, но его вновь ждали испытания:

кораблекрушение и пираты задержали его вдали от дома еще на пару лет. А дома Лежантиля уже не ждали: Академия наук, посчитав его погибшим, отдала его место другому ученому…

Владимир Орлов продолжал активную работу до 1771 г., когда пошатнувшееся здоровье вынудило его просить соизволение государыни уехать в Европу для лечения; в окончательную отставку он ушел в декабре 1775 г. в чине генерал-поручика. Возможно, ему не удалось сделать Петербургскую Императорскую академию наук лучшей в Европе, но положение дел в ней, бывшей до его назначения директором «в великом нестроении и почти совершенном упадке», несколько улучшил.

Остаток жизни граф Владимир прожил в Москве, в своем имении, подаренном ему братом Алексеем. Он был счастлив с женой, Елизаветой Ивановной, урожденной баронессой Штакельберг, и любил своих детей. Брак принес ему, как и всякий брак, горе и радость. Первый сын, которого назвали Александром, умер рано; сын Григорий тоже не пережил отца и скончался, не подарив родителям внуков. Супруга, графиня Елизавета Ивановна, умерла прежде мужа, опередив его на 14 лет. Дочери Софья, Екатерина и Наталья сделали хорошие партии и нарожали детей.

Граф Владимир занимался строительством усадьбы, желая сделать ее похожей на средневековый замок; он привлекал к работе друзей и знаменитых архитекторов своего времени (К. Брюллова, Д. и А. Жилярди). В усадьбе В. Орлова был домашний театр, где играли крепостные артисты, и прекрасный оркестр. Незадолго до смерти ему пришло в голову перезахоронить всех своих братьев в одном месте, и в Отраде была возведена изящная усыпальница по проекту архитектора А. Жилярди.

Причиной смерти Владимира Григорьевича Орлова (28.02.1831) стала обыкновенная простуда, которую он подхватил на могиле внучки в Донском монастыре. Потомков мужеска полу после него не осталось, и усадьба перешла по наследству к старшему сыну дочери Натальи Федоровны, в замужестве Давыдовой (сын старшей дочери Екатерины погиб на дуэли). Владимир Петрович получил графский титул деда и стал родоначальником новой ветви рода Орловых — Орловых-Давыдовых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *[Глотов А. Я.].* Чесменский бой // Отечественные записки. 1820. Ч.3.

2. *[Круглый А.].* Алехан // Архив села Михайловского. — СПб., 1898. Т.I

3. *Архенгольц И.-В. фон.* Сражение при Цорндорфе // http.7/ syw-cwg. narod. ru/

4. *Аренкова Ю.* Тайна княжны Таракановой // Наука и религия. 1964. №6. С. 22-25.

5. *Блок А.А.* Собрание сочинений: в 6 тт. — М.: Художественная литература, 1971.

6. *Валишевский К.* Екатерина II: роман императрицы. — М.: СП «Квадрат», 1994.

7. *Галушко Ю., Колесников А.* Школа Российского офицерства: Исторический справочник. — М.: Русский мир, 1993.

8. *Гернет М.Н.* Дело самозванки княжны Таракановой-Володимирской // История царской тюрьмы: в 5 тт. Т. 1: 1762-1825 гг. — М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1960.

9. *Глинка Н.И.* «Строгий, стройный вид». — М: Детская литература, 1992.

10. *Данилевский Г.* Княжна Тараканова. — СПб.: Азбука-классика, 2008.

11. *Дашкова Е.Р.* Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. — М.: Изд-во МГУ, 1987.

12. Записки князя Юрия Владимировича Долгорукова // Русская старина. Т. LXIII, 1889.

13. *Захарова О.Ю.* Русская конная карусель // Наука и религия. 2001. №10.

14. *Зорин А.* Русская ода конца 1760-х — начала 1770-х годов, Вольтер и «Греческий проект» Екатерины II // Новое литературное обозрение. 1997. №24.

15. *Иванов О.А.* Загадка писем Алексея Орлова из Ропши // Московский журнал. 1995. № 9-12; 1996. № 1-3.

16. *Керсновский А.А.* История русской армии // http://syw-cwg. narod. ru/1758_dlb. html.

17. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. — М.: АСТ, 2009.

18. *Криницын Ф.С.* Чесменская победа. — М.: Военно-морское издательство Военно-морского министерства Союза ССР, 1951.

19. *Лубяновский Ф.П.* Воспоминания. — М., 1872.

20. *Мандарнага П., де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. — М.: НЛО, 2002.

21. *Михайлов О.Н.* Суворов. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.

22. *Муравьев М.А.* Записки // http://syw-cwg. narod. ru/mmr_ mur02. html.

23. *Песков А.* Павел I. — М.: Молодая гвардия, 2005.

24. Петр-Симон Паллас // http://www. vokrugsveta. com/S4/ proshloe/pallas. htm.

25. *Пикуль В.* Фаворит: роман времен царствования Екатерины II: в 2 кн. — М.: Вече, 2008.

26. *Платонов С.Ф.* Полный курс лекций по русской истории. — Петроград, 1917.

27. *Пыляев И.М.* Старая Москва. — М., 1990.

28. *Ростопчин Ф. В,* Письма к С. Р Воронцову и записка «Последний день жизни императрицы Екатерины и первый день царствования императора Павла 1-го» // Архив князя Воронцова. Кн. 8. Ч. 1.М., 1876.

29. *Русева Л.* «Таковых сынов Россия имеет…»//Смена. 1997. № 8.

30. *Рюльер К.-К.* История и анекдоты революции в России в 1762 г. // Путь к трону: История дворцового переворота 28 июня 1762 г. — М.: Слово, 1997.

31. *Сачаров Г.* Адъютант императрицы. — М.: Армада, 1996.

32. Собственноручные записки императрицы Екатерины II // Екатерина II. Записки. — СПб.: Азбука классика, 2010.

33. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен: В 29 тт. М: Мысль, 1995.

34. *Страхов Н.* Мои петербургские сумерки. Ч. II. — СПб., 1810.

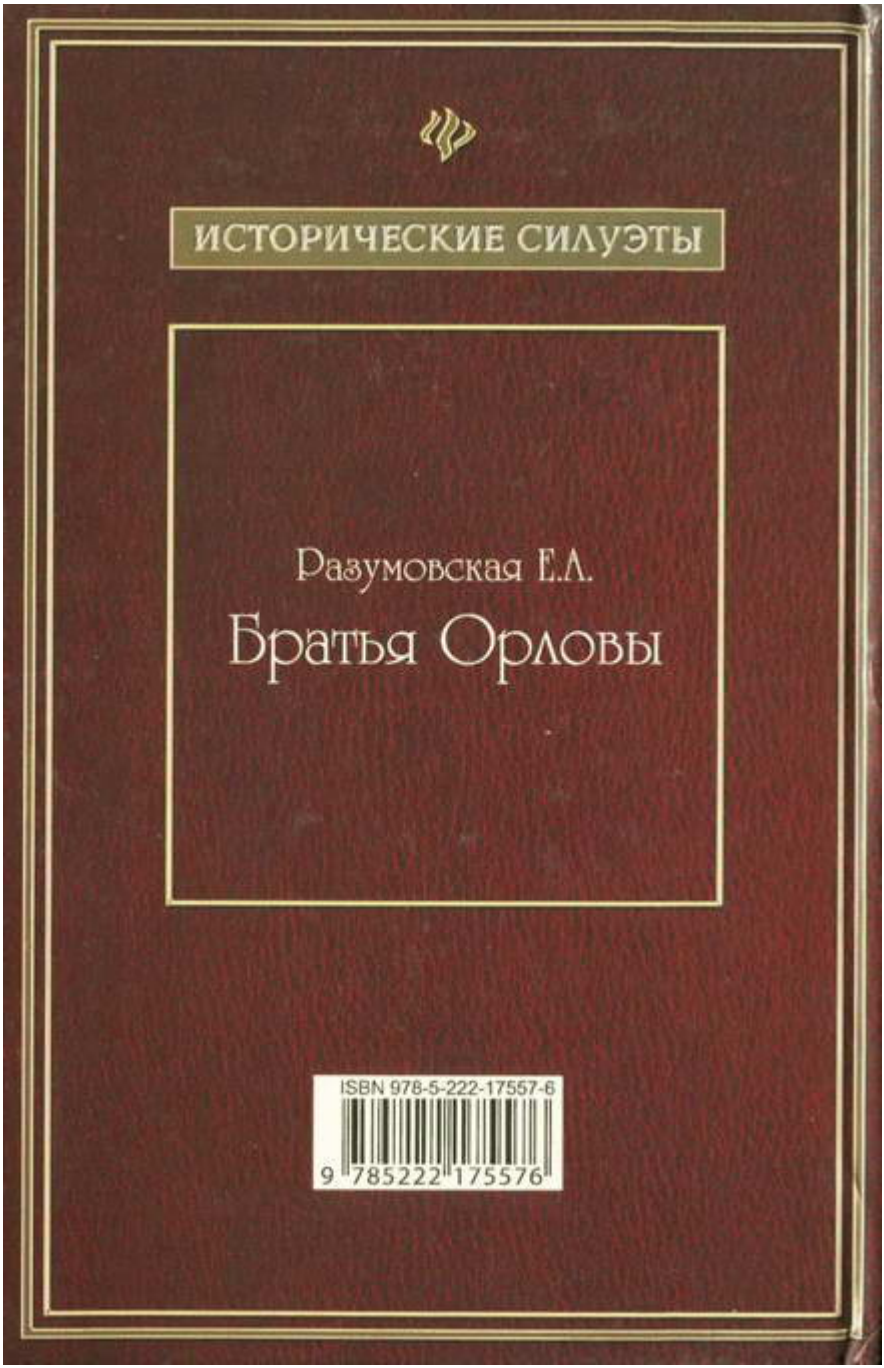
35. *Сухарева О.В.* Кто был кто в России от Петра I до Павла I. — М.: Астрель-АСТ, 2005.

36. *Тарле Е.В.* Три экспедиции русского флота. М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1956.

37. *Храповицкий А.В.* Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря Императрицы Екатерины Второй. — М.: В/О Союзтеатр, Главная редакция театральной литературы, 1990 (репринт издания 1862 г.).

38. *Хромов Г.* Российская академия наук: история, мифы и реальность // Отечественные записки. 2002. № 7.

39. *Шумахер А.* История низложения и гибели Петра Третьего // Со шпагой и факелом: дворцовые перевороты в России. — М.: Современник, 1991.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СИЛУЭТЫ
Разумовская Е.Л.
Братья Орловы
ISBN 978-5-222-17557-6
9 785222 175576

comments

Ссылки

1

Русева Л. «Таковых сынов Россия имеет…» // Смена. 1997. № 8. С. 94.

2

Блок А.А. Собрание сочинение: в 6 тт. — М., 1971. Т. 5. С. 31.

3

Русева Л. «Таковых сынов Россия имеет…» // Смена. 1997. № 8. С. 98.

Дашкова Е.Р. Записки. — М., 1987. С. 50.

Екатерина II. Записки. — СПб., 2010. С. 35.

Песков А. Павел I. — М., 2005. С. 58.

Дашкова Е.Р. Записки. — М., 1987. С. 52.

Дашкова Е. Р. Записки — М., 1987. С. 67.

Там же. С. 68.

10

Рюльер К.-К. История и анекдоты революции в России в 1762 г. // Путь к трону: история дворцового переворота 28 июня 1762 г. — М, 1997. С. 458.

11

Валишевский К. Екатерина II: роман императрицы. — М., 1994. С. 164.

Часть 1 Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи // http://gerbovnik.ru/arms/24.html.

Екатерина II. Записки. — СПб., 2010. С. 30.

14

Валишевский К.. Екатерина II: роман императрицы. — М., 1994. С. 511.

Екатерина II. Указ. соч. С. 18.

Керсновский А.А. История русской армии // http://syw-cwg.narod.ru/1758 dlb.html.

Керсновский А.А. История русской армии // http://syw-cwg.narod. ru/1758 dlb.html.

Архенгольц И.-В. фон. Сражение при Цорндорфе // http://sy\v-cwg. narod.ru.

Муравьев М. А. Записки//http://syw-cwg.narod.ru/mmr_mur02.html.

20

Архенгольц И.-В. фон. Сражение при Цорндорфе

Михайлов О. Н. Суворов. — Ростов-на-Дону, 1997. С. 73.

Валишевский К. Указ. соч. С. 127.

23

Пикуль В. Фаворит: в 2 кн. Кн. 1. — М., 2008. С. 32.

Ватшевский К. Указ. соч. С. 511.

Валишевский К. Указ. соч. С. 511.

Екатерина II Указ. соч. С. 21.

Валишевский К. Указ. соч. С. 512.

Самаров Г. Адъютант императрицы. — М, 1996. С. 170.

29

Валишевский К. Указ. соч. С. 536.

Валишевский К. Указ. соч. С. 517.

31

Ключевский В.О. Курс русской истории. — М., 2009. С. 325.

Валишевский К. Указ. соч. С. 391.

Песков Л. Указ. соч. С. 240.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен: в 29 тт. Т. 28. — М, 1993. С. 290-291.

Песков А. Указ. соч. С. 244.

Валишевский К. Екатерина II… С. 395.

37

Соловьев С. М. История России с древнейших времен: в 29 тт. Т. 29. — М, 1995. С. 146.

Дашкова Е. Р. Записки. — М, 1987. С. 108.

39

Соловьев С. М. История… Т. 29. С. 152.

Соловьев С. М. История… Т. 29. С. 155.

Соловьев С. М. История… Т. 29. С. 157.

42

Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. — М., 1990. С. 62.

Соловьев С. М. История… Т. 29. С. 165.

Соловьев С. М. Т. 29. Гл. 4. С. 180.

45

Соловьев С. М. Т. 29. Гл. 4. С. 181.

*Соловьев С.*М. Т. 29. Гл. 4. С. 182.

Соловьев С. М. Т. 29. Гл. 4. С. 185.

Соловьев С. М. Т. 29. Гл. 4. С. 186.

Валишевский К. Екатерина II: роман императрицы… С. 519.

Сухарева О. В. Кто был кто в России от Петра I до Павла I. — М., 2005. С. 101.

Пикуль В. Фаворит: в 2 кн. Кн. 1. — М., 2008. С. 45.

Валишевский К. Екатерина II: роман императрицы… С. 524.

Мандариага И., де. Россия в эпоху Екатерины Великой. — М., 2002. С. 413.

Валишевский К. Екатерина II: Роман императрицы… С. 526.

[Круглый А.]. Алехан // Архив села Михайловского. — СПб., 1898. Т. 1.С. 40.

[Круглый А.]. Алехан… Там же.

Мандариага К. де. Россия в эпоху Екатерины Великой… С. 569.

Валишевский К. Екатерина II: роман императрицы… С. 526.

59

[Круглый А.]. Алехан // Архив села Михайловского. — СПб., 1898. Т. 1.С. 3.

[Круглый А.]. Алехан… С. 4.

61

[Круглый А.]. Алехан… С. 70.

Захарова О.Ю. Русская конная карусель // Наука и религия. 2001. № 10. С. 17.

63

Страхов Н. Мои петербургские сумерки. Ч. II. — СПб., 1810. С. 23.

[Круглый А.]. Алехан… С. 5.

[Круглый А.]. Алехан… С. 30.

Страхов Н. Мои петербургские сумерки. Ч. II. — СПб., 1810. С. 22-23.

Тарле Е.В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769-1774) // Тарле Е.В. Три экспедиции русского флота. — М., 1956. С. 39.

Валишевский К. Екатерина II: роман императрицы. — М., 1994. С. 175.

69

Шумахер А. История низложения и гибели Петра Третьего // Со шпагой и факелом: дворцовые перевороты в России. — М., 1991. С. 299.

Рюльер К.-К. История и анекдоты революции в России в 1762 г. // Путь к трону: история дворцового переворота 28 июня 1762 г. — М., 1997. С. 469.

Песков А. Павел I. — М, 2005. С. 225.

Рюльер К.-К. История и анекдоты революции в России в 1762 г.... С. 469ˆ70.

Там же. С. 470.

Собственноручные записки императрицы Екатерины II // Екатерина II. Сочинения. — М, 1990. С. 495.

Валишевский К. Екатерина II: роман императрицы. — М, 1994. С. 177.

76

Текст письма цит. по изданию: Путь к трону: история дворцового переворота 28 июня 1762 г. — М., 1997. С. 498-499.

См. подробнее: *Иванов О.А.* Загадка писем Алексея Орлова из Ропши // Московский журнал. 1995. № 9-12; 1996. № 1-3.

Криницын Ф.С. Чесменская победа. — М, 1951. С. 4.

Тарле Е.В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769-1774) // Тарле Е.В. Три экспедиции русского флота. — М., 1956. С. 32.

Тарле Е.В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769-1774)… С. 35.

81

[Круглый А.]. Алехан // Архив села Михайловского. — СПб., 1898. Т. 1.С. 52.

82

Тарле Е.В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769-1774)… С. 39.

83

Зорин А. Русская ода конца 1760-х — начала 1770-х годов, Вольтер и «Греческий проект» Екатерины II // Новое литературное обозрение. 1997. №24. С. 19.

Тарле Е.В. Чесменский бой… С. 50.

Тарле Е.В. Чесменский бой… С. 50.

Тарле Е.В. Чесменский бой… С. 46-47.

Тарле Е.В. Чесменский бой… С. 47.

88

См. подробнее: *Валишевский К.* Екатерина II: Роман императрицы… С. 270.

Криницын Ф.С. Чесменская победа… С. 13.

Тарле Е.В. Чесменский бой… С. 44.

91

Валишевский К. Екатерина II: Роман императрицы… С. 235.

Тарле Е.В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769-1774)… С. 43.

Тарле Е.В. Чесменский бой… С. 61.

Там же. С. 62.

[Глотов А.Я.]. Чесменский бой // Отечественные записки. 1820. Ч. 3. С. 57.

Тарле Е.В. Чесменский бой… С. 60.

97

Шканечный журнал линкора «Не тронь меня», запись от 24-26.06.1770. Тарле Е.В. Чесменский бой… С. 72.

Криницын Ф.С. Чесменская победа. М., 1951. С. 32.

Кринициын Ф.С. Чесменская победа… С. 34.

100

Записки князя Юрия Владимировича Долгорукова // Русская старина. Т. LXIII, 1889. С. 210.

Кринициын Ф.С. Чесменская победа… С. 37.

102

Записки князя Юрия Владимировича Долгорукова // Русская старина. Т. LXIII, 1889. С. 211.

103

[Круглый А.]. Алехан… С. 15.

Тарле Е.В. Чесменский бой… С. 86.

105

Майков В.И. Избранные произведения. — М.-Л., 1969. С. 89.

[Круглый А.]. Алехан… С. 31.

107

Записки князя Юрия Владимировича Долгорукова // Русская старина. Т. LXIII, 1889. С. 501.

[Круглый А.]. Алехан… С. 31.

Валишевский К. Роман императрицы… С. 490.

Песков А. Павел I… С. 4.

111

Рюльер К.-К. История и анекдоты революции в России в 1762 г. // Путь к трону: История дворцового переворота 28 июня 1762 г. — М., 1997. С. 449.

Тарле Е.В. Чесменский бой… С. 39.

113

Гернет М.Н. Дело самозванки княжны Таракановой-Володимирской // История царской тюрьмы: в 5 тт. — М., 1960. Т. 1: 1762-1825 гг. С. 195.

Гернет М.Н. Дело самозванки… С. 196.

115

[Круглый А.Л. Алехан… С. 33.

Храповицкий А.В. Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря Императрицы Екатерины Второй. — М., 1990 (репринт издания 1862 г.). С. 5.

117

[Круглый А.]. Алехан // Архив села Михайловского. — СПб., 1898. Т. 1.С. 85.

Аренкова Ю. Тайна княжны Таракановой // Наука и религия. 1964. № 6. С. 22-25.

Гернет М.Н. Монастырские тюрьмы… С. 267.

Гернет М.Н. Монастырские тюрьмы… С. 289.

121

Сухарева О.В. Досифея // Сухарева О.В. Кто был кто в России от Петра I до Павла I. — М, 2005. С. 178.

[Круглый А.]. Алехан… С. 34-35.

123

[Круглый А.]. Алехан… С. 36.

[Круглый А.]. Алехан… Там же.

125

[Круглый А.]. Алехан… С. 39.

126

Кокс У. Путешествия в Польшу, Россию, Швецию и Данию // [Круглый А.]. Алехан… С. 5.

127

[Круглый А.]. Алехан… С. 6.

Страхов К. Мои петербургские сумерки… С. 23.

129

[Круглый А.]. Алехан… С. 45.

[Круглый А.]. Алехан… Там же.

131

Письма Марты Вильмот // Дашкова Е.Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. — М., 1987. С. 334.

Храповицкий А.В. Памятные записки… С. 42.

133

[Круглый А.]. Алехан… С. 49.

Валишевский К. Екатерина II: роман императрицы… С. 296.

135

[Круглый А.]. Алехан… С. 53.

[Круглый А.]. Алехан… С. 55.

137

Лубяновский Ф.П. Воспоминания // Русский архив. 1872. С. 138.

138

Лубяновский Ф.П. Воспоминания // Русский архив. 1872. С. 133.

139

[Круглый А.]. Алехан… С. 72.

140

Ростопчин Ф.В. Письма к С.Р. Воронцову и записка «Последний день жизни императрицы Екатерины и первый день царствования императора Павла 1-го» // Архив князя Воронцова. Кн. 8. Ч. 1. — М., 1876. С. 171-174.

141

Лубяновский Ф.П. Воспоминания // Русский архив. 1872. С. 148.

Пыляев И.М. Старая Москва. — М., 1990. С. 142.

143

Письмо К. Вильмот к сестре Алисии // Дашкова Е.Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. — М., 1987. С. 302.

144

Из дневника М. Вильмот // Дашкова Е.Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. — М., 1987. С. 369.

Галушко Ю., Колесников А. Школа Российского офицерства: Исторический справочник. — М.: Русский мир, 1993.

Галушко Ю., Колесников А. Школа Российского офицерства: Исторический справочник. — М: Русский мир, 1993.

147

[Круглый А.]. Алехан… С. 41.

[Круглый А.]. Алехан… Там же.

149

Русева Л. «Таковых сынов Россия имеет…» // Смена. 1997. №8. С.109.

Соловьев С.М. История России… Т. 27. Гл. 2. С. 101.

151

Соловьев С.М. История России… Т. 27. Гл. 2. С. 101.

Валишевский К. Екатерина II: роман императрицы… С. 533.

Валишевский К. Указ. соч. С. 533-534.

154

Там же.

Русева Л. «Таковых сынов Россия имеет……. С. 110.

Дашкова Е.Р. Записки // Дашкова Е.Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. — М, 1987. С. 107.

Хромов Г. Российская академия наук: история, мифы и реальность // Отечественные записки. 2002. № 7. С. 67.

Петр-Симон Паллас // http://vvww.vokriigsveta.com/S4/ proshloe/ pallas.htm.